

ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛИЦА

Научная
физиогномика
и ее практическое
применение
в жизни
и искусстве

ФРИЦ Ланге

Die Sprache des menschlichen Antlitzes

**Eine wissenschaftliche Physiognomik
und ihre praktische Verwertung im Leben
und in der Kunst**

Von
Professor Dr. Fritz Lange
Geheimer Hofrat
ehemaliger Vorstand der Orthopädischen Klinik
München

**Mit 308 Abbildungen im Text, auf 8 Tafeln
und 1 Ausschlag-Tafel**

J. F. Lehmanns Verlag, München / Berlin

Фриц Ланге

ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЛИЦА

**Гратис
Нефтеюганск
2011**

УДК 1
ББК 87.3
Л 22

Фриц Ланге

Л 22 Язык человеческого лица. — Нефтеюганск: «Гратис», 2011. — 224 с.

ISBN 5-89804-147-8

Науке под названием физиогномика уже много тысяч лет. Первыми физиогномистами были дикари, которые раскрашивали свои лица, чтобы напугать своих врагов. Египтяне пытались достичь физиогномического эффекта, изменяя форму черепа. Характерным примером являются хранящиеся в берлинском музее искусственно вытянутые черепа дочерей Аменофиса, датируемые 1350 г. до н. э. Первым письменным свидетельством о физиогномических изысканиях мы обязаны Аристотелю. Из приписываемой ему физиогномики мы узнаем, что и до него физиогномисты исследовали выражение «лиц» животных, чтобы раскрыть тайну человеческого лица. С угасанием древних культур прекратился и интерес к физиогномике. Только у Леонардо да Винчи мы находим возрастающее количество сообщений о его физиогномических наблюдениях. Очень подробными физиогномическими исследованиями занимался Микеланджело — о чем, без сомнения, свидетельствуют его картины, которые правдиво и даже натуралистично передают человеческие страсти и страдания — но он, к сожалению, не оставил никаких письменных свидетельств о своих физиогномических исследованиях.

Книга известного немецкого ученого будет полезна практическим психологам, художникам, сотрудникам правоохранительных органов, а также всем тем, кто интересуется психологией.

ВВЕДЕНИЕ

Физиогномике уже много тысяч лет. Первыми физиогномистами были дикари, которые раскрашивали свои лица, чтобы испугать врагов. Египтяне пытались достичь физиогномического эффекта, изменяя форму черепа. Характерным примером являются хранящиеся в берлинском музее искусственно вытянутые черепа дочерей Аменофиса, датируемые 1350 г. до н. э. Несомненно, жрецы, которые обладали этим искусством, хотели создать впечатление, что королевская семья принадлежит к особенно благородной и изысканной расе. Первым письменным свидетельством о физиогномических изысканиях мы обязаны Аристотелю. Из приписываемой ему физиогномики мы узнаем, что и до него физиогномисты исследовали выражение «лиц» животных и расовые различия, чтобы раскрыть тайну человеческого лица. С угасанием древних культур прекратился и интерес к физиогномике. Только у Леонардо да Винчи мы находим возрастающее количество сообщений о его физиогномических наблюдениях. Очень подробными физиогномическими исследованиями занимался Микеланджело — о чем, без сомнения, свидетельствуют его картины, которые правдиво и даже натуралистично передают человеческие страсти и страдания — однако он, к сожалению, не оставил никаких письменных свидетельств о своих физиогномических исследованиях.

Затем на многие столетия в физиогномике снова воцаряется тишина, вплоть до появления труда Лафатера — «Физиогномические фрагменты для повышения качества человекознания и человеческой любви». Книга возбудила всеобщее внимание. Сам Гёте посвятил ей немало времени. Лафатер, несомненно, был духовно богатым человеком и хорошим наблюдателем, но при этом совершенно некритичным фантазером. Когда ему прислали для оценки дагерротип, в котором он узнал черты Гердера, то он немедленно обнаружил в этом лице все известные ему качества великого философа. В действительности же дагерротип принадлежал некоему разбойнику и убийце. Можно, конечно, сомневаться, было ли это только его заблуждением, но без этого не обошлось.

Точно таким же фантазером, но одновременно и заслуженным исследователем был Галль. К заблуждениям его учения о черепах я позже вернусь. В то же время несомненная заслуга Лафатера и Галля состоит в том, что они пробудили всеобщий интерес к физиогномике, который не угасает в течение уже 150 лет. Накопившаяся за это время литература достаточно обширна. Большинство физиогномистов и сейчас идет по пути, проложенному Лафатером и Галлем. В мои намерения не входит перечислять много имен. Хотя среди них есть серьезные и нацеленные на поиск истины исследователи. Из этой группы я назову Дарвина, Дюшена, Боре, Пидерита, Лерша и Фервея. Серьезный обзор о состоянии нашего физиогномического знания за последние десять лет излагает Крукенберг в своей

книге «Выражение лица человека» (Stuttgart, F. Enke). Там представлено достаточное подробное изложение текстов по физиогномике за эти десять лет.

Мои собственные физиогномические исследования длятся уже на протяжении почти пятидесяти лет, со времени моего студенчества. Тогда я имел счастье познакомиться со старым мастером немецкой археологии, фон Брунном. Во время своих археологических изысканий Брунн, как правило, сталкивался с вопросами, которые можно было решить только на основе анатомических знаний. Например, в нашей первой беседе мы обсуждали выпячивание лба у бюста Зевса Отриколи — и мало-помалу между нами установились почти дружеские отношения, за что я и сегодня благодарен судьбе и рассматриваю это событие как особо значимое для всего моего последующего развития. Около 1890 года я начал собственные физиогномические исследования; 50 лет последующей врачебной работы предоставили мне богатые возможности для физиогномических наблюдений, но я не смог надлежащим образом классифицировать и обработать их. Жизнь, полная работы и забот, не предоставила мне на это времени. Лишь в последние годы у меня появилась возможность освободиться от большей части моих врачебных обязательств и изложить свои физиогномические мысли и наблюдения. Сначала у меня были сомнения, позволит ли мне мой возраст проделать подобную работу. Но чем больше я продвигался вперед, тем увереннее у меня появлялось ощущение, что возраст создает даже преимущества для подобного рода исследований. С возрастом дальнзоркими становятся не только глаза — в оптическом смысле — но и дух. Может быть, не удастся вблизи столь остро распознавать отдельные подробности, но зато лучше видны общие линии целого. Поэтому, как мне думается, мне стало легче классифицировать и систематическим образом изложить мои многочисленные наблюдения, и это у меня получилось лучше, чем если бы я делал это десять лет назад. Насколько правильны эти мои ощущения, судить читателю.

Я попытался проследить развитие и изменение человеческого лица от рождения до самой смерти. Кроме того, я попытался учитывать практически игнорируемое до последнего времени значение наследственных признаков. Другой моей задачей было путем углубленного анализа работы отдельных лицевых мышц установить соответствующие характерные черты лица, и, далее, понять, в какой мере эти черты лица позволяют нам говорить о личности человека. Те области, в которые мне пришлось вторгаться в ходе моей работы, часто представляли собой непаханую целину. Поскольку я не мог ограничиться анатомическими основами, то постоянно вынужден был заниматься вещами, в общем, достаточно чуждыми врачебной профессии — историей искусства, археологией, мировой историей и историей литературы.

Другая трудность заключалась в том, что книга должна представлять интерес не только для врачей, которым в первую очередь были адресованы результаты новейших исследований, но и для любителей, проявляющих интерес к физиогномике. Если заниматься физиогномикой, исходя из научного подхода, то нужно знать важнейшие лицевые мышцы, поскольку именно они «рисуют» на лице эмоциональные переживания и душевные движения. Чтобы облегчить работу

с книгой не-врачам, важнейшие мышцы, с которыми должен ознакомиться любитель, набраны крупным шрифтом, а менее важные — обычным. Кроме того, я постарался, насколько это возможно, сохранить немецкие названия; но все же вполне избежать латинских наименований не удалось. В конце книги я даю объяснение таких названий на немецком.

Если мне, несмотря на все трудности, удалось закончить книгу в течение двух лет, то этим я обязан той теплой поддержке, которая оказывалась мне во время моей работы. Я сердечно благодарю скульптора фрау Гутрун Хуллер, которая была моим советчиком по вопросам, связанным с изобразительным искусством, господина директора д-ра Дипольдера, который консультировал меня по вопросам археологии, и, наконец, господ профессора д-ра Бруна и д-ра Брутцера из Немецкого Института Истории, которые любезно информировали меня о различных личностях времен Возрождения, что было необходимо для успешного завершения моей работы. Я выражаю также свою благодарность издательству J. F. Lehmann за всегда терпеливое и доброжелательное отношение к моим авторским проблемам.

Мюнхен, апрель 1937
Фриц Ланге

ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИОГНОМИКИ

Греческое слово «фюзис» при переводе на немецкий язык так же многозначно, как фаустовский «логос». Но если поставить на место *фюзис* его немецкий эквивалент, физиогномика окажется учением о выражении лица.

Индивидуальные черты лица человека возникают в результате взаимодействия двух сил: инертной массы наследственных признаков и формирующего воздействия жизни. К массе наследственных признаков принадлежит *форма черепа*. Даже беглый взгляд на вытянутый (северная раса) и широкий (восточная раса) черепа позволяет сразу установить различие в костном строении лиц (рис.1 и рис.2).

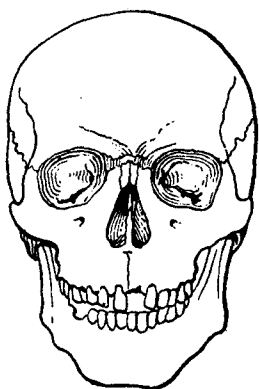

Рис. 1. Узкое лицо

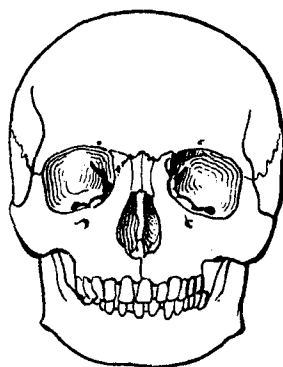

Рис. 2. Широкое лицо

Можно предполагать, что северная раса с вытянутыми узкими черепами обладает другими душевными качествами, чем восточная раса с широкими черепами. Гюнтер видит преимущества северной расы в ее способности к вынесению суждений, в реализме, способности к действию, творческому дарованию, а также в духе лидерства и борьбы, в то время как восточной расе он приписывает в большей степени склонность к приятным мечтательным раздумьям, к добыванию денег и общему миролюбию. Возможно, это справедливо для всей *целостности* расы, в отдельных же случаях наблюдается, естественно, множество исключений и отклонений. Поэтому из индекса длины черепа нельзя делать однозначные выводы о *характере отдельного индивида*, поэтому такой показатель, как форма черепа, следует применять в физиогномике с большой осторожностью и в ограниченной мере.

Также и *форма носа*, хотя она придает лицу весьма характерный облик, не имеет большого значения для физиогномиста. Если сравнить благородный нос некоего Тренкера (рис. 3), человека, жизненная судьба которого хорошо известна, с плоским носом бушмена (рис. 4), то может возникнуть склонность связать благородный и смелый нос Тренкера с его личностью. Однако негр-бушмен

несмотря на свой плоский нос может оказаться таким же смелым и отважным. Поэтому от формы носа, как бы она ни бросалась в глаза, вряд ли можно ожидать серьезных физиогномических выводов.

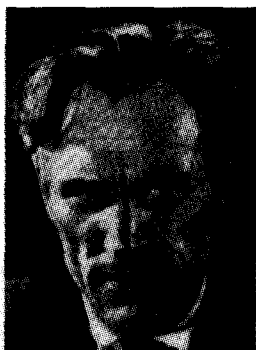

Рис. 3. Луи Тренкер

Рис. 4. Бушмен

Рис. 5. Якутка

Рис. 6. Глаза Мадонны

Что касается *мягких частей лица*, то они также в значительной мере являются отражением массы наследственных признаков, что придает лицу характерный облик, но физиогномист не может оценивать их однозначно, без опоры на другие признаки. Узкие раскосые глаза монголов (рис. 5) не совсем хороши с точки зрения европейского вкуса, если сравнить их с широко раскрытыми глазами европейца (глаза Мадонны, рис. 6), но вряд ли можно делать далеко идущие выводы из наследственно определенного характера разреза глазной щели.

Также и *фурма*, и, в частности, губ, в той мере, в какой они основываются на наследственности, следует оценивать с большой осторожностью. Вздутые и утолщенные губы негра говорят, казалось бы, о его грубости и жестокости, но стоит хотя бы раз увидеть, с какой трогательной нежностью старая негрятенка относится к доверенному ей младенцу, или послушать задушевные песни негров, чтобы понять, что из одних только грубых и утолщенных негрятенских губ нельзя делать серьезные выводы о личности этих людей.

При оценке общего впечатления от лица человека большую роль играют *волосы*. Достаточно сравнить портрет Иоганна Брамса (рис. 7) с портретом Брукнера (рис. 8) или с курчавой головой негра.

Можно было бы предположить, что склонность Геккеля к борьбе, и та радость, которую он от нее получал, нашли выражение в его львиной гриве. Однако известный Вильгельм Рабе обладал не менее пышной шевелюрой, но его, конечно, никак нельзя отнести к борцовским натурам. *Цвет волос* определяется в первую очередь наследственными признаками, но их форма, как и форма бороды, выбирается произвольно, часто под влиянием моды или же из соображений подражания. Достаточно вспомнить о бородах времен кайзера Вильгельма. Волосы и борода воздействуют на наблюдателя исключительно декоративно, но, предположительно, они могут отражать какие-то черты личности. Длинная и ухоженная борода Зудермана говорит о его тщеславии, неухоженные волосы

Рис. 7. Иоганн Брамс

Рис. 8. Антон Брукнер

Бетховена — о его презрении ко всякой внешности; но у большинства людей их волосы и борода в физиогномическом отношении совершенно бесполезны.

Почти то же самое относится и к *коже*. Розовая и свежая кожа молодой девушки, конечно, более привлекательна, чем покрытая угревой сыпью желтая старческая, но скрывающаяся под этой кожей душа может оказаться намного ценнее, чем душа молодой девушки. Несколько более ценно с диагностической точки зрения развитие жирового слоя под кожей. Если развитие жирового слоя связано с обильной едой, недостатком физической работы и флегматическим темпераментом, то это отражает частично определенные стороны личности. Но если это связано с изменениями из-за проблем с эндокринной системой, то есть представляет собой наследственное проявление, то вряд ли это можно использовать для диагностики личностных качеств.

Из этих рассуждений можно было бы сделать вывод, что трезво настроенный исследователь отклоняет многие пути, по которым шли богато одаренные фантазией физиогномисты прошлого. Исключением из этих неприменимых методов является только работа лицевых мышц.

Работа лицевых мышц

Мышца, которая часто и интенсивно напрягается, становится толще. Одновременно она стягивает кожу лица в *морщины*. Морщины обычно располагаются косо по отношению к расположению мышцы. Чем более кожа бедна жиром, тем более отчетливо проступают морщины. У *детей* морщины появляются лишь в момент сокращения мышцы и их возникновение преходяще. Но когда определенное сокращение мышцы повторяется в течение жизни из раза в раз, морщины «уставливаются», их можно наблюдать и в спокойном состоянии; они придают лицу совершенно определенное характерное выражение. Такие морщины характерны главным образом для *взрослых*.

В то же время работа лицевых мышц может *видоизменять отдельные части лица*. А именно, они могут влиять на кожу около глаз, придавая характерную форму бровям и влияя на ширину и форму глазной щели.

Очень большое влияние лицевые мышцы могут оказывать на *рот*; они могут совершенно преобразовывать его. Мягкие, красиво изогнутые губы могут превратиться в уродливый резко очерченный рот, который может рассказать больше о душевной жизни его обладателя, чем самая подробная история его жизни. Вообще всякий человек, даже не обладающий специальными знаниями, может прочесть очень многое по выражению человеческого лица. Впечатление, которое производит на нас другой человек, основывается на характерных особенностях его жизни, которые отразились на его лице.

Мирза-Шафи говорит:

*Каждое человеческое лицо
скрывает свою историю,
свою ненависть и любовь,
они отчетливо написаны на нем.
Его внутренняя суть
выходит на свет —
но не каждый может, прочитав ее,
понять.*

Но это не вполне справедливо. Однако если вместо «каждое человеческое лицо» сказать «многие человеческие лица», то исследователь вполне может согласиться с поэтом.

Этот язык человеческого лица в общем-то у всех народов одинаков — это общемировой язык. Даже если кто-то и не понимает чужого языка, из говорящих черт лиц представителей этого народа он многое может узнать о внутренних переживаниях его представителей, если, конечно, он в состоянии истолковать их правильно. Для большинства людей — это вопрос чувства и опыта. У людей, например, переживших тяжелые, печальные переживания уголки рта всегда опущены вниз. И, наоборот, у радостных натур они обычно подняты чуть вверх. По направлению уголков рта тотчас можно определить, относится ли человек к серьезным или, скорее, веселым и радостным натурам. В приведенном примере все ясно. Однако на большинство вопросов, которые ставит физиогномика, не так-то легко ответить, и поэтому у нас до сих пор нет научной физиогномики. И хотя я пытаюсь заложить основы физиогномики такого рода, я отчетливо представляю себе трудности, связанные с этими исследованиями.

В основном форма лица определяется суммой наследственных признаков: расой, семьей, конституцией, характером, темпераментом. Но опыт и переживания, окружение, профессия, язык и болезни проявляются через новые линии черт лица, создают новые формы. Эти новые черты появляются в результате работы лицевых мышц. Многие мышцы, например, *мышца смеха, risorius*, напрягаются лишь при веселом и радостном настроении. Они вытягивают углы рта вверх и вовне, и если это происходит часто, такое положение закрепляется. По этому признаку даже в

преклонном возрасте можно узнать радостную и веселую натуру. Противоположным образом действует *мышца страдания*, *m. triangularis*, которая вытягивает углы рта вниз и вовне. Если бы все остальные лицевые мышцы обладали бы столь же однозначным действием, научное основание физиогномики было бы очень простым. Однако многие мышцы сокращаются одинаково при различных, а подчас совершенно противоположных душевных состояниях, как, например, *щечная мышца*, *m. buccinator*, — при слезах и при смехе, при попытках овладеть собой и при озлобленности. Поэтому толкование тех морщин, которые возникают в результате действия *m. buccinator*, весьма осложняется.

Далее, значительную сложность составляет *разграничение наследственно обусловленных черт от изменений, возникших в течение жизни*. Особенно это относится к воздействию характера и темперамента. *Характер и темперамент* изначально принадлежат к наследственно обусловленным признакам. Многие считают, что в течение жизни они вообще не меняются. Другие же исследователи считают изменение характера и темперамента возможным. Я придерживаюсь именно этого мнения. Особенное впечатление произвели на меня два опыта с одним старым служащим, жизненный путь которого был хорошо мне известен.

Его отец был вздорным человеком и поэтому существенно портил свою семейную жизнь. Сын унаследовал этот буйный темперамент своего отца. Однако в возрасте одиннадцати лет он убедился, насколько вздорный характер отца приносит несчастье всей семье и ему самому, и в результате принял решение всегда подавлять в себе появляющийся и нарастающий гнев. К двадцати годам он сумел стать человеком, хорошо владеющим собой, каким и оставался до преклонного возраста.

Известно и другое изменение врожденных черт характера у этого же служащего.

Его отец был человеком умным, но обладал неуправляемым темпераментом. Он все время начинал какие-то новые дела, хотя почти всегда не заканчивал начатые прежде. Его сын унаследовал это его качество. После смерти отца — тогда ему было 18 лет — он нашел много вещей, которые начал мастерить его отец, но не закончил их. Это произвело на молодого человека большое впечатление. Он дал себе слово всегда стараться закончить начатую вещь или начатое дело. Впоследствии он обрел редкую основательность в работе, что стало его благословением.

Это только два наблюдения. Но поскольку они основаны на хорошо известных фактах, не приходится сомневаться в возможности изменения врожденного темперамента и характера. И это хорошо, иначе возможности воспитания и самовоспитания были бы очень невелики.

Для физиогномической оценки лица в большинстве случаев безразлично, является ли черта характера унаследованной или благоприобретенной. Например, наличие морщины у уголков рта говорит о своенравии, но ничего не говорит о том, является ли оно врожденным или приобретенным. И при других формах, например, верхнего века, будь то персико-тарзальное или булавовидное веко, точно так же часто невозможно точно определить, является эта форма врожденной

или приобретенной. Но поскольку *верхнее веко* не имеет слишком большого значения для общего выражения лица, не так уж важно, что мы не можем точно установить влияние наследственности. Количество форм лица, для которых точное знание степени их унаследованности необходимо, вообще говоря, невелико. Примером может послужить *толстая нижняя губа*. Она может быть обусловлена наследственно, как у Габсбургов, но может сформироваться и в результате постоянного дурного настроения, за которое ответственно окружение. Если бы мы в первом случае сделали вывод о несовершенстве характера, мы допустили бы грубую ошибку. Однако в целом нельзя сказать, чтобы практической работе физиогномиста очень вредило бы то обстоятельство, что мы не всегда можем точно установить степень влияния наследственных признаков. Но было бы желательно расширить и углубить наши знания в этом направлении. Ценные начинания в этой области принадлежат венскому антропологу Венингеру и его ученикам Харрассеру и Гейеру. Особенно физиогномисты должны быть благодарны за основательное семейное исследование наследственных признаков.

В моих собственных исследованиях я ограничиваюсь изучением лица. Я не рассматриваю позу и характерные движения тела, хотя в них личность часто проявляется очень характерно.

ГОЛОВА

Скелет головы образован костями черепа. Задняя и верхняя части головы образуют полушарие, скрывающее тщательно защищенный, важнейший орган человеческого тела — мозг. Эту часть головы анатомы называют мозговой частью черепной коробки. Переднюю и нижнюю части головы образуют лицевые кости черепа. Лицевая часть черепа состоит в основном из верхней и нижней челюстей. Наряду с ними там располагаются важнейшие органы чувств — глаза, уши и нос. К костному каркасу черепа прикрепляются мышцы. Наиболее сильные жевательные мышцы, *m. masseter* и *m. temporalis*, обеспечивают работу жевания. Остальные мышцы, представляющие собой, как правило, тонкие пластины, служат мимике, движению рта и глаз. Они базируются на костях. На этом мышечном слое располагается жировой слой, толщина которого значительно различается у разных людей. Все это целое из костей, мышц и жира заключено в тесно прилегающий кожный мешок. Сказанного об анатомии головы достаточно для грубого наброска. Теперь же займемся деталями.

Черепная коробка

Как я уже говорил в своем предварительном обзоре, анатомы различают мозговую и лицевую части черепной коробки. То, что располагается ниже линии, проходящей через брови, основание носа и отверстия ушных раковин, принадлежит *лицевой части* черепной коробки. Ядро лицевой части черепной коробки образуют верхняя и нижняя челюсти. С обеих сторон в виде ушек прилегают скуловые дуги; в середине возвышается костное основание носа, которое увеличивается носовым хрящом. Костное основание носа и носовой хрящ определяют характерную форму носа. На границе между мозговой и лицевой частями черепной коробки располагаются пазухи для глаз. Несколько глубже с обеих сторон находятся внешние слуховые каналы. Сама по себе ушная раковина состоит из одного только хряща. Таким образом вкратце можно охарактеризовать строение черепной коробки. Мозг отвечает за все духовные процессы, работа челюстей обеспечивает удовлетворение сильнейшей животной потребности, утоляет голод. Да здравствует дух, да здравствует материя!

Если сравнить череп орангутанга (рис. 9) с человеческим черепом и проследить развитие современных людей от их предков (рис. 10), то можно видеть, что при развитии от животных к пра-людям и от пра-людей к людям современным (рис. 11) мозговая часть черепной коробки все увеличивается, тогда как челюсти неуклонно сокращаются, занимая в черепе современного культурного человека достаточно скромное место.

Рис. 9. Череп взрослой мужской особи орангутанга (по «Антропологии» Мартина).

Рис. 10. Череп пра-человека (череп мужчины «Ла Ферраси», музей г. Бойла).

Современный культурный человек в силу своего более интеллектуального развития не нуждается больше в огромных челюстях для разжевывания пищи. Поэтому для культурного человека характерно значительное развитие мозговой части черепной коробки и слабо развитые челюсти. Для пра-человека, находящегося на стадии развития *дикаря*, все наоборот: небольшая мозговая часть черепной коробки и большие челюсти с мощными зубами.

Выраженность мозговой части черепной коробки и незначительное развитие челюстей говорит о высоком развитии мозга, тогда как мощные челюсти и небольшая мозговая часть черепной коробки о застывании в «диком» состоянии. Если мы находим эти признаки у всех или почти всех членов какой-либо расы, то мы получаем существенные физиогномические основания для оценки этой расы. Но нужно быть очень осторожным при обнаружении этих признаков у *отдельного индивидуума*. Чем больше мозговая часть черепной коробки, тем больше мозг. Это очевидно. Мы знаем, далее, что мозг европейца больше, чем у представителей низших рас. Внутри одной и той же расы мы находим, что представители интеллектуального труда обладают более развитой мозговой частью черепной коробки и, соответственно, большей массой мозга, чем представители физического труда. Матигла нашел у поденных рабочих средний вес головного мозга около 1410 грамм, у лиц, занятых физическим трудом, — 1450 грамм, и у высших служащих, врачей и т. п. — около 1500 грамм (цитирую по Мартину). Эти наблюдения говорят, казалось бы, о том, что с большим объемом мозговой части черепной коробки и с большим объемом мозга автоматически связана и духовность, интеллигентность человека. Но все не так просто. Однако можно было бы думать, что вследствие интенсивной интеллектуальной работы наступает гипертрофия отдельных частей мозга, как это происходит при постоянной работе какой-либо мышцы, и этот рост мозга влияет и на черепные кости. Кости черепа в первые двадцать лет жизни гораздо более пластичны, чем обычно предполагают.

Насколько велика пластичность *детского* черепа, часто убеждаются ортопеды. Когда стерно-кляйдо-мастоидеус укорочена и вследствие этого

Рис. 11. Череп взрослого европейца (по «Антропологии» Мартина).

формируется кривошея, то сильное растяжение **мышцы** тормозит развитие всей **больной** половины лица, в то время как **здоровая** сторона развивается нормально. Возникает выраженная асимметрия лица. Средняя линия проходит не прямо, но по дуге, выпуклость которой направлена в сторону здоровой половины лица. Если укороченную **стерно-кляйдо-мастоидеус** вовремя **перерезать** и, таким образом, удлинить, то давление на черепные кости **больной** половины в течение трех-четырех лет прекращается и болезненная асимметрия лица исчезает. Кривошея является, как правило, врожденной. Иногда бывает так, что

кривошея развивается в возрасте 12–13 лет. Тогда, несмотря на поздний возраст, развивается лицевая асимметрия. Все это свидетельствует о большой пластичности костей черепа в детском возрасте (рис. 12 и 13).

На предположении о пластичности крышки черепной коробки Галль построил свою физиогномику. Он полагал, что отдельные душевные функции локализованы в совершенно определенных участках головного мозга, и при интенсивном развитии, например, полового влечения, любви к детям, понимания музыки и т. д. соответствующие участки мозга оказываются гипертрофированы и крышка черепа на этом месте выпячивается.

Поэтому путем ощупывания крышки черепа можно — согласно учению Галля — разгадать душевный склад и характер человека. Врачу, знакомому с современными представлениями о топографии мозговых центров, достаточно беглого взгляда на «шахматную доску» Галля, чтобы понять, что его учение неприемлемо. Непонятно даже, как в свое время это учение могло привлечь к себе всеобщее внимание. Долгое время этим занятиям посвятил себя даже сам Гёте. Но наибольшее влияние учение Галля оказало на искусство своего времени. Чтобы констатировать у известных людей все центры Галля, реальной величины их лбов, как правило, не хватало, так что художникам приходилось увеличивать им лбы. Классическим примером может служить бюст Гёте работы Давида (рис. 16). Сравнение бюста Гёте работы Давида с изготовленной Шадо в 1816 г. посмертной гипсовой маской Гёте (рис. 17) показывает, какое отрицательное влияние на искусство имела теория Галля. В то же время было бы неверным отказывать теории Галля во всяком положительном смысле. Идея, что определенные душевные функции представлены топологически определенными центрами коры головного мозга, была для своего времени новой.

То, что определенные центры коры головного мозга могут быть развиты сильнее других, и сегодня представляется вполне вероятным. Но то, что при этом соответствующие им участки крышки черепа выпячиваются, кажется

Рис. 12. Кривошея. Перед операцией. Сильная асимметрия лица.

Рис. 13. 1 год после операции. Асимметрия по большей части редуцировалась.

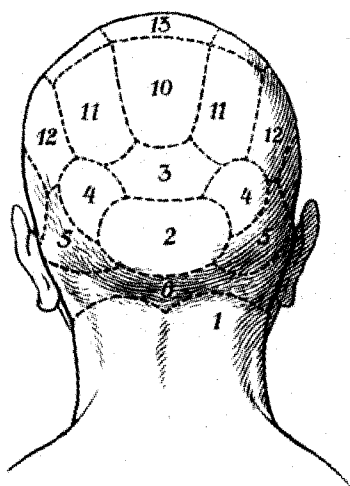

Рис. 14.

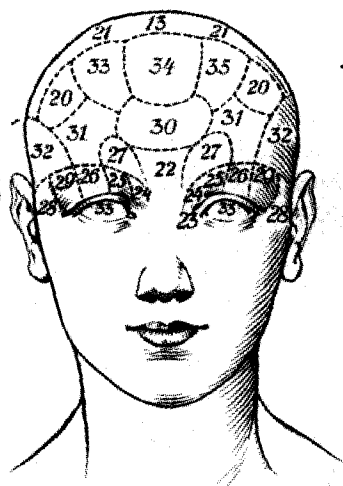

Рис. 15

Френологические органы по Галлю:

1. Половое влечение. 2. Любовь к детям. 3. Стремление к единству. 4. Потребность в привязанности. 5. Стремление к борьбе. 6. Стремление к разрушению. 7. Стремление к утаиванию. 8. Стремление к достижению. 9. Стремление к созиданию. 10. Ощущение себя. 11. Потребность в одобрении. 12. Осторожность. 13. Доброжелательство. 14. Религиозность. 15. Устойчивость. 16. Совестливость. 17. Надежда. 18. Чувство чудесного. 19. Чувство красоты. 20. Юмор. 21. Стремление к подражанию. 22. Чувство предметности. 23. Образность. 24. Чувство пространства или формы. 25. Чувство тяжести. 26. Ощущение цвета. 27. Чувство места. 28. Понимание числа. 29. Чувство порядка. 30. Ощущение факта. 31. Потребность питаться. 32. Ощущение звука. 33. Чувство слова. 34. Способность сравнения. 35. Способность к выводу.

Рис. 16. Бюст Гёте работы Давида. 1829

Рис. 17. Посмертная гипсовая маска Гёте. Шадо, 1816

сомнительным. *Ретциус* в Стокгольме и *Мёбиус* полагали, что они обнаружили выпячивание на черепках у музыкантов, Кёнига, Бетховена и Брамса на том месте, которое, согласно Галлю, соответствует т. н. «музыкальному органу». Сегодня можно считать вероятным, что головной мозг является реальной формообразующей силой по отношению к черепу (E. Landau, «Anatomie des Grosshirns», Verlag von E. Bircher, 1923, S 1–11). На внутренней стороне черепа определенные части головного мозга проявляются очень четко; Impressiones digitatae передних и средних черепных ямок точно соответствуют прилегающим извилинам передних отделов лобных и височных долей (Hugo Spatz и G. Stroescu, «Nervenzarzt», 1934, S 432–434). На внешней же стороне черепа Ландау лишь на незначительном количестве участков нашел выпячивания, которые действительно соответствовали изгибам мозговых извилин, но эти участки располагаются на черепных ямках и обнаружить их путем пальпации практически невозможно. Поэтому делать какие-либо выводы на основе внешней пальпации о развитии головного мозга вряд ли возможно. Я должен предпослать эти соображения обсуждению вопроса о «лбах мыслителей». Особенно хочу здесь поблагодарить за сообщение новейших данных в этой области профессора Гуго Шпатца.

Откуда берутся «лбы мыслителей»?

Предпосылкой для их появления становится исчезновение волос над лбом. Почему люди, занимающиеся духовным трудом, демонстрируют это облысение чаще, чем лица, занимающиеся трудом физическим, наука не знает; но в самом факте сомневаться не приходится.

Почему в отличие от ученых музыканты часто обладают столь пышными шевелюрами, мы тоже не знаем. Нельзя утверждать, что напряженная духовная работа непременно *должна* вызывать облысение. Доказательством является голова Э. Аббе, у которого был низкий лоб и густое оволосение, вплоть до самого

преклонного возраста, хотя он на протяжении всей своей жизни занимался интенсивной мыслительной работой (рис. 18).

Основой для появления «лба мыслителя» является выпадение волос, т. е. болезненный процесс. Но к подлинным признакам «лба мыслителя» принадлежат также *определенная ширина и красота его выпуклости*. Прекрасным «лбом мыслителя» обладал *Гейббель* (рис. 19). Но Гейббель, будучи ребенком, страдал рахитом. Причем благодаря рахиту у него были не только кривые ноги — рахит отразился и на строении черепа, сформировав его характерным образом — в виде *caput quadratum*. И эта форма *caput quadratum* совершенно очевидным образом сходна со лбом мыслителя у взрослых. Это подтверждает рис. 23, который изображает рахитичного младенца с великолепным «лбом мыслителя». Можно было бы предположить, что очень часто «лоб мыслителя» у взрослых связан с детским рахитом. Весьма вероятно, что и лоб *Канта* (рис. 20) обязан своим происхождением рахиту, которым он точно страдал в детском возрасте.

Иногда «лоб мыслителя» бывает обусловлен гидроцефалией. В случае *Менцеля* (рис. 21) большой лоб занимал господствующую позицию в сравнении с карликовым телом, в этом, казалось, выразилось все духовное величие этого человека. Однако вскрытие показало, что великолепный «лоб мыслителя» был обусловлен гидроцефалией. Аналогичным образом с гидроцефалией был связан и широкий лоб *Гельмгольца* (рис. 22).

После всего сказанного можно было бы думать, что под влиянием тяжелой духовной работы головной мозг растет интенсивнее, чем у среднего человека. Если работа протекает в то время, когда кости черепа еще формируются, т. е. в первые 25 лет, то крышка черепа в районе лба должна выпячиваться сильнее, должны формироваться «лбы мыслителей». И во времена Возрождения мы находим таких людей, достигших значительных успехов в относительно раннем возрасте. *Везалио* было 28 лет, когда он опубликовал свой значительнейший труд «*De humani corporis fabrica*», а *Сервето*, открывший малый круг кровообращения, выступил со своей книгой «О заблуждениях триединства», впоследствии принесшую ему смерть на костре в возрасте 20 лет.

Таким образом, у Везалия и Сервето была возможность формирования «лба мыслителя». В наше время тяжелая духовная работа, как правило, приходится не на первые два десятилетия жизни, но на много более поздние сроки. И в это время черепная коробка уже жесткая и мало способна к изменению, так что развитие «лба мыслителя» оказывается невозможным. Поэтому мы в основном должны полагать, что появление «лба мыслителя» связаны не с духовным напряжением, но с рахитом или гидроцефалией.

У младенца лоб поднимается довольно круто, отвесно (рис. 23). Эта позиция сохраняется в первые годы жизни и лишь затем постепенно изменяется, приходя к скошенному лбу, который мы в основном находим у взрослых (рис. 24). При этом обращают на себя внимание половые и расовые различия. У женщин, как известно, мозг меньше, поэтому круто поднимающийся лоб, как у младенца, сохраняется в большей мере, чем у мужчин. Большинство индейцев находят скошенный лоб более красивым, чем отвесный. В младенческом возрасте они

Рис. 18. Эрнст Аббе — основатель предприятий Цейсс

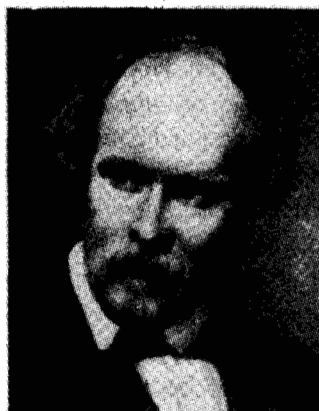

Рис. 19. Фридрих Геббель

Рис. 20. И. Кант

Рис. 21. Адольф Менцель

Рис. 18–22. «Лоб мыслителя»

Рис. 22. Герман Гельмгольц

прессуют лоб специальной дощечкой, чтобы достичь своего идеала красоты (рис 25). Вероятно, таким же образом формировались и те формы черепов, которые мы находим у бюстов детей Аменофиса в Берлинском музее.

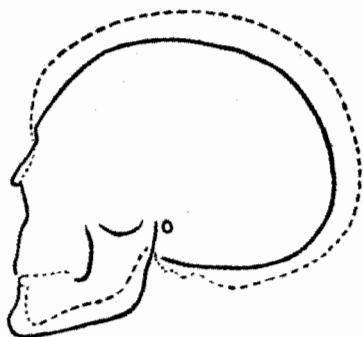

Рис. 24. Приблизительный абрис детского черепа в сравнении с абрисом взрослого человека.

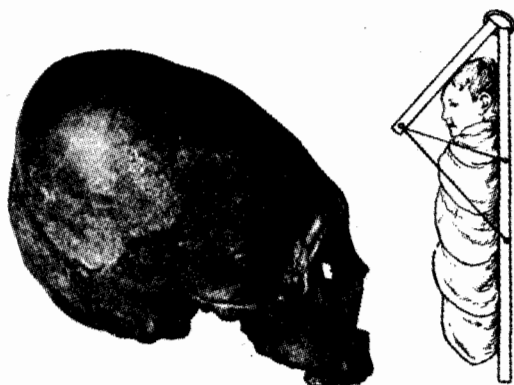

Рис. 25. Искусственная деформация черепа: а) плоский череп индейца (фото из антропологического собрания Гейдельберга); б) приспособление для искусственной деформации детского черепа (рисунки Т. Моллисона).

Большой научный интерес представляют те преобразования, которые претерпевает череп в связи с *наследственными признаками расы*.

Я приведу несколько примеров из «Расоведения» Гюнтера. Рисунки 26 и 27 изображают *нордического* человека. У него удлинённый череп и узкое лицо. Ширина черепа у нордического человека относится к его длине как 3:4. Узкий лоб отступает назад у мужчины больше, чем у женщины. Затылок отчетливо выражен. Если провести отвесную линию через ушные отверстия, то задний отдел черепа по своей величине будет равен переднему.

У *динарической* расы короткая голова и узкое лицо. Если провести отвесную линию через ушные отверстия, то окажется, что задняя половина головы много меньше, чем передняя. «Задняя часть головы почти не выступает над шеей, она сзади как будто срезана» (Гюнтер). Рисунки 28 и 29 изображают такую динарическую голову.

Наконец, *восточная* раса характеризуется коротким черепом и широким лицом. Мозговая часть черепной коробки имеет форму полушария (рис. 30 и 31).

Таким образом, мы находим множество различий в форме головы, обусловленных возрастом, полом и расой, однако все их в настоящее время не следует переоценивать.

Большую физиогномическую ценность, чем череп, имеет *развитие челюстей и жевательных мышц*, в случае, если оно обусловлено не наследственными признаками расы, а сопровождает индивидуальный процесс жизни. Избыточное напряжение может увеличить и расширить жевательные мышцы и челюстные кости, так что вся нижняя половина лица становится массивной, и лицо

Рис. 26 Нордический человек

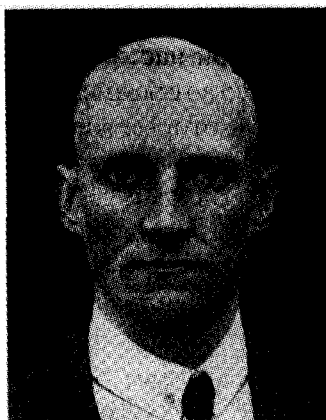

Рис. 27

Рис. 28 Динарический человек

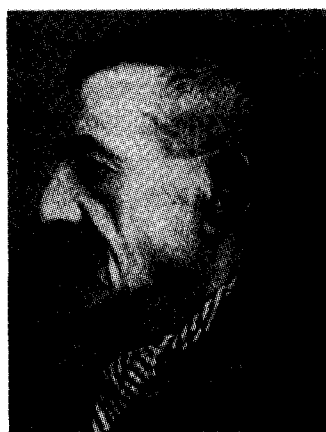

Рис. 29

Рис. 30

Восточная раса

Рис. 31

Рис. 26–31. Черепа различных рас (по Н. Ф. К. Gunther: Rassenkunde des Deutschen Volkes).

приобретает брутальное выражение. Если к этому добавляется незначительное развитие мозговой части черепной коробки, то такой человек приобретает отдаленное сходство с неандертальцами. Подобные головы нередко встречаются у бездельников, которые живут только ради удовлетворения своих животных потребностей. Такие головы мы нередко находим среди карикатур *Арнольда*. Несколько лет назад такие неандертальские головы были популярны и в серьезном искусстве. Многие художники и скульпторы были недовольны теми формами голов, которые им предоставляет природа, и они обратились к «новым», заимствовав их у неандертальцев. Такие портреты и скульптуры можно было видеть на недавней выставке «Падшее искусство».

Похож по форме, но по своему духовному значению совершенно отличен, тип черепа, нередко встречающийся среди представителей большого бизнеса. Мозговая часть черепной коробки у них нормальной величины, но нижняя половина головы гипертрофирована. Череп в большинстве случаев круглый; слой жира значительный, а под этим слоем скрываются мощно развитые затылочные и челостные мышцы. Это необычайно упрямые люди, которые, как и первый тип, не чужды животных радостей, но могут отличаться высокой одухотворенностью и нестигаемой волей, а также безудержной инициативой и энергией. Они не отличаются нордической красотой, но могут быть творческими личностями.

НОС

Выступающий из плоскости лица нос свойственен только человеку. Он отличает его от животного. Даже если у некоторых животных, как, например, у обезьян носачей, и есть похожее на нос образование, его все-таки нельзя сравнить с человеческим носом. Отсутствует характерный костный и хрящевой каркас человеческого носа, и такие образования надо рассматривать не как нос, но как хобот или рыло (Мартин). Основу носа образует костный каркас, как показывает картина черепа. Этот костный каркас содержит хрящевые продолжения. Хрящевая пластинка располагается по средней линии. Она образует разделительную стенку между правой и левой ноздрями и одновременно в наибольшей степени определяет форму носа.

Рис. 32.
Курносый
нос у пяти-
летнего
ребенка.

Часть носа, располагающаяся между бровями, называется корнем носа, а нижний свободно выступающий конец — кончиком носа. Часть, проходящая от корня носа до его кончика, носит название спинки носа. Форма спинки носа придает всему носу характерный облик. Если линия спинки носа соответствует вогнутой дуге, как у многих детей (рис. 32) или у многих дикарей, то такой нос производит впечатление духовной незначительности. Если вследствие ранения или язвы в разделительной стенке нормально выступающий нос превращается в седловидный, то лицо теряет всю свою привлекательность. Для того чтобы изменить неблагоприятное впечатление, которое может придавать нос лицу, требуется весьма выраженная одухотворенность всех остальных частей лица. Таким лицом обладал Микеланджело. Мы забываем о его носе, разбитом ударом кулака завистливого Пьетро Торриджани, когда заглядываем в глаза Микеланджело (рис. 166), или смотрим на его лоб, иссеченный бесчисленными морщинами.

У ребенка сначала спинка носа соответствует вогнутой дуге (рис. 32). Но в течение первых 15 лет нос изменяется. Спинка носа выпрямляется (рис. 33). У женщин такая детская форма носа часто сохраняется, и поэтому, если в остальном лицо производит благоприятное впечатление, то говорят об очаровательном вздернутом носике. Некоторым женщинам (Минна фон Барнхельм) такой нос подходит очень хорошо, но представить себе с таким носом других дам (например, Ифигению) совершенно невозможно. Таким образом, форма носа может иметь решающее значение в том впечатлении, которое производит на нас человеческое лицо, и в то же время это не имеет ничего общего с душой. Форма носа, как правило, определяется наследственно и принадлежит к расовым признакам.

Рис. 33. Нос
подросткового
ребенка
(10 лет).

Рис. 34. Греческий нос. Оригинальное произведение 5-го века (Музей Олимпия).

У греков идеалом красоты считался *прямой нос*, когда линия спинки носа являлась прямым продолжением линии лба (рис. 34). В изображении богов — Зевс, Афина, Гермес, Аполлон — мы всегда находим эту чистую форму греческого носа. Неземное воздействие усиливается художниками еще тем, что они делают спинку носа чуть шире, чем она обычно бывает у обычных людей. На бюстах формы действительности соблюдаются строже. У Сократа и в мраморе тот же чуть вздернутый нос, который он имел в жизни. В эллинистическом и римском искусстве классический греческий профиль встречается редко. Головы все больше становятся похожими на современное искусство. Спинка носа не является больше продолжением линии лба, но в большей или меньшей степени выступает над ней.

Кроме вогнутых и прямых носов существуют и *выпуклые носы*. В этой группе можно различить два типа. У одной формы обнаруживается дуга, непрерывно тянущаяся от корня носа до его кончика. Это так называемый *еврейский нос*. Его другими особенностями является то, что крылья носа большие и значительно вздернуты вверх. Носовая перегородка выступает вперед и вниз, так что иногда можно даже видеть слизистую.

Другую группу образуют *благородные носы*. У них линия спинки носа представляет собой не сплошную дугу, но содержит угловатый выгиб, чаще всего на границе между верхней и нижней третями. Дуга при этом значительно менее отчетлива, чем у так называемого еврейского носа. Верхний и нижний сегменты более или менее прямые. Эта форма определяется как благородный нос. Он отлично подходит к голове смелого человека, особенно часто такая форма носа наблюдается у альпинистов. Великолепным экземпляром благородного носа обладал Тренкер. Кажется, весь характер этого храброго и мужественного человека выразился в форме его носа (рис. 3). Но в действительности форма носа у Тренкера относится к наследственным признакам динарической расы, к которой Тренкер и принадлежит.

Форма носа, как мы могли убедиться, играет в общей красоте лица решающую роль. Молодая девушка будет тяжело страдать из-за уродливого носа. Пауль Хейзе захватывающе показал это в своей проникновенной новелле. Хотя уродливый нос выполняет свою функциональную задачу так же, как и красивый. Он нагревает вдыхаемый воздух, прежде чем он поступает в легкие, он воспринимает все обонятельные и вкусовые ощущения и передает их клеткам коры головного мозга, совершенно независимо от своей формы, обеспечивая свободный ток вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Но если внутренние носовые ходы сужены вследствие полипов или искривления носовой перегородки и человек вынужден дышать ртом, который все время остается открытым, то даже лицо интеллигентного человека приобретает оттенок слабоумия. Это должно быть известно физиогномистам, чтобы они не делали неверных оценок (см. рис. 58).

Насколько ценно обладание — пусть даже и уродливым носом — лучше всего знают те несчастные, которые из-за полученных травм или длительного

воспалительного процесса (волчанка, туберкулез) потеряли нос. При этом функции носа могут сохраняться, но эстетическая потеря так велика, что только очень высокоразвитые люди могут не утратить известной эзоповской веселости. Выдающимся примером храбрости и самопреодоления в подобных случаях является Гертруда Фундингер в «Пасынках судьбы» (Леманн, Мюнхен). То, что хирургии сегодня удастся практически полностью восстановить утраченные носы раненым во время войны, является вызывающим восхищение прогрессом медицины, которую в последнее время столь часто несправедливо критикуют.

Итак: форма носа определяется прежде всего возрастом. Изменение от курносого младенца до более вытянутой формы носа происходит с каждым человеком. Решающим для окончательной формы является масса наследственных признаков. Взгляд на изображения представителей различных рас (рис. 26–31) убеждает нас в том, насколько велика разница между ними. *Но делать какие-либо диагностические выводы о душе и характере человека по форме носа нельзя. Она имеет решающее значение лишь для красоты лица.* Я уже привел несколько примеров уродливых носов. Противоположным примером, когда благородная форма носа дополняет красивое лицо, является св. Сесилия Донателло (рис. 35).

Рис. 35. Сесилия Донателло.

Мышцы носа

Нос обладает некоторыми важными мышцами. Они берут начало на костях, которые располагаются на костных и хрящевых пластинках и выходят непосредственно в кожу носа (рис. 36).

В середине спинки носа берет начало *procerus* (рис. 36, 1), который называют также пирамидалис. У взрослых он представляет собой тонкую мышечную пластинку 2-х–3-х см. шириной и 4-х–5-ти см. длиной, волокна которой поднимаются перпендикулярно вверх и выходят в кожу лба. Когда мышца

сокращается, на корне носа появляется косая морщина. Ее очень часто можно наблюдать как в жизни, так и на портретах и бюстах. Она особенно выражена у Давида Микеланджело (рис. 37). Дюшен называет косую морщину, которую порождает *procerus*, морщиной нападения, и это толкование отлично подтверждает скульптура Давида, который изображен как раз в тот момент, когда он собирается метнуть камень в Голиафа. Но эта морщина может появляться и при других обстоятельствах. Я наблюдал ее у двухмесячного младенца в момент интенсивного и длительного плача. Естественно, никаких мыслей о нападении у него не было. Во время плача все мышцы вблизи глаз судорожно сокращаются, и в том числе *procerus*, что и приводит к образованию морщины «нападения». Но она редко бывает постоянной в возрасте до двадцати лет. Во всяком случае, я ее в этом возрасте не наблюдал. И напротив, ее часто можно наблюдать у людей в возрасте, которые уже пережили много неприятностей и огорчений в своей жизни. Выражение Дюшена о «нападении» может привести к неверным толкованиям. Если у кого-то на лице обнаруживается косая морщина у корня носа, то из этого нельзя сделать вывод, что этот человек драчун и забияка, но только то, что у него была, возможно, достаточно сложная судьба и он прожил тяжелую жизнь, но благодаря своему мужеству, умению быстро принимать решения и выстаивать в схватках с судьбой оказался победителем. «Выстоять несмотря на все трудности» — вот смысл этой морщины. Поэтому мы находим ее у деятельных людей. Она отчетливо выражена у многих крупных военачальников. Часто встречается эта морщина и у работников физического труда. Она всегда свидетельствует о борьбе. Крестьянин ли тяжелым трудом добывается плодородия у скупой и скудной земли или интеллектual проводит свои воззрения, оппонирова своему научному

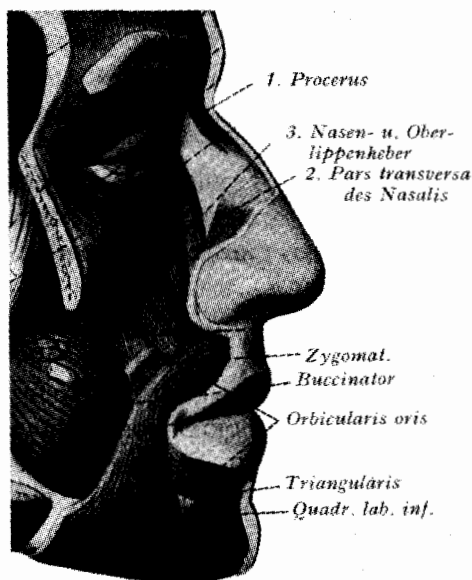

Рис. 36. Мышцы, поднимающие нос и верхнюю губу

противнику, — по сути, это одно и то же, а именно борьба. Примечательно, что я часто наблюдал эту морщину у проводников в горах. Когда они «нападают» на трудную гору, то это тоже борьба, которая оставляет свой отпечаток на лице. По той же причине часто можно наблюдать эту морщину у моряков. Я также находил ее на многих бюстах из Рима.

У мыслителей и поэтов эта морщина встречается реже, хотя они часто стягивают внутренние окончания бровей и, возможно, подобно плачущему ребенку, приводят в действие свой *procerus*. Бюсты некоего философа из Вилла д'Эрколано (Неаполь, Национальный музей) и Софокла (Флоренция, Уффици) демонстрируют эту морщину. Но, в общем, у этой группы косая морщина выражена куда менее отчетливо, чем у Давида.

Как правило, на лицах юношей — и Давид составляет исключение — эта морщина не встречается. Даже у Александра, величайшего борца и завоевателя, эта морщина отсутствует. Но если бы он дожил до 50 лет, то скорее всего, она появилась бы на его лице, свидетельствуя о его прошлых деяниях. И все же эту морщину нельзя отнести к числу чисто возрастных. Она не появляется от пассивного сморщивания кожи вследствие сокращения жировой ткани, *но образуется как результат активной деятельности т. procerus'a (мышцы гордецов)*. Она характерна для борцов, и, поскольку борьба является преимущественно делом мужчины, мы редко встречаем эту морщину у женщин, у них она бывает только намечена. Не следует путать косую «морщину борьбы» со следом, который может оставить у корня носа дужка очков. Ясно, что такой след не имеет никакого психодиагностического значения. Этот первый пример мышечного анализа убедительно показывает, какой значительный след может оставить на лице работа крошечной мышечной пластинки.

Если бы причины сокращения всех остальных лицевых мышц можно было бы толковать столь же просто, построение научной физиогномики не составило бы никаких трудностей. Однако уже следующая мышца носа, *muscul. nasalis* (рис. 36,2), которая опускает кончик носа, показывает, что в действительности дело обстоит значительно сложнее.

Назалис состоит из двух частей. Общий исток обеих частей мышцы лежит на костях верхней челюсти, в том месте, где находится *корень клыка*. Одна часть мышечных волокон, называемая *pars transversa*, поднимается к спине носа в форме тонкой пластинки шириной 2–3 см., тесно прилегая к хрящу. На средней линии носа право- и левосторонние мышцы соединяются полосами сухожилий. Вместе обе мышцы образуют петлю, концы которой, правый и левый, начинаются в области клыков, а средняя широкая часть петли проходит по средней трети носа. Когда вся петля сокращается, на нижнюю половину носа оказывается давление спереди назад и одновременно сверху вниз. Кончик носа уступает этому давлению, поскольку он имеет собственный хрящ, отделенный от общего хрящевого выступа носа. Легко убедиться в том, что при надавливании пальцами нижняя периферическая часть носа может двигаться туда-сюда, в то время как верхняя центральная часть остается неподвижной. *Pars transversa*, нажимая на кончик носа, направляет его вниз, одновременно прижимая в направлении костей верхней

челюсти. Кожа напрягается и натягивается вниз. Косых морщин на коже при этом не возникает. Напротив, если есть выраженная носогубная складка, то благодаря натяжению кожи она может исчезнуть.

Другая часть *musculus nasalis* — *pars alaris* — также начинается на верхней челюсти около поперечных частей; его волокна идут затем справа и слева в кожу крыльев носа. Она натягивает крылья носа назад и вниз и, таким образом, сужает ноздри.

Позитивное физиогномическое значение *musculus nasalis* в целом невелико. Она служит преимущественно антагонистом тех мышц, которые тянут кончик носа и крылья носа вверх, как, например, при презрительной гримасе. Если бы назалис отсутствовал, то нос после гримасы выражения презрения не смог бы вернуться в свое первоначальное состояние.

Дюшен приписывает *pars transversa* большое значение; он называет ее мышцей похотливости и непристойности и полагает, что возникающие при сильном чувственном возбуждении на боковых сторонах носа тонкие морщины порождаются этой мышцей (рис. 38). Но эти морщины можно наблюдать преимущественно на верхней трети носа, где кожа более подвижна. В области же *pars transversa*, где кожа плотно прилегает к хрящу, морщины наблюдаются значительно реже и только у очень старых людей. Это говорит о том, что эти морщины производит не *pars transversa*, а *caput angulare levator'a lab. sup.*

Мышца, в наибольшей мере влияющая на положение носа, причисляется анатомами к ротовым мышцам. Ее наименование — *caput angulare* от *quadratus labii superioris*. Она начинается на уровне корня носа на боковой стороне носового хряща и движется по прямой вниз, где выходит в кожу. Один тяж тянется прямо к крылу носа, другой движется рядом с ним, но несколько более в сторону к верхней губе. Обе части легко отделить друг от друга. Однако они тянутся вместе и при подъеме вверх крыльев носа обычно приподнимают и верхнюю губу. Назальная часть *Caput angulare* поднимает вверх крылья носа и его кончик. Поэтому эту мышцу можно было бы назвать *levator nasalis*, или мышца, приводящая в движение крылья носа и ноздри. Существующее название слишком длинное и способствует заблуждениям. Мышца расширяет ноздри и поэтому включается в тех случаях, когда возникает дефицит воздуха, например, при пневмонии или при сужении гортани (дифтерия). Нельзя сказать, чтобы повышение количества вдыхаемого воздуха вследствие работы этой мышцы было бы очень значительным, но, когда человеку грозит опасность удушья, он делает все возможное, чтобы хоть как-то улучшить свое положение. Эта деятельность назалиса обычно не бывает длительной; она совершается в течение короткого времени в исключительных обстоятельствах.

В обычной жизни деятельность этой мышцы бывает решающей при выражении состояний недовольства. При незначительном сокращении ноздри поднимаются — иногда только на одной стороне. Иногда вместе с ноздрями поднимается и верхняя губа. Если же мышца сокращается значительно, то непосредственно позади крыльев носа появляется кожная складка, которая характерна для работы этой мышцы. Микеланджело отлично передал эту

морщину у своего Давида (рис. 37). Морщина у Давида появляется только благодаря работе мышцы, поднимающей нос. Если же в дело вступает соседняя мышца, поднимающая верхнюю губу, *quadr. lab. sup.*, то, соответственно, поднимается верхняя губа.

Procerus'a (морщина гордецов)

Носогубная складка, возникшая вследствие работы *m. levator nasalis* (морщина недовольства)

Рис. 37. Давид, Микеланджело. Флоренция

В положении носа Давида и его верхней губы выражается враждебность против Голиафа. Косая морщина борца у корня носа хорошо дополняется презрительным выражением крыльев носа. Непроизвольно приходит в голову образ гневно фыркающего коня, который широко раздувает свои ноздри. Возможно, эта деятельность *levator nasalis* является атавистическим пережитком.

Если *m. levator nasalis* сокращается очень сильно, то возникает значительное число мелких морщин, идущих от внутреннего угла глазницы к крыльям носа. Это — «морщины непристойности» по Дюшену. Я уже говорил выше, что они не имеют никакого отношения к деятельности *pars transversa*, а также и к непристойности. Можно предположить, что эти морщины появляются в моменты интенсивного чувственного возбуждения. Если рот в этом состоянии широко открыт, то вместе с верхней губой вверх поднимаются и крылья носа. Но такое преходящее сокращение не приводит к образованию устойчивых морщин. Во всяком случае, я никогда не наблюдал ни у мужчин, ни у женщин подобного рода устойчивых морщин, которые можно было бы связать с проявлениями чувственности. Эти морщины вообще встречаются нечасто. Наиболее отчетливо они бывают выражены у пожилых людей — как у мужчин, так и у женщин. Скорее всего, можно предположить, что эти люди длительное время были недовольны своей жизнью. Народный язык метко называет их «сморщенными носами».

Возможно, на этой основе появились косые морщины на носу старой крестьянки (рис. 38). По-видимому, она часто морщила нос по поводу работы

прислуги или жизни своих соседей. Кончик и крылья носа несколько смещены вверх. Пространство между носом и ртом увеличено. Но трудно предположить, что эти морщины возникли на тех основаниях, о которых говорит Дюшен.

Поскольку эти морщины появляются только в достаточно зрелом возрасте, в более ранние годы деятельность лицевых мышц, поднимающих нос, можно констатировать преимущественно по *морщинам, окружающим крылья носа*. Эти морщины могут быть короткими, как у Давида. Однако они могут простираются и до угла рта и образовывать известную носогубную складку, если часто используются мышцы, поднимающие верхнюю губу и смеховые мышцы.

Поскольку при выражении презрения включаются определенные лицевые мышцы, линии, проявление которых они вызывают на лице, рассматриваются как выражение постоянного брюзжания и злорадства — т. е., устойчивых негативных характерологических черт. Но точнее было бы назвать их *мышцами недовольства*. Можно быть недовольным окружающими и выражать это, презрительно сморщивая нос. Но можно быть недовольным самим собой и своей работой, и это недовольство может быть стимулом к более высоким достижениям и иметь, таким образом, положительное значение. Следы постоянной работы мышц, поднимающих крылья носа — или в форме короткой морщины, как у Давида, или в виде значительного углубления верхнего конца носогубной складки — я часто мог наблюдать у университетских профессоров. Или же это были руководители больших клиник, которые проявляли высокие требования к своим ассистентам, которые трудно было выполнить. На службе это очень неудобные люди, но, как всегда говорил мой покойный друг Креке, именно у них их помощники могли научиться очень многому. И, несмотря на морщину недовольства, в жизни отношения этих людей с их учениками часто бывали очень сердечными.

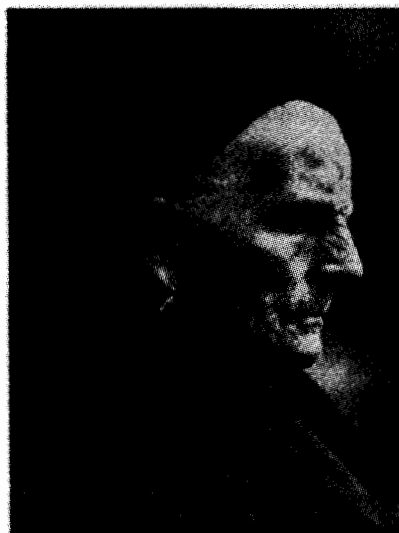

Рис. 38. Восточно-фрисландская крестьянка, сморщившая нос (Клаус, «Раса и душа»).

УХО

Форма уха, как и форма носа, характерна именно для человека. Она отличает его от животного. Но, в то время как нос у человека развивался по принципу восхождения, ухо двигалось по принципу возвратности. Ухо современного человека представляет собой скудный рудимент по сравнению с ушами наших предков. Первоначально наши уши были вытянуты кверху и заострены, как это можно наблюдать у лошадей и у собак. Вершина уха все более смещалась вниз, сокращалась в объеме и, в конце концов, превратилась в небольшой узелок на верхнем краю ушной раковины. Дарвин был первым, кто предположил, что этот бугорок является рудиментом бывшей вершины уха и в его честь он получил наименование — «бугорок Дарвина».

Взамен утраченной вершины уха человек получил *ушную мочку*. Этот элемент присущ только уху человека. При создании человеческого уха Творец, по-видимому, руководствовался только эстетическими соображениями. Объяснить современную форму уха принципами дарвиновского естественного отбора невозможно. Поскольку, с точки зрения целесообразности, ухо благодаря уменьшению ушной раковины только потеряло, а появившаяся мочка уха имеет единственное назначение — быть приемником украшений. Современные ушные мышцы практически не используются при слушании. Важнейшие мышцы, способные двигать ухо, начинаются на черепе и соединяются с собственно ушной мускулатурой. Одна из них, *muscul. auricularis sup.*, находится выше ушной раковины, она может несколько приподнимать ее; *auricularis post.* располагается позади уха и способна сдвигать его назад. Третья мышца, *auricularis anterior*, располагается спереди от ушной раковины и способна сдвигать ее вперед.

Большинство людей так никогда и не способны научиться напрягать эти мышцы, и потому неспособны двигать ушами. Однако у многих людей такая способность имеется. Правда, она очень незначительна в сравнении с возможностями изменять форму и положение уха у животных.

Наибольшую подвижность ушных раковин я наблюдал однажды у одного десятилетнего еврейского мальчика с Востока. Это был необыкновенно интеллигентный ребенок, типа Вейта Итцига из «Долженствования и обладания». Его ушные раковины были необычно велики и оттопырены. Когда в присутствии мальчика обсуждалось что-то, что его интересовало — а его интересовало многое, особенно деловая активность его родных — он напрягал *auricul. anter.* и, таким образом, в еще большей мере приближал свои ушные раковины к говорящему, чтобы лучше улавливать все звуковые волны. У него и форма ушей, и их подвижность усиливали выражение напряженного ожидания. Однако у большинства людей уши неподвижны и потому физиогномически бесполезны.

Как и в случае носа, в случае ушей имеются красивые и безобразные формы, но физиогномистов это не интересует. Ломброзо рассматривал недоразвитую форму

уха как признак врожденной преступности. У таких индивидов обычно обнаруживают признаки дегенерации и других частей тела, и одной только недоразвитости ушной раковины недостаточно, чтобы делать выводы о криминальном характере личности. Физиогномисты прежних времен придавали уху большее значение. В последнее время ухо приобрело определенный вес с точки зрения наследственно-биологических исследований. Оказалось, что определенные особенности формы уха являются врожденными. Но для физиогномики это значения не имеет.

АНАТОМИЯ ЛБА

Незначительность физиогностического значения костной черепной коробки нами уже обсуждалась. Существенно интереснее для физиогномиста мягкие части, которые покрывают лоб. В первую очередь бросаются в глаза *брови*. У новорожденного они лишь намечены несколькими нежными волосками; однако затем, с годами, особенно у мужчины, они развиваются до отчетливо выраженного волосяного покрова. Форма и расположение бровей индивидуально очень различаются. Их физиогномическое значение мы обсудим позднее.

Под кожей лба на каждой стороне располагается мышечная пластина, которая поднимается от брови до границы волосяного покрова на голове, и, за исключением треугольника по средней линии, две эти мышечные пластины покрывают все пространство лба ниже границы волосяного покрова. Обе эти мышечные пластины, называемые *frontalis*, или *лобная мышца*, подвижны относительно костей черепа, будучи как бы сращены с кожей.

Поскольку эти мышцы подвижны относительно кости, могут возникнуть сомнения относительно того, где они начинаются. В большинстве современных учебников указывается, что мышца начинается, в нижнем своем конце, в области брови. Но это неверно.

Лобные мышцы во время своего сокращения вызывают на коже косые морщины, как это можно наблюдать в момент напряженного внимания. Если в этот момент посмотреть в зеркало, то сейчас же видно, что при этом брови и окружающая их кожа поднимается вверх. Покоящаяся же при этом часть мышцы, ее начало, располагается в области границы волосяного покрова, к которому поднимается кожа лба, а не наоборот. И в области границы волосяного покрова у большинства людей кожа малоподвижна, тогда как в области бровей она очень незначительно связана с костью и может легко двигаться вверх и вниз.

Дюшен называет *m. frontalis* *мышцей внимания*. Однако, как я уже указывал, она не является важнейшей мышцей внимания. Обычно на то, что человек внимателен, указывает деятельность мышцы, поднимающей веко, *levator palp. sup.* И только при определенных обстоятельствах в качестве мышцы внимания включается *frontalis*. Лобные морщины, которые порождает *frontalis*, у многих людей относительные прямолинейны, но у большинства людей эти морщины имеют изгиб по средней линии, в направлении корня носа. Это связано с тем, что у первой группы мышечные волокна в центральном треугольнике поднимаются вверх за границу волосяного покрова, тогда как у второй группы они оканчиваются ниже. Поэтому лишенный мышц треугольник на лбу у них больше (Ганс Вирхов). Однако это различное расположение косых морщин на лбу большого значения не имеет.

Frontalis чаще, чем другие мышцы, уклоняется от анатомических правил и представляет исключение из них. Многие люди могут напрягать только *лежащие*

посередине волокна этой мышцы. Тогда вверх поднимается только внутренние окончания бровей. Возникает выражение патетического страдания, патетической боли или, так называемые, *брови Лаокоона*.

Лаокоон является школьным примером этого выражения. И не вызывает сомнения, что именно это выражение стремился передать скульптор. Но у него это не совсем получилось. Морщины тянутся, как это констатировал Дюшен, через весь лоб. Однако такие морщины возникают при напряжении *всего* frontalis'a. Если же напрягается только медиальная часть, то морщины располагаются только по центру лба. Они являются признаком сокращения средней части frontalis'a. Эту мышцу можно было бы назвать мышцей боли и страдания. Очень хорошо действие этой мышцы показано на одном классическом изображении Дюшена. Мы приводим его на рис. 206. Я часто наблюдал это трагическое выражение у плачущих детей. У взрослых — это патетическое выражение боли встречается реже. Оно обнаруживается в изображении Ниобеи; часто можно видеть его на изображениях Мадонны и Христа. Одно из подобных изображений Христа находится в Академии во Флоренции (рис. 43). Определенный прогресс живописи в этом отношении показывает изображение Христа и Мадонны Квентина Массиса, находящееся в Старой пинакотеке в Мюнхене (рис. 44). Почему человек в боли и страдании поднимает вверх внутренние окончания бровей, неизвестно. Практическое соображение — что этим достигается облегчение боли — вряд ли работает. Однако речь идет об очень древней привычке человека, потому что такие «трагические» брови находят и у дикарей (рис. 42, по Мартину). Но складывается впечатление, что способность к этому трагическому выражению у взрослых культурных людей постепенно утрачивается. Актер Боре добросовестно пытался вызвать у себя это выражение искусственно. Но ему не удалось значительно поднять внутренние окончания бровей, хотя он старательно напрягал соответствующие волокна лобной мышцы. То же самое я наблюдал у одной трагической актрисы (рис. 45).

Эту неспособность поднимать вверх внутренние окончания бровей я не могу объяснить иначе, как только тем, что существуют *сращения между внутренними окончаниями бровей и костью*. Фактически подвижность кожи в этой области индивидуально очень различна. Можно предположить, что интенсивный массаж в области внутренних окончаний бровей может существенно повысить подвижность кожи, что привело бы к тому, что выражение трагических бровей Лаокоона могло бы достигаться искусственно. Это означало бы маленький *практический* успех физиогномической науки.

Но самое странное в этой загадочной *мышце патетической боли* состоит в том, что на ее существование совершенно не указывают анатомы.

Дюшен делает ответственным за это выражение лица мышцу, которую сегодня называют мышцей, сморщивающей брови. Но это заблуждение. Эта мышца является антагонистом мышцы боли. Она может подвинуть внутренние окончания бровей только вниз и внутрь, поскольку она прикреплена к костям глазницы.

Браус, Соботта, Вирхов вообще не упоминают эту мышцу. Однако изображение моей трагической актрисы кажется мне бесспорным доказательством

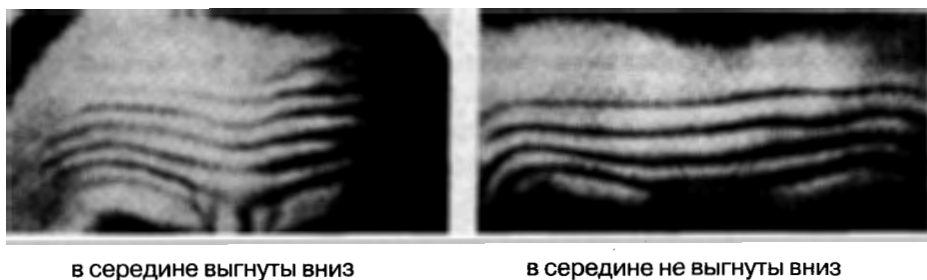

Рис. 39, 40. Морщины на лбу в результате деятельности *frontalis* (по Вирхову).

Рис. 41. Лаокоон (Рим, Ватикан).

Рис. 42. Трагические брови у дикарки (по Мартину).

существования и функциональной самостоятельности этой мышцы страдания. Я подчеркиваю, что на этом изображении мной ничего не изменено. Образ этой мышцы на данном изображении настолько четок, что не нужен даже нож анатома; доказательство того, что анатомия живого тела может быть гораздо богаче на объяснения, чем расчленение трупа.

Антагонистом мышцы боли является короткая и мощно развитая мышца, *corrugator supercilii*, *мышца, сморщивающая брови*. Она прикрепляется к глазнице и образует глубокий, непосредственно к кости прилегающий слой. Это мышца шириной в палец, не очень толстая, начало которой располагается на лобной кости, непосредственно рядом с основанием носа. Она проходит посередине брови и там прикрепляется к коже. Если ее напрячь, внутренние окончания бровей сдвигаются вниз и несколько приближаются к средней линии. Благодаря этому смещению бровей кожа как бы складывается, и появляется две-три характерные вертикальные морщины поверх основания носа. Часто их называют морщинами мыслителей. Однако они являются скорее показателем духовного или физического напряжения. Такие морщины мы находим у скульптуры Давида работы

Рис. 43. Христос (фрагмент)
(Флоренция, Академия).

Рис. 44. Брови Лаокоона у Христа и Марии. Квентин Массис. (Мюнхен, Старая пинакотекa).

Медиаль-
ный пучок
волокон
лобной
мышцы

Рис. 45. Очень сильное напряжение медиальных волокон лобной мышцы, необычайно развитых благодаря упражнениям; они значительно выдаются; однако внутренние окончания бровей подняты вверх весьма незначительно.

Рис. 46. Медиальные волокна обеих лобных мышц изолированно напряжены (Дюшен).

Микеланджело (рис. 37) или на рис. 77 (Рецлафф, «Лицо старика»), а также у персонажей на рис. 85, 92, 97 и 98.

ГЛАЗ

Для понимания физиогномического значения глаз необходимо знание анатомических особенностей. Поэтому анатомию глаза следует обсудить подробнее, чем анатомию носа или уха.

Глазное яблоко в основном состоит из шаровидного пузыря с плотной стенкой и жидким содержимым. В поперечном разрезе (рис. 47) видно, что внутренность глаза разделяется перегородкой на переднюю и заднюю камеры. Перегородка состоит из ириса (радужной оболочки), линзы и ресничных мышц. Передняя камера покрыта прозрачной роговой оболочкой и содержит в качестве наполнения прозрачную водянистую жидкость (*Humor aquens*). Роговая оболочка выгнута сильнее, чем окруженная склерой остальная (и большая) часть глазного яблока. Эта выгнутость роговицы играет, как мы увидим позднее, определенную роль при формировании глазной щели. В области задней камеры стенка глазного яблока сформирована из прочной белой оболочки (склеры), а полое пространство заполняет студенистая прозрачная жидкость, стекловидное тело (*Corpus vitreum*).

Жидкое содержимое передней и задней камер находится под определенным давлением. Поэтому глазное яблоко получает определенную упругость. С возрастом это давление может ослабевать, глазное яблоко может уменьшаться и сморщиваться. Это характерно для уставших старческих глаз. При этом, естественно, глаза теряют и свое выражение.

В случае болезни с возрастом давление внутри глаза может повышаться. Это имеет место при зеленой звезде, глаукоме.

По функции глазное яблоко сходно *фотографической камере*. Линза по характеру своего действия совершенно соответствует фотографической линзе, диафрагма представлена радужной оболочкой, которая в середине имеет отверстие, которое в результате сокращения мышц может сужаться или расширяться. Световосприимчивой фотографической пластинке соответствует сетчатая оболочка (сетчатка), которая покрывает всю внутреннюю стенку склеры в задней камере. Когда на сетчатку попадает оптическое изображение, то ее клетки, палочки и колбочки, на которые попадают световые лучи, возбуждаются. Это возбуждение передается по волокнам п. *opticus* в ганглии головного мозга и таким образом то, что мы видим, осознается нами. В течение долей секунды сетчатка отдыхает от полученного светового возбуждения и способна воспринять уже новую картину. В этом состоит ее огромное отличие от фотографической пластинки, которую после каждого кадра следует заменять на новую, и тут-то и выясняется, насколько беднее и медлительнее самый дорогой фотоаппарат в сравнении с человеческим глазом.

Глазное яблоко покоится примерно в середине наполненной жиром глазницы. Оно двигается *шестью мышцами*. Пять мышц исходят из сухожильного кольца, которое окружает зрительный нерв, там, где он вступает в головной мозг

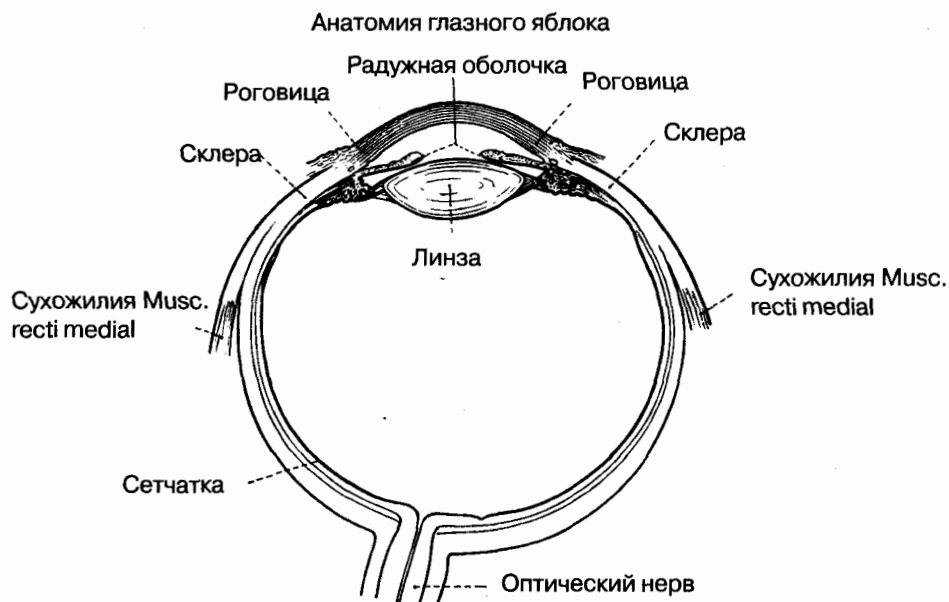

Рис. 47. Разрез глазного яблока (по Собоутте).

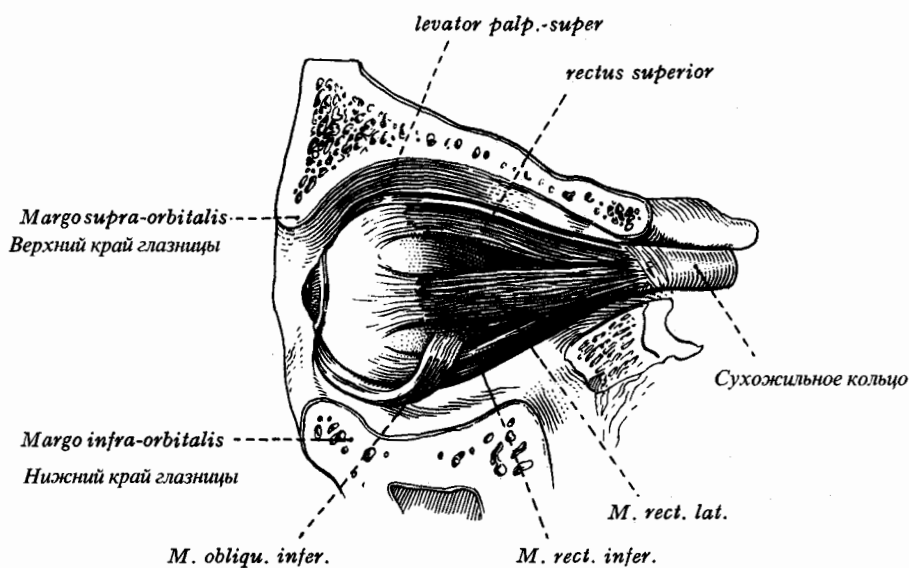

Рис. 48. Глазные мышцы (по Собоутте).

(foramen opticum) (рис. 48). Одна мышца (*m. obliquus inferior*) берет начало в передней части глазницы, на костях верхней челюсти. Четыре мышцы, *musc. recti* и прямые мышцы протягивают свои волокна на переднюю половину глазного яблока, несколько позади границы между роговицей и склерой. Обе косые мышцы (*m. obliqui*) оканчиваются на задней половине глазного яблока.

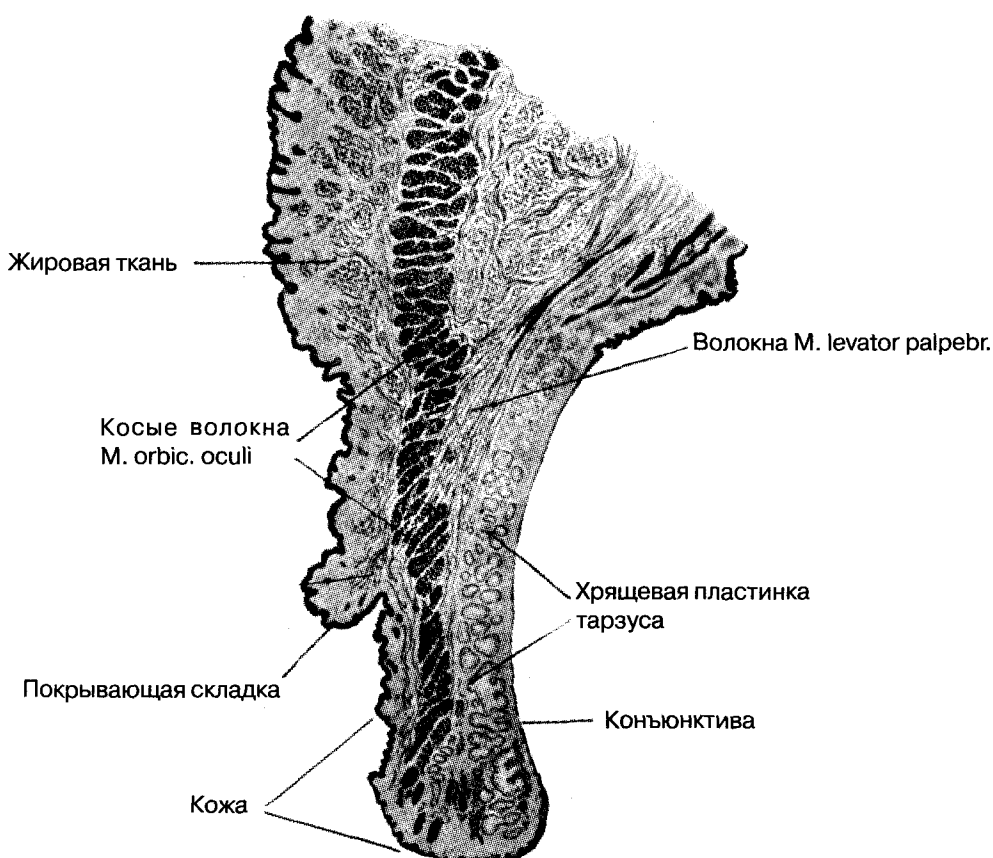

Рис. 49. Разрез верхнего века (по «Антропологии» Мартина).

Действие прямых мышц легко можно понять. Когда сокращается верхняя мышца (*m. superior*), взгляд направлен вверх, и, наоборот, вниз, когда сокращается *m. rectus inferior*. Латеральная мышца правого глаза начинает действовать, когда взгляд направляется направо, а медиальная при взгляде налево. Косые мышцы обеспечивают прежде всего вращательные движения глаза.

Когда в других частях тела мышца должна подвинуть какой-то член, то необходимой предпосылкой точного движения кости является сустав, который обеспечивает эту точность. Нечто подобное имеет место и в случае глаза. Задняя половина глазного яблока окружена полушарием, которое состоит из прочной соединительной ткани и подобно впадине бедренного сустава (которая допускает

определенную свободу движения головки тазобедренной кости, но в то же время ограничивает это движение) регулирует движения глазного яблока. Это полушарие называется Теноновой капсулой. Она не сращена непосредственно с глазным яблоком, но отделена от него рыхлым слоем соединительной ткани. Эта Тенонова капсула и образует сустав глаза. Конечно, эта суставная капсула должна быть прочно укреплена на глазнице, чтобы движения можно было точно дозировать. Это укрепление обеспечивают натянутые тяжи соединительной ткани, которые тянутся от края Теноновой капсулы к краю глазницы. Тенонова капсула и эти протянутые к глазнице волокна обеспечивают надежное положение глазного яблока в глазнице. Если удалить из глазницы жир, то глазное яблоко еще сохраняет свое положение, но если перерезать тяжи Теноновой капсулы, глазное яблоко начинает двигаться туда-сюда и теряет устойчивое положение. Однако укрепление глазного яблока в глазнице этими фасциальными тяжами не абсолютно. Мембрана фасций натянута не совсем туго, она может немного сдвигаться вперед и назад. Благодаря этому фасциальная мембрана приобретает физиогномическую ценность. Если, например, вследствие тяжелой болезни жир в глазнице исчезает, глазное яблоко западает назад и выражение глаза существенным образом изменяется. Оно становится мрачным. Наоборот, при избытке жира глазное яблоко может выдавливаться вперед. Часто такие глаза трактуют как выражение открытого сердечного характера. При Базедовой болезни глазное яблоко настолько сдвигается вперед, что создается впечатление, что оно может выскочить из глазницы. При таких глазах говорят о пучеглазии (рис. 75).

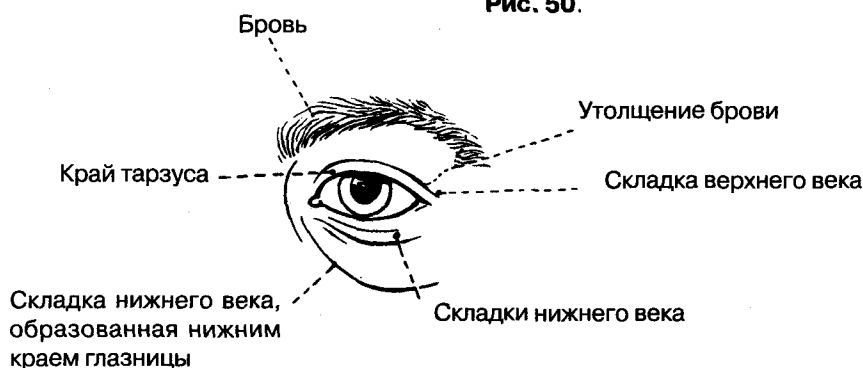
Суммируем еще раз все то, что было сказано об анатомии глаза. Глазное яблоко, которое укреплено на зрительном нерве, как вишня на веточке, покоится в середине глазницы в имеющей форму полушария суставной капсуле (Теноновой капсуле), которая своей фасциальной мембраной укреплена на всем краю глазницы. Этот соединительнотканый аппарат обеспечивает устойчивое положение глазного яблока в глазнице; во вторую очередь имеет значение жир, который заполняет все пространство между стенками глазницы и глазным яблоком. Глазное яблоко движется шестью мышцами. Надо еще упомянуть, что в латеральном углу глазницы в жире скрывается слезная железа. Ее секрет, слезная жидкость, постоянно выделяясь, проходит вовне по роговице во внутренний угол глазной щели, откуда она по слезно-носовому каналу попадает полость носа.

В случае неблагоприятных условий, напр., резкого света, пыли, человеческий глаз может закрываться веками. Верхнее веко содержит в качестве своего каркаса похожий на листок мирта хрящ (тарзус). Внешняя поверхность покрыта кожей, внутренняя — конъюнктивой, соединительной оболочкой глаза (рис. 49). На свободном конце века, где кожа и конъюнктива соединяются, выступает ряд жестких волос, ресниц, функцией которых является защита глаза от инородных тел, насекомых и т. п.

Хрящевая пластинка тарзуса заполняет не все верхнее веко, но только его переднюю половину, задняя же половина века состоит из кожи, жира и конъюнктивы. Поэтому она значительно мягче, чем передняя половина, и поэтому может складываться в складки, обеспечивая, таким образом, сдвиг хрящевой

пластинки назад, как это необходимо, например, при взгляде вверх. Граница между передней, прочной, хрящевой и задней рыхлой, лишенной хряща частями верхнего века у многих людей отмечена складкой, которая важна с точки зрения физиогномических наблюдений. Анатомы называют ее *sulcus orbitopalpebralis superior*. Для лучшего понимания присвоим ей наименование «складка верхнего века». Между складкой века и бровью располагается наполненный жиром кожаный мешок, который мы назовем утолщением брови. Он состоит из задней безхрящевой части верхнего века и лежащей на ней, тянущейся вплоть до края глазницы кожи (рис. 50).

Рис. 50.

У многих глаз такое строение выражено не очень отчетливо. У младенца часто наблюдается только наполненное жиром утолщение брови. Затем благодаря все чаще выполняемому открытию и закрытию глаза образуется складка верхнего века. Сначала она располагается в нескольких миллиметрах от свободного края века, однако затем, по мере того как жир, благодаря движению века, спрессовывается, все больше подвигается назад. С возрастом жир из утолщения брови исчезает, и хорошо выражена только хрящевая часть верхнего века, а утолщение брови едва намечено, потому что жира нет. На тарзусе, хряще верхнего века, укреплен мускул, *levator palp. sup.*, который совместно с другими глазными мышцами исходит из окружающего зрительный нерв сухожильного кольца. Он обеспечивает, как о том говорит и его название, поднятие верхнего века.

Нижнее веко построено в общем так же, как и верхнее, но мышца, которая опускала бы нижнее веко и таким образом расширяла глазницу, отсутствует. Поэтому его функциональное значение меньше, чем века верхнего; и в физиогномическом отношении оно менее ценно. По этой же причине и образование складок на нижнем веке значительно меньше. У многих детей я смог констатировать двойной контур нижнего края нижнего века. У многих детей с незначительным жировым слоем на нижнем веке можно наблюдать множественные небольшие складочки, которые исходят из внутреннего угла глазницы, простираясь, однако, только до середины нижнего века (рис. 50). Чаще всего нижняя граница глазницы отчетливо выражена у худых детей. И у старых людей, когда количество жира сокращается, эта линия выражена очень четко (рис. 157). Но физиогномического значения складки и морщины на нижнем веке не имеют.

Вокруг глазной щели располагаются мышечные волокна, которые могут закрывать глазницу и которые поэтому называют мышцами, закрывающие глазницы.

Мимическое выражение глазного яблока

Многие врачи, например, Магнус, Хенке и др. отказывают собственно глазному яблоку в какой-либо физиогномической ценности. Ссылаются на то, что, если закрыть верхнюю половину лица маской, в которой есть только отверстия для глаз, то они лишаются всякого выражения. Тот, кто только беглым взглядом окидывал на карнавале дам под масками, согласится с этой точкой зрения. Но все-таки собственно глаза не так уж не важны для выражения лица. Во-первых, значение имеет цвет радужной оболочки. Боденштедт пытался на основании этого цвета истолковывать характер. Он говорит:

*Серые глаза —
Лукавые глаза;
О задорном нраве
Говорят коричневые;
Голубые глаза
Означают верность
А искры в черных
Темны как Божьи пути.*

Стихи очень симпатичные, но, к сожалению, неправильные. Душевные качества никак не связаны с цветом глаз. Он лишь декоративен и может только усиливать то впечатление, которое производит на нас лицо в целом. Если, например, рот и другие особенности нордического лица говорят об открытости и надежности, то сияющая голубая радужка подчеркивает это впечатление. И наоборот, серо-зеленые глаза у человека, производящего в остальном впечатление хитрости и лукавства, делают его еще менее достойным доверия. Но физиогномист, обученный в научных традициях, никогда не будет делать выводов на основании цвета глаз.

Величина глазного яблока

Глазное яблоко младенца, или, вернее, многих младенцев, в отношении других частей лица существенно больше, чем у взрослых. Согласно Зеефельдеру («Учебник по анатомии ребенка») вес глазного яблока составляет у новорожденного 0,24% от общего веса тела, а у взрослого — лишь 0,02%. Особенно велика роговица. Об этом говорят исследования офтальмологов. У новорожденного роговица составляет в диаметре 9–10 мм, у взрослого — 10–11 мм. Т. е. роговица у младенца почти такая же, как и у взрослого. Величине роговицы соответствует величина радужной оболочки. На 3-ем или 4-ом месяце жизни новорожденный начинает проявлять интерес к своему окружению, он широко открывает глаза — или,

анатомически выражаясь, с помощью levator palpebrae он расширяет глазницу так широко, как это только возможно. И тут действуют оба фактора: сами по себе большие детские глаза и широко открытая глазница превращают глаза в доминирующую часть лица. Лицо получает от этого мечтательное и почти неземное выражение (рис. 51).

Рис. 51. Младенец с глазами «полными души».

Рис. 52. Тот же младенец, но с нарисованными нормальными глазами как у ребенка более старшего возраста. «Душевная полнота» исчезает.

Насколько существенно больше такие младенческие глаза, и, прежде всего, их роговица и радужная оболочка, чем глаза ребенка более старшего возраста при одинаковой величине головы, показывает рис. 53. Для скептиков, которые все еще считают, что глазное яблоко не имеет значения для выражения глаз, я попросил нарисовать глаза ребенка более старшего возраста (рис. 52) на лице младенца (рис. 51), и сразу же стало очевидно, что все неземное из выражения лица этого младенца исчезло. Этот пример несомненным образом показывает, что убеждение в отсутствии физиогномического значения глазного яблока не является правильным.

Неестественно большие детские глаза производили впечатление на художников уже в древнейшие времена. Впервые, насколько мне известно, большие глаза были воспеты Гомером. Он приписывает царице небесной, Гере, исключительно большие глаза, называя ее «Бопис», или «коровоглазой». За поэтом последовали художники. В раннем архаическом искусстве греков глаза неестественно велики. Они придают лицу, как показывает рис. 55, выражение маски. Позднее художникам стало удаваться изображать глаза лучше. А если художник хотел изобразить Геру, то рисовал особенно большие глаза.

На античных бюстах за немногими исключениями роспись глазных яблок не сохранилась, так что мы лишены точных указаний относительно величины

роговицы глаз этих бюстов, но длина и высота глазницы позволяют нам делать достаточно уверенные выводы о величине глазных яблок. Так, мы можем с уверенностью констатировать большие «коровьи» глаза у известного бюста Геры в Риме, хотя собственно глазные яблоки, изготовленные, предположительно из драгоценных камней, утрачены.

Рис. 53. Внешний круг изображает абрис роговицы «полных души» глаз младенца; внутренний — глаз более старшего ребенка при той же величине головы.

Рис. 54. Внешний абрис: глазница на изображении Аполлона; внутренний: глазница нормально-го человеческого лица при голове той же величины.

Возможно, глаза Геры существенно способствовали господствующему сегодня представлению о том, что божество говорит большими глазами. Во всяком случае, мы можем констатировать, что во времена расцвета греческой скульптуры и других богов изображали с большими глазами, поскольку художники хотели подчеркнуть таким образом божественный характер изображаемого. Так,

Рис. 55. Большие глаза (архаическое искусство).

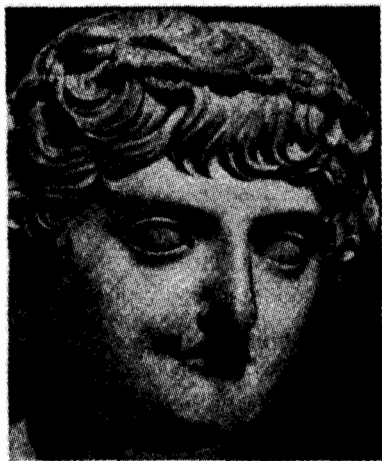

Рис. 56. Ливия (Рим, Ватикан).

например, глаза Аполлона (рис. 94) в музее Барраччо в Риме значительно больше обычных человеческих глаз. Лучше всего это показывает сравнение этих глаз с обычными человеческими глазами у головы того же размера (рис. 54). На этой схеме видно, что у Аполлона глаз и глазница особенно увеличены в длину. Если же греки хотели изобразить бога или богиню, которые не слишком высоко возносились над маленьким человеческим родом, но сами принимали участие в его радостях и горестях, они наделяли такое изображение маленькими человеческими глазами. Человеческое, слишком человеческое они связывали с небольшими глазами (рис. 95).

Большие глаза изображены и у большинства бюстов императоров Рима (рис. 56). Можно усомниться, действительно ли эти императоры имели такие большие глаза. Вероятнее, что художники намеренно делали глаза больше, чтобы донести выражение «божественности». И позднее с большими глазами связывали представление о божественном. В византийском искусстве глаза Христа, как правило, изображали

Рис. 57. Христос, XIII столетие (Флоренция).

очень большими (рис.57). Прекрасный пример этого представляет мозаика Христа в монастыре в Дафнии, в Элезии. Также и Мария, когда при ее изображении человеческое хотели отодвинуть на задний план в сравнении с божественным, то изображали на ее лице огромные глаза, как у младенца. Особенно это характерно для Сикстинской Мадонны.

Небесной богиней Марию делают большие, широко открытые и далеко отстоящие друг от друга детские глаза. Микеланджело придает неестественно большие глаза своему Давиду. Это

редко приходит в голову зрителям. Потому что большие глаза отлично подходят угрожающему выражению лица; большими глазами говорит если не бог, то хотя бы герой. Действительности такие глаза не соответствуют. Модель, которую использовал Микеланджело, не могла иметь такие большие глаза.

Эти примеры показывают, что искусство связывает большие глаза с впечатлением сверхчеловеческого. И аналогичное впечатление производит изображение годовалого ребенка (рис. 51). Оно поражает впечатлением душевной полноты, которое связано с его большими глазами. Но реалистичный исследователь знает, что дети с такими неземными глазами не содержат в себе ничего сверхъестественного. Однако не все младенцы обладают этим выражением душевной полноты. Если верхнее веко поднято недостаточно, как на рис. 58, то впечатление душевной полноты отсутствует, хотя радужная оболочка такой же величины, как и у ребенка на рис. 51. Кроме того, этому выражению душевной полноты должно соответствовать и определенное положение рта. Это тоже показывает рис. 58. Среди младенцев, которых я мог наблюдать, только 10% обладали выражением «душевной полноты»; остальные же были более или менее «бездушны». Однако физиологические функции у обеих групп детей одинаковы. Они одинаково реагируют и на душевные возбуждения: если ребенок плачет от

Рис. 58. Несмотря на большую радужку в глазах нет выражения «полноты души», потому что верхнее веко недостаточно поднято вверх, а кроме того, рот обладает «глупым» выражением. Одновременно осложнено носовое дыхание.

боли или от голода, какие-либо мимические различия между двумя группами отсутствуют.

В первое десятилетие младенческие глаза превращаются, меняя форму, в глаза взрослого человека. У большинства детей эта перестройка заканчивается к 15-ти годам. У одних детей она происходит быстрее, у других медленнее. У взрослых различия в величине глазного яблока значительно меньше, чем у детей. Средняя длина глазницы составляет у взрослого 20–22 мм. Так что большие «божественные глаза» для взрослых невозможны. Если глаза взрослого человека кажутся чрезмерно большими, то это чаще всего связано или с очень широко открытой глазницей, или с экзофтальмом (пучеглазие при Базедовой болезни) (рис. 75). И все-таки мы склонны к тому, чтобы предполагать за этими по видимости большими глазами наличие особо ценных душевных качеств. Настолько сильна суггестия произведений искусства. Достаточно глаз Юноны или Мадонны, особенно, если есть и прическа соответствующая (рис. 6), чтобы мы предполагали за этими прекрасными глазами гораздо больше разума и души, чем есть в действительности. Хотя очень часто с прекрасными «коровьими глазами» бывает связан именно недостаток интеллигентности, если не сказать сильнее.

Итог моих исследований глазного яблока можно сформулировать следующим образом: глазное яблоко у младенца существенно больше, чем у взрослого. На этой величине глаз основано впечатление неземного и особой полноты души, которое свойственно многим детским глазам. В действительности, однако, величина глазного яблока никак не связана с душевными и духовными качествами. Однако искусство использует этот прием (большие детские глаза у взрослых), когда оно хочет изобразить богов или героев. Такое значение большие глаза приобрели для искусства. Физиогномисты не могут сделать из величины глазных яблок никаких ценных выводов о характере и душе человека.

Влияние внутриглазного давления на выражение глаз

Раньше усиление блеска глаз, возникающее при радостном возбуждении или страстном гневе, объясняли ростом давления жидкости внутри глаза и обуславливали этим увеличением глазного яблока. Однако после новых, тщательнейшим образом проведенных исследований, кажется весьма маловероятным, чтобы в течение минут напряжение внутри глазного яблока менялось так быстро, чтобы это вызывало его увеличение. В действительности увеличение блеска глаз, как это бывает в моменты внезапного сильного возбуждения, основывается на усилении слезоотделения. В течение часов или дней давление внутри глаза действительно может опускаться, и тогда напряжение внутри глазного яблока уменьшается. Врач может наблюдать такое иногда у больных, которые вследствие острого заболевания, например, холеры или массивной потери крови теряют много тканевой жидкости. При таких заболеваниях снижается и кровенаполнение окружающей глазное яблоко жировой ткани, и оно заваливается глубже в глазницу.

Подобные изменения могут развиваться в течение нескольких часов и тренированный глаз врача легко может оценить их как диагностически, так и

прогностически. И наоборот, давление внутри глазного яблока может и резко возрастать. Это происходит при так называемой зеленой звезде, глаукоме. Глаз при этом может становиться таким твердым, что на ощупь воспринимается как мраморный шарик.

Врачи измеряют внутриглазное давление тонометром, который они накладывают на глазное яблоко. Однако этот метод, как могли убедиться глазные врачи в течение многих лет, не дает надежной картины внутриглазного давления, потому что жесткая склера не позволяет зафиксировать тонкие колебания давления внутри стекловидного тела. Поэтому то, что я говорю о давлении и напряжении внутри глазного яблока, основывается не на точных исследованиях, а на том впечатлении, которое глаз производит на наблюдателя. Если сравнить глаз на рис. 59 и глаз на рис. 63, то нужно будет признать, что напряжение глазного яблока в обоих случаях различно.

С возрастом напряжение в тканях во всем теле снижается, и вместе с тем падает давление и внутри глазного яблока, так что оно начинает казаться значительно меньше. Старческие глаза (рис. 59) кажутся вялыми и маленькими. Они кажутся еще меньше, чем они есть в действительности, потому что на границе между роговицей и склерой роговица мутнеет вследствие наступающей с возрастом жировой дегенерации. Так, на роговице возникает серое кольцо, известное как старческая дуга, *arcus senilis*, и роговица и ирис начинают казаться меньше. Если такое явление появляется до 40 лет, то оно рассматривается как преждевременный возрастной симптом. Такая роговица способна к регенерации в гораздо меньшей степени, чем роговица молодого человека. Это следует иметь в виду при оперативных вмешательствах.

Таким образом, глазное яблоко по своей форме и структуре вовсе не лишено вполне качества выразительности, как то предполагает большинство физиогномистов. Однако физиогномическое значение величины глазного яблока в общем невелико, потому что мы легко различаем юность и возраст по многим

Рис. 59. Старые увядшие глаза (по Эрих Рецлафф, «Облик возраста»).

другим изменениям лица. Но если на юношеском лице мы обнаруживаем поблекшие старческие глаза, то это изменение глазного яблока может быть первым признаком преждевременного старения, и тогда такие глаза могут много рассказать о жизни их обладателя. И наоборот, на лице, которое в остальном носит признаки старости, иногда можно наблюдать упругие глазные яблоки, свидетельствующие о юношеском духе человека.

Когда 60- или 70-летнего мужчину охватывает страстная любовь к молодым девушкам или женщинам, то его глаза, как правило, сохраняются молодыми. Такие глаза были у Гёте (рис. 60). Прекраснейшие молодые глаза, которые я когда-либо видел в жизни, были

Рис. 60. Гёте, 1831

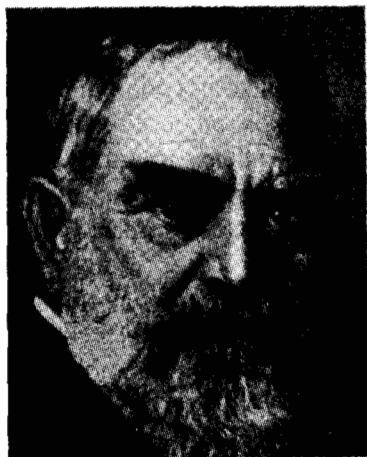

Рис. 61. Оскар фон Миллер

Рис. 62. С. Ганеман

Рис. 63. «Молодые» глаза 96-летней ремесленницы (Эрих Рецлафф).

Рис. 60–63. Лица стариков, у которых глаза остались молодыми.

у Оскара фон Миллера. Последний раз я видел его примерно за год до его смерти — ему было тогда 75 — и я никогда не забуду, какой юношеской свежестью веяло из его сияющих глаз (рис. 61).

Подобные же глаза имел гомеопат Ганеман, как мы видим на рис. 62, где он изображен в возрасте 76 лет. У него была наполненная бурями, полная забот и труда жизнь, как это убедительно показал его биограф Мартин Гумперт. Но, несмотря на это, он оставался молодым. Об этом говорят его упругие полные глазные яблоки и широко открытые глазницы.

Когда ему было 80 лет, его посетила Мелани д'Эрвили, прекрасная 30-летняя парижанка. Она прочитала его главное произведение, «Органон», и была так восхищена им, что поспешила из Парижа в Кетхен, чтобы познакомиться с его

создателем. Она была так переполнена своим стремлением, что использовала самые быстрые в то время транспортные средства, доставившие ее из Парижа в Кетхен. Из почитания родилась страстная любовь. Через три месяца после того, как они познакомились, 80-летний Ганеман женился на 30-летней Мелани, и этот брак продлился 8 лет, принося счастье обоим.

Этот счастливый брак, который достоин описания в романах, позволяет понять, как выглядели глаза Ганемана. Они оставались молодыми, в то время как на его лице все явственнее проступали возрастные изменения, которые, конечно, являются сами собой разумеющимися для старости.

Тем, кто все еще сомневается в физиогномическом значении глазных яблок, я рекомендую внимательнее рассмотреть изображение на рис. 63. На нем представлена 96-летняя ремесленница. Жир совершенно отсутствует, вялая кожа сморщена и покрыта сетью морщин. Глаза расположены глубоко в глазницах, но они светятся из этой глубины, потому что глазные яблоки сохранили свой тургор, свое напряжение. Глаза этой старой женщины остались молодыми и придают всему лицу высокую степень одухотворенности. Противоположный пример содержит рис. 59. Здесь глазные яблоки поблекшие и как бы вялые: видно, что смерть не за горами.

Глазница

Во время сна глазница закрыта, чтобы не допустить светового раздражения сетчатки; у бодрствующего человека она открыта, чтобы обеспечить беспрепятственное зрение. При обсуждении анатомии глаза уже говорилось, что закрытие глаза обеспечивает кольцообразно окружающий глазницу мускул, *orbicularis oculi*, *мышца, закрывающая глаз*. Начало этого мышечного кольца находится на медиальной стороне глазницы, в области ее внутреннего угла. Там начинаются мышечные волокна, частью на медиальной костной стенке глазницы (*crista lacrimalis* и *processus frontalis* верхней челюсти), частью на сухожильной связке, *ligam. palpebr. mediale*.

Часть волокон, которая называется *pars palpebralis*, проходит по верхнему и нижнему веку с внешней стороны и заканчивается на сухожильной связке *Caphe palpebr. lateralis*, которая располагается в продолжении глазницы. Кожа *внешнего* угла глазницы подвижна в направлении к уху, вверх и вниз; сдвинуть кожу внешнего угла глазницы в направлении к носу, даже при помощи пальцев, трудно, как каждый может убедиться на собственном опыте. Это важно для работы пальпебральных волокон. Если бы кожа внешнего угла глазницы могла бы смещаться к носу, то сокращение пальпебральной части мышечных волокон вызывало бы смещение внешнего угла глазницы к носу. Но поскольку в этом направлении внешний угол глазницы не смещается, то мышечные волокна, закрепленные на внутреннем и внешнем углах глазницы, при сокращении теряют свое дугообразное расположение, которое характерно для них в состоянии покоя, и вытягиваются прямолинейно. Сначала они образуют дугу лука, а при

Рис. 64. Младенец шурит глаза.

Рис. 65. Миндалевидные глаза спящего младенца располагаются поверхностно (веки легко закрыты папебральной частью орбикулариса).

сокращении они становятся тетивой этого лука. Таким образом края верхнего и нижнего века сближаются и происходит закрытие глазницы.

Обычно, чтобы закрыть глаз, для сна или при мигании для распределения слезной жидкости, бывает достаточно работы пальпебральной части мышечных волокон (рис. 65).

Но если необходимо очень крепко закрыть глаза, то вместе с центральной пальпебральной частью включается периферическая орбитальная часть орбикулариса (рис. 66). Она также начинается на медиальной стенке глазницы и охватывает, подобно сфинктеру, мышечной петлей верхнее и нижнее веко, располагаясь на костном крае глазницы в виде мышечного тяжа шириной в 2 см.

Поскольку мышца неподвижно укреплена только на внутреннем углу глазницы, ее формообразующее действие на кожу в области глаза значительно сильнее, чем пальпебральной части. Ее волокна оказывают мощное давление на лежащий под веками жировой слой и на всю переднюю часть глазного яблока. Это давление особенно полезно тогда, когда имеет место переполнение кровью всей головы и особенно области глаз, как это бывает, например, при коклюше. Таким образом создаются препятствия для повреждения тканей в области глаз. Если сокращение orbicularis'a недостаточно сильно и он отказывает из-за истощения больного, то возможны кровотечения в конъюнктиве и склере, отечные набухания глазного века и даже выступание наружу глазного яблока (экзофтальм). Благодаря попеременному закрыванию и открыванию глаза слезная жидкость равномерно распределяется по поверхности глазного яблока. Мышца, поскольку она протягивается от латеральной стороны вовнутрь до угла глазницы, способствует тому, чтобы слезная жидкость от латерально заложенной слезной железы проходила к медиальному выводющему каналу, который впадает в полость носа.

Orbicularis, таким образом, очень полезная мышца. Но не бывает света без тени, что относится и к этой мышце. Я уже говорил, что периферическая орбитальная часть orbicularis'a, мышца, закрывающая глаз, окружает внешний

угол глазного века. Когда эта часть мышцы сокращается, на рыхлой и подвижной коже в окрестности внешнего угла глазницы возникают располагающиеся радиально морщины, которые получили название «гусиных лапок» (рис. 176 и 256). Они являются произвольным показателем возраста. Отчасти они сохраняются и при открытой глазнице потому, что кожа в этих местах теряет жировой слой и натяжение (тургор). Для тщеславных людей гусиные лапки особенно характерны. Но если вырезать из этой переполненной жидкостью и дряблой кожи кусочек, а затем сшить края разреза, натяжение кожи возвращается, гусиные лапки исчезают и пациент омолаживается — хотя бы на несколько лет. Эта небольшая косметическая операция сегодня осуществляется достаточно часто, и, как правило, успешно.

До сих пор мы занимались более грубыми функциональными задачами век. Они для всех людей одинаковы. Но если изучать глазницу в более *тонком* смысле, то обнаруживаются значительные индивидуальные различия. И часть этих вариаций глазницы имеет физиогностическое значение.

Открытие глазницы происходит вследствие расслабления orbicularis'a, в первую очередь потому, что веки отжимаются в их обычную среднюю позицию — она соответствует наполовину открытой глазнице. Только верхнее веко обладает кроме этого собственной мышцей для своего поднятия и для более широкого открытия глазницы, levator palpebrae superior (рис. 48). Нижнее веко лишено мышцы, которая могла бы оттягивать его вниз. Поэтому можно полагать, что верхнее веко обладает гораздо большим мимическим значением. Полные души большие детские глаза, божественные «коровьи» глаза Геры и глаза Сикстинской Мадонны не были бы возможны, если бы мышца, поднимающая веко не поднималась бы вверх, благодаря чему глазница широко открывалась.

Механизм открытия века весьма остроумен. Как я уже рассказывал, в верхнем, как и в нижнем веке имеется похожая на листок мирта небольшая хрящевая пластинка в несколько миллиметров, так называемый тарзус. Благодаря этой хрящевой пластинке верхнее веко при сокращении мышцы, поднимающей верхнее веко, не складывается в морщины, открывая, таким образом, глазницу и освобождая роговицу. Необходимо особое приспособление, чтобы поднять край века наверх. Этот механизм можно сравнить с механизмом письменного стола, который был в ходу лет 50 назад. Для покрытия этого стола тогда использовалась согнутая пластина, имевшая форму полого полуцилиндра. Когда этот цилиндр отодвигался, он исчезал внутри стола, а столешница вставала на свое место. Такой письменный стол называли цилиндр-бюро. Таким же образом перемещается верхнее веко, исчезая под верхней крышечкой костяной глазницы, причем значительная часть его становится не видна. Эта работа мышцы, поднимающей верхнее веко, совершается в первые месяцы жизни лишь от случая к случаю, а впоследствии становится регулярной.

В первую и вторую недели жизни младенец, как правило, держит глаза закрытыми; лишь периодически он открывает глазницу, щурится, неуверенно оглядываясь вокруг, но у него нет такого интереса к своему окружению, который заставил бы его широко открыть глаза (рис. 64). Если посмотреть на закрытые во сне глаза младенца, то в течение первых недель они имеют миндалевидную форму.

Они не погружены глубоко в глазницу, а в большей степени располагаются поверхностно.

У некоторых младенцев глаза лежат глубоко расположены в глазнице. Тогда описанная миндалевидная выпуклость отсутствует и о положении глазных яблок говорят только линии закрытой глазницы. Когда младенец просыпается, он, как правило, чувствует потребность в еде и сообщает мощным ревом о своем желании (рис. 66). При этом в первые месяцы он часто, пугающим для несведущих людей образом, становится весь красно-синим — признак нестабильной регуляции кровообращения. Красно-синей становится и кожа в области глаз, миндалевидная выпуклость глазного яблока словно стремится выступить наружу и опасность кровотечения в рыхлых и губчатых тканях, которые в это время наполняют глазницу, была бы очень велика, если бы уже с первых дней *orbicularis oculi*, мышца, закрывающая глазницу, не начала бы работать, оказывая сильное давление на всю область глаза — важность этого противоположно направленного давления была известна уже Дарвину.

Рис. 66. Ревущий младенец (интенсивное закрытие век с участием *orbicularis'a*).

Рис. 67. Младенец, который уже заинтересовался окружающим миром.

Сон, редкие взгляды из-под прищуренных век, рев, прием пищи и опорожнение кишечника и мочевого пузыря составляют вначале всю жизнь младенца. Но на втором месяце пробуждается интерес к окружающему. Глаза остаются открытыми дольше и открываются шире, маленький мозг воспринимает определенные картины, которые попадают на сетчатку, и день за днем мышца, поднимающая верхнее веко, (*levator palp. sup.*) напрягается все сильнее, чтобы пропустить множество чувственных впечатлений, врывающихся в камеру глаза (рис. 67). Чем старше становится ребенок, тем больше становится высота глазницы и к третьему, четвертому или пятому месяцу у многих детей формируются большие широко открытые детские глаза, которые показаны на рис. 51.

Если сравнить детские глаза с глазами взрослого, то обнаруживаются большие различия. Высота глазницы у младенца значительно больше, чем в более

позднем возрасте, но длина отчетливо меньше. Сокращение высоты глазницы объясняется тем, что постепенно интерес к окружающему миру у ребенка становится меньше. Он переживает свое первое разочарование: мир не настолько интересен, каким он казался вначале. Интенсивное напряжение мышцы, поднимающей верхнее веко, уменьшается, и если раньше постоянно была открыта вся роговица, то теперь верхняя ее треть закрыта опущенным верхним веком. Одновременно пробуждаются другие восприятия, обоняние и слух; они развиваются все сильнее, оттесняя начальное господство зрительного восприятия.

Дальнейшее формирование глазницы обусловлено становлением всей жизненной судьбы. Если, например, к несчастью ребенка, его детство окажется безрадостным и школьные годы неудачными, то верхнее веко опустится еще больше и это придаст лицу отчетливое выражение усталости и чванливости. Но если позже, в университете, у него проснется радость к жизни и рвение к учебе, то работа мышцы, поднимающей верхнее веко, снова усилится и глазница станет шире. Это можно установить с помощью фотографий, сделанных в различные годы жизни человека. С возрастом, как правило, у большинства людей интерес к окружающему миру и радость его созерцания уменьшаются, и верхнее веко все больше и больше опускается вниз. И только у людей, которые и в позднем возрасте сохраняют полноту духовной жизни, глаза за счет одной только работы мышцы, поднимающей верхнее веко, остаются широко открытыми. К таким счастливым относился Гёте (рис. 60).

Другие, для того чтобы держать глаза открытыми, когда с возрастом мышца, поднимающая верхнее веко отказывает, привлекают мышечную силу *frontalis*'а, лобной мышцы (рис. 68). *Frontalis* стягивает кожу лба вместе с бровями наверх и этой тяге следует и верхнее веко. Если интерес к окружающему миру почти совершенно потерян, *frontalis* приходится напрягать чаще и сильнее. В этих случаях верхнее веко настолько опускается вниз, что вся верхняя половина роговицы оказывается закрытой. Это — уставшие старческие глаза (рис. 69).

Рис. 68. *Frontalis*, лобная мышца, очень напряжена; она заменяет собой слабый леватор. Возрастное кольцо (*Arcus senilis*) отчетливо выражено — черное кольцо на границе радужки (по Эрих Рецлафф, «Облик возраста»).

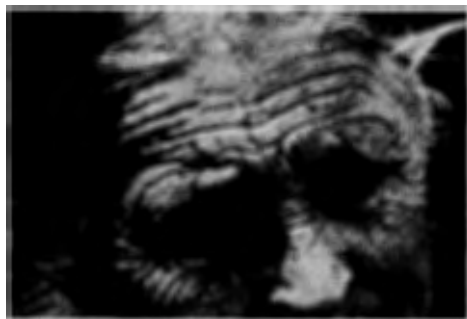

Рис. 69. *Frontalis*, лобная мышца, слишком слаб и уже не сможет заменить отказавший леватор (по Эрих Рецлафф, «Облик возраста»).

Рис. 70. Схема век у европейцев и японцев.

----- внутренний угол глазницы
(по «Антропологии» Мартина.)

Еще одно изменение претерпевает глазница в течение детства благодаря обратному развитию эпикантуса. Под эпикантусом понимают кожный мостик, который протягивается во внутреннем углу глазницы между верхним и нижним веком и покрывает слезный сосочек (*caruncula lacrimalis*). Как видно из рисунка 71, таким образом переход от верхнего к нижнему веку

происходит не в форме острого угла, а по полукруглой линии.

У многих народов, как, например, у монголов, эпикантус представляет собой расовый признак, который сохраняется в течение всей жизни (рис. 70). У европейцев эпикантус можно констатировать у 33% младенцев. Однако у большинства этих детей эпикантус исчезает в течение первых десяти лет жизни. После десяти лет эпикантус обнаруживается лишь у 3–4% детей. Эпикантус обладает небольшим физиогномическим значением, потому что длина глазницы таким образом сокращается и глаза кажутся открытыми еще шире, чем это есть в действительности (рис. 51, 71, 72).

Какое физиогномическое значение имеет глазница?

Я попытался обрисовать изменение глазницы от рождения до смерти. Из моих высказываний следует, что мышца, поднимающая верхнее веко, *m. levator palp.*, является исключительно важной мышцей для выражения глаза. Ее сокращение широко открывает глазницу и настолько освобождает глазное яблоко, что оно — не только у младенца, у которого оно в действительности относительно велико — но и у взрослых, у которых у всех глаза примерно одинаковы — кажется неестественно большим. По нашим понятиям, только большие глаза красивы (монголам, возможно, нравятся раскосые глаза). А значит, не может быть красивых глаз без мощной мышцы, поднимающей верхнее веко. Однако обладатели подобных глаз не задействуют свою *m. levator palp.* намеренно, чтобы добиться больших красивых глаз. Исключение составляют, может быть, дамы от шоу-бизнеса, потому что эти люди постоянно находятся в состоянии

Рис. 72. Баварский ребенок чуть постарше, у которого эпикантус уже не наблюдается.

эпикантус

Рис. 71. Маленький баварский ребенок, у которого эпикантус еще сохраняется.

Слезный сосочек

напряженного внимания, чтобы вобрать в себя все впечатления окружающего мира. Напряжение мышцы, поднимающей верхнее веко, способствует появлению на лице выражения ума и внимательности. И наоборот, дряблое опущенное веко выражает усталость и отсутствие инициативы.

Очень заманчиво придать этим наблюдениям всеобщее значение. Широко раскрытая глазница говорит об интеллигентности и духовной активности, тогда как наполовину прикрытая глазница — об обратном. Если посмотреть на лица знаменитых людей, например, в книге Канцера «Лицо немецкого вождя», то мы обнаружим у 75% из них широко открытые глазницы. И наоборот, если полистать книгу Рецлаффа «Мы — от земли», где приводятся изображения лиц крестьян, фабричных рабочих, ремесленников, то можно констатировать прямо противоположное соотношение: у 75% полуоткрытые глазницы, и лишь у 25% — широко открытые глаза. Т. е. наше предположение кажется верным. Но, к сожалению, работа физиогномиста не делается так легко. Потому что интеллигентность и инертность не единственные силы, которые определяют широту глазницы. С анатомической точки зрения можно выставить три причины сужения глазницы. Во-первых, жировой слой под верхним и нижним веком может быть настолько избыточно развит, что широко раскрытие глазницы просто невозможно. Далее, глазница может произвольно или рефлекторно сужаться вследствие работы мышцы, закрывающей глаз. Это происходит при прищуривании глаз. И, наконец, раскрытие глазницы может быть меньше, поскольку мышца, поднимающая верхнее веко, работает недостаточно. Тогда верхнее веко опускается и закрывает часть глазного яблока.

Например, у многих рас узкую глазницу обуславливает избыточное развитие жирового слоя. Посмотрите на уже приводившиеся нами рисунки (рис. 5 и 6) монголоидных глаз и глаз Мадонны. Расовые наследственные признаки работают как в смешанном населении, так и в чисто немецком — для отдельных индивидуумов. На рис. 73 я привожу изображение баварского ребенка. Я ничего не знаю о его происхождении, знаю только, что у его отца лицо точно такое же. Исследователь рас, которому я показал изображение, предположил азиатские включения. Но это, в конце концов, неважно, но: этот ребенок, даже если он в дальнейшем своем развитии обнаружит выдающиеся интеллектуальные способности, никогда не будет иметь широко открытых прекрасных умных глаз. А у других рас, наоборот, широко открытая глазница изначально принадлежит к расовым признакам. Это относится к средневропейским западным народам. Поэтому у многих итальянцев и итальянок такие большие прекрасные глаза. Иногда такие широко открытые глаза можно наблюдать у немецких мужчин и женщин. Если это проявление расовой наследственности, на их основании, нельзя, конечно, делать выводы о какой-то особенной интеллигентности. Напомню то, что я уже говорил о прекрасных глазах Мадонны. У

Рис. 73. Баварский ребенок.

реальных людей далеко не всегда обладание прекрасными большими глазами бывает связано с наличием незаурядного ума.

Избыточность жирового слоя под веками не всегда бывает связана с наследственными признаками. Иногда эта избыточность характерна для чревоугодников — как в течение жизни, так, главным образом, в пожилом возрасте. Для них тоже широкое открытие глазницы невозможно. Подобные глаза изображены на рис. 74.

Рис. 74. Старческие глаза с обильным жировым слоем.

Рис. 75. Базедова болезнь («Facies dolorosa», Киллиан).

Второй причиной сужения глазницы является *прищуривание глаз* вследствие работы мышцы, закрывающей глаза. Это имеет место во многих профессиях. Существуют профессии, при которых очень часто наблюдается широко открытая глазница, например, врачи (рис. 97–102), священники (рис. 105–106), философы (рис. 108) и художники (рис. 265). Но есть и такие профессии, при которых большую часть дня необходимо частичное закрытие глазницы. Например, моряки. Они привыкают при штормах и бурях, но также и при сияющем солнечном свете держать свои глаза наполовину закрытыми. И, если они делают это годами, то

Рис. 76. Глаза моряка (Эрих Рецлафф).

Рис. 77. Недовольный старик (воздействие mentalis, buccinator, мышц, поднимающих нос и верхнюю губу, procerus, мышцы, сморщивающей брови, и orbicularis oculi).

мышца, закрывающая глаза, становится все сильнее, она приобретает перевес над мышцей, поднимающей верхнее веко, следствием чего появляется «прищур моряка» (рис. 76). Формой глаз, типичных для моряка, обладают и многие крестьяне и земельные рабочие, которые весь день находятся на открытом воздухе и для защиты от солнца, ветра и непогоды вынуждены прищуривать глаза. Также мы наблюдаем такое прищуривание глаз у фабричных рабочих, которые часто вынуждены смотреть под ярким резким светом или на огонь сварочной горелки, или на раскаленное железо на прокатном стане, или на пылающие потоки раскаленной стали в плавильных цехах.

Независимо от профессии глазница может становиться узкой или широкой вследствие *болезненных изменений глаз или век*. К неестественно широкому открытию глазницы может приводить базедова болезнь, вызывающая пучеглазие (рис. 75). Болезненное давление лежащих позади глазного яблока тканей выдавливает его вперед и почти разрывает глазницу (рис. 75). Узкая глазница может быть обусловлена изменениями глазных яблок. Если кто-то страдает от светобоязни, то он наполовину прикрывает веки. Близорукие, прикрывая глазницу и оставляя только узкую щель, создают, таким образом, диафрагму, стенотические очки, которые облегчают для них зрение (рис. 78).

Наконец, полуприкрытая глазница может формироваться под влиянием настроения или характерологических качеств и входить в привычку. Часто таким образом выражается недоверие и презрение. Яркий пример тому приводится на рис. 77. В незначительной степени слегка прикрытая глазница иногда наблюдается у высокопоставленных, очень самоуверенных людей как выражение высокомерия в духе Горация — «*Odi profanum vulgus et arceo*». Характерным для всех этих глаз является то, что прикрытие века происходит не благодаря недостаточности мышцы, поднимающей верхнее веко, а вследствие энергичного сокращения мышцы, закрывающей глаз. Это можно констатировать по морщинам, формирующимся на внешнем углу глазницы и на нижнем веке (рис. 77). При закрытии века вследствие расслабления мышцы, поднимающей верхнее веко, как это происходит во сне, морщины не появляются. Кроме того, активное прикрывание глазницы можно определить по положению края нижнего века. Когда мышца, закрывающая глаз, напрягается, расположение края нижнего века более или менее прямолинейно. Если же эта мышца расслаблена, то край века образует изящно изогнутую дугу (рис. 81). Это относится ко всем типам глазниц этой второй группы и тут нельзя обойтись одной только констатацией формы век, чтобы определить, является ли причиной полуприкрытых век глазная болезнь или недоверие. У крестьянина, изображенного на рис. 77, глаза наполовину прикрыты вследствие работы мышцы, закрывающей глаз. То, что эти полуприкрытые глаза связаны с презрением или недоверием, кажется вероятным из-за дополнительных признаков: презрительно выпяченных губ, глубокой носогубной морщины, выражающей обычно недовольство.

Насколько осторожно нужно обходиться с этим толкованием, показывает бюст Лоренцо деи Медичи. Толстая, недовольно выпяченная нижняя губа возникла, возможно, в те времена, когда деи Пацци стремились устранить

господство деи Медичи. Этот рот невольно склоняет к тому, что и полуприкрытую глазницу можно было бы интерпретировать как выражение высокомерия и презрения. Но этому не соответствует то, что мы знаем о личности Лоренцо, и эти полуприкрытые глаза легко объясняются, когда мы узнаем, что он страдал близорукостью (Е. Неуск, см. рис. 78).

У обсуждавшейся до сих пор второй группы сужение глазницы обусловлено сокращением мышцы, закрывающей глаз. У третьей группы глазница сужается не из-за сокращения этой мышцы, а как раз вследствие *расслабления levator palp., мышцы, поднимающей верхнее веко*. Об опускании верхнего века как о возрастном явлении я уже упоминал. Мышца, поднимающая верхнее веко, часто отказывает при ослаблении из-за болезней, пьянства, в состоянии истощения. Также и у высокомерных людей часто можно наблюдать опускание верхнего века. Высокомерие можно рассматривать как вид *духовной усталости*. Им словно не хочется видеть своих современников. Пример такого высокомерного взгляда мы видим на бюсте Баттисты Сфорца (рис. 79). Это понять очень легко. Неясно, случается ли опускание верхнего века вследствие *чувственности*.

Рис. 78. Бюст Лоренцо деи Медичи (галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 79. Баттиста Сфорца, герцогиня Урбинская (Национальный музей, Флоренция).

Афродиту часто изображают с чуть прикрытыми глазами. То, что это связано с расслаблением леватора, можно заключить по расширению края тарзуса, когда при опускании верхнего века остается видна большая его часть, чем это соответствовало бы строению века и направлению взгляда. А то, что сокращение мышцы, закрывающей глаз, здесь отсутствует, видно по выраженному дугообразному расположению края нижнего века. Наиболее отчетливо у женских лиц я наблюдал чуть прикрытые глаза у Венеры Капитолийской (рис. 96), одного бюста Венеры из Музея Барраччо. Я хотел бы показать это на примере и приведу изображение Венеры Джулио Романо в галерее Боргезе в Риме (рис. 80). В ней всякий видит стремление к «земной любви». Но на чем основано это впечатление? Частью на склоненной в сторону голове и мечтательном направленном вверх

взгляде, но еще — и в большей степени — на чуть прикрытых глазах. Но это расслабление мышцы, поднимающей верхнее веко, не так легко определить из-за направленного вверх взгляда. Только путем сравнения с рис. 88 становится ясно, что при таком направленном вверх взгляде и таком выраженном жировом слое под верхним веком, тарзальный край верхнего века никак не был бы виден, если бы верхнее веко не было бы опущено.

Рис. 80. Венера Джулио Романо (галерея Боргезе, Рим).

Рис. 81. Дионис (Музей Капитолия, Рим).

Картина Джулио Романо, хорошо передающая тип смотрящей наверх Афродиты, и бюст Венеры Капитолийской показывает, что греки в передаче чувственности были очень сдержанны. На многих бюстах чувственность выражена еще меньше, как, например, у Афродиты Книдской Праксителя (Берлин, собрание Кауфмана) или у Венеры Милосской. И все-таки глаза Афродиты характерны, если сравнить их с широко открытыми глазами Афины Паллады или Геры. У одного из бюстов, например, у Бахуса Капитолийского (рис. 81), опущение верхнего века выражено более отчетливо, чем у Афродиты. У Бахуса эти глаза могут означать как чувственность, так и усталость вследствие пьянства. Наиболее яркое выражение чувственности я нашел в изображении Адама работы Ганса Бальдунга Грина. Расположение его рук устраняет любые сомнения в причинах прикрывания глазницы (рис. 82).

В искусстве, таким образом, чуть прикрытые веки используются для выражения чувственности. В жизни можно сделать аналогичный вывод, наблюдая за театральными киноактрисами. Но они не ограничиваются одним только намеком, как греческие художники, они усиливают впечатление вплоть до его избыточности, что часто можно видеть на экране. Они настолько опускают верхнее веко, что остается совсем узкая полоска. Два примера таких «чувственных» глаз я привожу на рис. 83 и 84.

Я показал эти изображения некоторым женщинам, обладающим тонким пониманием выражений человеческого лица, и попросил их сказать мне, как они

истолковывают чуть прикрытые глаза. Первая сказала: «Это должно означать чувственность». Вторая возразила: «Нет, не чувственность, но сексапильность!» Третья, очень интеллигентная молодая актриса, сказала: «Это не сексапильность, это — псевдосексуальное кривлянье!» Я думаю, именно третья была права.

Рис. 82. Адам работы Ганса Бальдунга Грина.

Рис. 83, 84. Псевдосексуальное кривлянье.

Эти ответы нуждаются в комментариях. Под чувственностью первая женщина понимала существование чувственных побуждений, без намерения демонстрировать эти чувства. Об этом говорил Шопенгауэр, он воспринимал чувственность как проклятие, как охваченность демоном, и он старался, насколько это было для него возможно, подавлять это влечение. Вторая женщина истолковала как сексапильность, чувственность с намерением показать эти побуждения представителям противоположного пола и, таким образом, привлечь их. При псевдосексуальном же кривлянии чувственное возбуждение совершенно отсутствует. Эти дамы лишь симулируют подобные чувства, чтобы очаровывать мужчин. В этот класс попадают многие так называемые «женщины-вамп».

Мои наблюдения показывают, что значение степени открытия глазницы очень велико, но ее физиогномическая оценка совсем не проста. Широко открытая глазница в общем говорит о духовности, внимательности. Однако наполовину прикрытая глазница не обязательно должна означать обратное.

Несмотря на это, значение мышцы, поднимающей верхнее веко, *levator palp. sup.*, как мышцы внимательности и духовного бодрствования, очень велико. Это в особенности верно, когда к широко открытой глазнице добавляются *твердый взгляд и быстрые движения глаз*. На тех изображениях, которые я здесь привожу, прилежную работу *levator palp. sup.* и глазных мышц можно определить только по форме края век. У флегматичного человека с вялыми движениями глаз края век при широко открытой глазнице не так механически нагружены, опущены или искривлены, как у сангвиника или маниакального. И потому люди, ведущие духовную жизнь, часто обладают более остро очерченными краями век, чем люди апатичные. При этом существенное значение имеет и профессия. Профессии, которые вынуждают к быстрому острому взгляду, как, например, профессия художника, врача, химика, вообще всех исследователей, формируют поэтому более выраженные края век, чем работа крестьянина или поденщика, которая в большинстве случаев не требует острого зрения и широкого открытия глазницы.

Рис. 85. Фридрих Гессинг.

Твердость взгляда может возрастать до такой степени, что он становится неприятным. Взгляд становится жестким и застывшим. Пример такого взгляда демонстрирует королева Мария Английская, «кровавая Мэри» (рис. 293). Другую разновидность взгляда представляет *колющий взгляд*. Его можно наблюдать у мужчин с глубоко посаженными глазами и по большей части полуприкрытой глазницей. В этих глазах обычно немного жизни. Но если этот человек внезапно интенсивно фиксируется на каком-то предмете или человеке, его взгляд становится неприятно колющим, напоминая глаза хищной птицы. Глаза, которые не привыкли наблюдать спокойно и твердо и беспокойно бегают туда-сюда, не

вызывают доверия. Люди полагают — и часто совершенно справедливо — что за такими глазами кроется ненадежный характер.

Я говорил, что в глазах, в твердости взгляда и в выраженном поднятии верхнего века наиболее выражено духовное значение, в то время как рот, при всей его важности для исследования характера, темперамента, настроения и страстей относительно мало говорит об интеллигентности человека. Это становится особенно ясно, когда рассматриваешь изображения, на которых нижняя половина лица закрыта бородой. Весьма поучительный пример этого рода представляет лицо Фр. Гессинга, известного изобретателя отличных ортопедических аппаратов. У него была прекрасная патриархальная борода, очень декоративная, но которая не говорила ничего. И если кто-нибудь захотел бы делать выводы из этой почтенной бороды зрелого мужа, придающей ему ореол мыслителя в духе греческих мудрецов, он мог бы впасть в жестокое заблуждение. Гессинг до последних лет своей жизни оставался тем же темпераментным и своевольным господином, каким он был на протяжении всей жизни. Но *глаза* говорят о духовности этого человека. Широко открытые в напряженном внимании, несмотря на возраст, веки, твердый, острый взгляд, вертикальная складка бровей, которая говорит о наполненной трудами жизни, показывают, что этот человек необыкновенно умен и сохраняет свою энергию и работоспособность (рис. 85).

Изменения формы глазницы, обусловленные направлением взгляда

Дальнейшие изменения глазница претерпевает в результате движений глазного яблока. Эти изменения почти не осознаются большинством людей, поскольку они в состоянии по положению радужки и роговицы сейчас же определить направление взгляда своего партнера, почему и не обращают внимания

на изменения формы глазницы. Для археологов это не так легко, потому что скульпторы начали пластически изображать роговицу и зрачок только во 2-ом и 3-ем столетиях нашей эры. В предшествующие времена глаза в большинстве случаев рисовали. Однако по этой раскраске можно сказать очень немного, и если вместе с определенным направлением взгляда не изменялась форма глазницы, то о глазах этих античных бюстов мы можем сказать очень немного.

Наблюдательные археологи каким-то образом чувствовали, куда направлен взгляд греческих бюстов. Я всегда поражался той точности, с которой старый мастер немецкой археологии Хайнрих фон Брунн определял направление взгляда. Когда я спросил его, по каким изменениям глазных яблок он определяет их положение, если зрачок и радужка отсутствуют, он скал мне: «Это нужно почувствовать». Но, как врач, я хотел точно опознавать, поэтому я учился

Рис. 86. Прямой взгляд.

Рис. 87. Взгляд направлен вверх.

Рис. 88. Взгляд направлен высоко вверх.

Рис. 89. Взгляд направлен вниз.

Рис. 90. Взгляд направлен в сторону.

Рис. 86–90. Изменения формы глазницы при различных направлениях взгляда.

формулировать определенные вопросы, и так за 46 лет возникли те фотографии, которые я привожу на рис. 86–90.

Будем исходить из рис. 86, где взгляд направлен прямо. При этом положении глаз, которое мы определяем как *среднюю позицию*, глазница имеет форму миртового листа. Если мы соединим внешний и внутренний углы глазницы прямой линией, она разделится на несколько большую верхнюю и несколько меньшую нижние половины. Края век представляют собой плавно изогнутые дуги, линии которых на верхнем и нижнем веке почти одинаковы.

Если взгляд направлен *несколько вверх* (рис. 87), то верхнее веко несколько натянуто мышцей, поднимающей верхнее веко (*levator palp.*), вверх, изгиб края века становится одновременно сильнее, а нижнее веко остается без изменений. Следствием этого становится то, что глазница увеличивается по высоте, и глаз напоминает широко открытые детские глаза.

Если взгляд *направлен вверх как можно более высоко* (рис. 88), то глазница обнаруживает еще большие отклонения от средней позиции. Соединительная линия между внешним и внутренним углами глазницы делит ее на две абсолютно не равные части — большую верхнюю и меньшую нижнюю. Край верхнего века обнаруживает еще большее искривление дуги, чем в предыдущем случае. Край века не описывает равномерной дуги, но изолированно изгибается вверх, в том месте, где роговица примыкает к верхнему веку. На крае нижнего века дуга сглажена, оно за счет движения глазного яблока несколько поднято вверх и удерживается на определенной высоте.

При взгляде вниз (рис. 89) мышца, поднимающая верхнее веко (*levator palp.*), расслабляется. Верхнее веко опускается вниз. В работе нижнего века должна была бы появиться потребность в контрагенте *levator palp.* Но она отсутствует, и дальнейшее расширение глазницы вниз невозможно. В основном расширение глазницы вниз обеспечивается расслаблением мышцы, закрывающей глаз, *orbicularis palp.* Но пространство взгляда несколько увеличивается потому, что роговица имеет здесь выступающий фрагмент, наподобие пупочной грыжи, и он выталкивает край нижнего века несколько ниже. Поэтому, как и при взгляде вверх, возникает изолированный изгиб дуги края века. Глазница значительно сокращается по высоте, почти вдвое по сравнению с положением глаз, когда взгляд направлен вверх.

Несколько сложнее распознать по форме глазницы *боковой взгляд*. При этом нужно помнить о том, что выпячивание роговицы отесняет ту часть края века, которой оно касается. Это отчетливо видно на рис. 90, где взгляд направлен резко влево. Глазница правого глаза шире всего открыта в средней трети, где располагается роговица. На левом глазе глазница на медиальной стороне несколько сужена, на латеральной же открыта немного шире. Если сравнить форму внутреннего угла глазницы справа и слева, то это сразу видно. Так что и при взгляде в сторону легко обнаружить совершенно определенные изменения. Но более тонкие моменты в направлении взгляда обнаружить было бы невозможно, если бы мы ограничивались изучением глазницы.

К счастью, при взгляде в сторону возникают *изменения формы самого века*, которые облегчают нам определение направления взгляда. Рассмотрим сначала

внутренний угол глазницы. На правом глазу находящаяся впереди роговица поднимает край верхнего века и тарзус — цилиндр-бюро глаза — смещается далеко назад. От тарзуса остается видимой полоска шириной в 2–3 мм. Но на левом глазу остается видимой полоска шириной в 4–5 мм. На *внешнем* углу глазницы все обстоит с точностью до наоборот. На правом глазу видна большая часть тарзуса, на левом же цилиндр-бюро на латеральной стороне роговицей смещен в высоту, и видна значительно меньшая часть тарзуса. По этим изменениям формы на краю века и на верхнем веке направление глаза в сторону можно определить с достаточной достоверностью.

Также и при взгляде вверх и при взгляде вниз появляются *изменения формы верхнего века*. Чем в большей степени взгляд направлен вверх, тем более тарзус исчезает в глазнице. Но, поскольку при этом определенную роль играет и жировое содержание глазницы, то без этого нельзя вполне точно определить ширину видимого тарзуса при взгляде вверх.

Труднее всего определить, направлен ли взгляд *на близкое расстояние или вдаль*. Если фиксировать взгляд на предмете, удаленном на 20–30 см, а затем, наоборот, перевести его вдаль, то различие в позиции глазных яблок очень отчетливы, и, соответственно, появляются различия в форме глазницы и верхнего века. У греческих бюстов взгляд не бывает направлен на такие близкие расстояния, как 20–30 см; обычно речь идет о расстояниях в 1–2 м. Но при таком положении взгляда разница между этой позицией глазных яблок и взглядом вдаль не очень велика, и, я думаю, определить тут разницу между взглядом на близкое расстояние и взглядом вдаль по форме глазницы вряд ли возможно. Если же, несмотря на это, в одних случаях появляется чувство, что эти глаза смотрят на небольшое расстояние, а в других, что они смотрят вдаль, то это основано на выводах, которые мы делаем из общего направления взгляда. Если же кто-то смотрит в сторону или вниз, то он обычно фиксируется на близко расположенном предмете, и наоборот, тот, кто смотрит вверх, обычно смотрит вдаль. Ненадежным бывает определение прямого взгляда, при так называемой средней позиции. Здесь точное определение невозможно, и здесь констатация взгляда даже для исследователя становится предметом интуиции.

Если проверить то, что мы установили на наших лицах, на других лицах, картинах и бюстах, то можно обнаружить, что описанные изменения при соответствующих направлениях взгляда не всегда столь очевидны, как в нашем примере.

Если начать исследования на наших современниках, то сразу выясняется, что некоторые глазницы гораздо отчетливее реагируют на изменения взгляда, чем другие. Это объясняется различным напряжением тканей. На дряблой, покрытой многочисленными морщинами, старческой коже незначительные сдвиги глазного яблока гораздо менее заметны, чем на юношеской и пластичной. С другой стороны, 10-миллиметровый слой жира под веками маскирует воздействие движения глаз. К этому прибавляется еще и то, что ткани век обладают различной подвижностью. Кожа медиальной части век туго натянута за счет укрепления на внутреннем крае глазницы и поэтому менее подвижна, чем кожа латеральной части век, которая не укреплена на кости. Также и свисающее как мешок у очень пожилых людей дряблое

нижнее веко делает неясными изменения век при различных направлениях взгляда. И в то же время можно констатировать, что то, что мы установили на отдельном примере, в общем и целом справедливо для всех.

Гораздо больше разочарований ожидает нас при изучении портретов. Но это зависит не от изображаемой персоны, а от художников. Тот, кто привык рассматривать человеческое лицо как отражение характера и переживания жизни, как правило, смотрит на то, что делают из человеческих лиц художники, с сожалением. Многие художники ведут себя так, как будто они фотографы-халтурщики. Они «ретушируют» морщины, чтобы получить гладкое, красивое и ничего не говорящее лицо. О возможной святости человеческого лица таким художникам вообще ничего не известно. Естественно, им не приходит в голову и изучать изменения глазницы при различных направлениях взгляда, чтобы адекватно передать их на холсте. Хотя хороший художник передает изменения глазницы совершенно точно. Наиболее совершенно, как мне кажется, изменения век и глазницы передают Гольбейн и Тициан.

С бюстами дело обстоит не так плохо, как с портретами. У скульпторов — за некоторыми исключениями — больше благоговения перед фактическими формами человеческого лица. Поэтому у греческих бюстов изменения глазницы переданы в большинстве случаев неплохо. Римские копиисты изготавливали бюсты таким образом, чтобы они максимально выигрышно воспринимались на том месте, где предстояло их установить. Такие мелочи, как положение век, были для них несущественны. Чудовищным примером недобросовестности римских копиистов является бюст Александра. У меня с давних пор был особый интерес к этому бюсту, потому что у Александра, как известно, была кривошея. При кривошее имеет место не только искривленное положение головы, но и недоразвитие большей половины лица (рис. 12 и 13). Это было отлично известно греческим скульпторам. Поскольку это по большей части отлично передано в более поздних копиях. Но кривошея на римских копиях, как я мог убедиться в Риме, направлена иногда вправо, иногда влево. Вероятно, копиисты делали здоровой стороной ту половину лица, которая была больше освещена при постановке скульптуры на определенном месте. Подобные же произвольные изменения можно найти в римских копиях в состоянии век и глазницы, поэтому эти бюсты можно делать объектами физиогномических исследований лишь с большой осторожностью.

Из моего изложения относительно изменений глазницы и век при различных направлениях взгляда следует, что хотя грубые, отчетливые изменения формы распознать достаточно легко, более тонкие изменения не всегда легко констатировать и правильно истолковать.

И тогда возникает вопрос:

Правильно ли, если скульптор отказывается от изображения радужки и зрачка?

Когда благодаря Винкельманну был пробужден интерес к античности, как раз лучшие произведения искусства, оригиналы, были выполнены без изображения радужки. Сформировалось мнение, что греки изображали глаза без радужки, и

такие классицисты, как Торвальдсен и др. тоже отказались от изображения радужки и зрачков. Однако позднее были найдены античные бюсты с отчетливыми следами нарисованных глаз. Наиболее выраженные следы такого рисунка я видел у одной архаичной статуи девушки (рис. 91) в музее Акрополис. Лицо этой статуи напоминало маску. Здесь я понял, почему Хайнрих фон Брунн ничего не хочет знать о толковании радужки. Глаза без радужки говорят ему больше. Между тем археология установила, что у других греческих бюстов достаточно отдаленного времени глаза изображались более правдоподобно, или благодаря выполнению радужки и роговицы из вставляемого в бюст темного камня, или благодаря рисунку темной краской. Хорошо удались, по-моему, вставленные глаза у бюста в Дельфах. В более поздние времена скульпторы передавали радужку и зрачок не столько краской, сколько пластически. Один из методов состоял в том, что в области зрачка делали похожее на линзу углубление. Таким образом изображены глаза Эзопа (рис. 260), которые производят очень живое впечатление. У римских бюстов в глиптотеке зрачки переданы подобным же образом, радужка же нарисована краской. Впечатление от этих глаз необыкновенно живое (рис. 92a).

Чтобы доказать, что впечатление действительно обусловлено изображением радужки и зрачка, я привожу на рис. 92b те же глаза без радужки и зрачка. Теперь эти глаза мертвы. Я использую каждую возможность, чтобы прояснить значение радужки и зрачка, поскольку парадоксальным образом именно среди скульпторов я сталкивался с точкой зрения, что глазное яблоко лишено всякого выражения и только окружение глаза производит определенное впечатление.

Менее удачной кажется мне попытка указывать на зрачок, используя корнеальный рефлекс. Корнеальный рефлекс состоит в том, что светлый предмет, например, освещенное окно, отражается на прозрачной роговице и создает светлое пятно на темном зрачке. Художник пытался достичь этого при изображении Лисия (рис. 105) таким образом, что он просверлил два круглых отверстия в камне в области зрачка. Но на безмолвном камне в отличие от отражающей роговицы невозможны вообще никакие рефлексy. Кроме того, при корнеальном рефлексе не бывает так, чтобы было впечатление, что на зрачке появляются две расположенные рядом точки. И все-таки эти глаза производят более живое впечатление, чем если бы они были совсем лишены радужки.

Микеланджело у некоторых своих скульптур выделял радужку и зрачок черным, как, например, у Давида, Брута и Моисея. И напротив, на его скульптурах Мадонны я не нашел никакого указания на радужку. Также нет радужки и на его скульптурах семьи Медичи. Вероятно, художник при изображении определенных личностей считал изображение радужки и зрачка необходимым, тогда как в других случаях он не считал это важным.

Современные скульпторы или не изображают радужку, как Торвальдсен, или же используют краски или пластические методы. Но глаза, которые передавали бы всю духовную значимость человека, редко можно встретить на современном бюсте. Мне кажется, проблема изображения глаз на скульптурах до сих пор не решена. Один молодой скульптор подтверждает мое предположение. Он сказал: «Мы, скульпторы, не знаем, с какой стороны подступиться к глазам».

Рис. 94 а, б. Аполлон. (Музей Барраччо, Рим.)

Рис. 95 а, б. Венера Капитолийская.

Рис. 96 а, б. Виктория: а) Оригинал;
б) Радужка и зрачок нарисованы.

Некоторые скульпторы обходят эту трудность тем, что несколько наклоняют свои скульптуры вперед, так что глаза оказываются в тени. Никаких подробностей не видно. Но нельзя и передать духовность изображаемого человека.

Если мы хотим приблизиться к решению проблемы изображения глаз, то нужно исходить из греческих образцов. Но нужно отдавать себе отчет в том, что греческие скульптуры в том состоянии, в котором мы находим их сегодня в музеях, не дают правильного представления о том впечатлении, которое они производили в своем изначальном состоянии. Поскольку там были нарисованы не только глаза, но и тело, на котором рисовали одежду. Произведением искусства из греческих времен, которое дает лучшее впечатление об изначальном воздействии греческой скульптуры, является саркофаг Александра из Сидона, хранящийся в Константинополе. Как показывает рис. 93, краски рисунка хорошо сохранились. Если бы мы захотели на основании этого образца сформировать впечатление о других скульптурах, то нам нужно было, чтобы были решены две задачи. Во-первых, чтобы недолговечная и непрочная техника гипсового слепка была бы заменена каким-то другим методом. Когда я иду по «гипсовому» музею, меня всякий раз приводит в ужас бездушие этого материала и те повреждения, которые причинило время фигурам. Гораздо совершеннее и долговечнее отливки из жидкого мрамора. Смесь из цемента и мраморной крошки используется для изготовления фигур с давних времен. Однако этот материал производит холодное впечатление, в нем отсутствует теплота мрамора. Я провел небольшой опыт, пытаюсь изготовить скульптуры из жидкого мрамора с другими связующими материалами. Мне, кажется, удалось добиться воздействия, аналогичного подлинному мрамору, из которого изготовлены многие произведения искусства в глиптотеке. Конечно, такого впечатления, какое производит фигура Гермеса из Олимпии, где солнечные лучи проникают в мрамор и пробуждают в нем чудесную жизнь, мне достичь не удалось. И я не думаю, что это вообще возможно. Но если бы удалось достичь хотя бы уровня мрамора глиптотеки, это был бы большой прогресс по сравнению с жуткими гипсовыми слепками сегодняшних музеев.

Вторая задача состояла бы в том, чтобы путем нанесения краски или раскрашивания жидкого мрамора достичь изначального впечатления от греческих скульптур. Самая трудная, но и самая важная работа состояла бы в реконструкции радужки и зрачков. То, что это можно сделать достаточно точно, я, на основании описанных изменений глазницы при различных типах взгляда, считаю весьма вероятным, хотя, наверное, не удалось бы вполне избежать «чувства» в смысле фон Брунна. Делом чувства осталось бы, должны радужка и зрачок быть большими или маленькими, темными или светлыми, или расплывчатыми. Это показывает сравнение рисунков 94, 95 и 96. Потому что анатом *один* не смог бы решить проблему реконструкции радужки и зрачка. Участие археолога и скульптора тут необходимо. Если бы удалось изготовить отливки из жидкого мрамора лучших греческих оригиналов, которые сегодня по всему миру разрушены, и раскрасить их по образцу саркофага Александра, тогда мы могли бы получить, наконец, правильное впечатление об изначальном воздействии греческой пластики.

Такой музей, которым сегодня не располагает ни один город мира, означал бы не только спасение чести искусства прошедших веков, но он наверняка оказывал бы плодотворное воздействие на скульпторов нашего времени и способствовал бы подъему уровня достижений современной скульптуры.

Особенно необходимым было бы решение проблемы путем изготовления фигур из жидкого мрамора для получения метоп Парфенона. Находящиеся в настоящее время в Парфеноне метопы за последние 40 лет, как показывает сравнение с гипсовыми фигурами, хранящимися в музеях, настолько разрушились, что в обозримое время должны погибнуть совершенно, если их не забрать и не поместить в музей, где они могли бы избежать губительного влияния непогоды. Полноценной заменой могли бы стать, мне кажется, только отливки из жидкого мрамора.

Когда я установил, по каким изменениям окончностей век и верхнего века можно определить положение рогаицы, я предложил некоторым художникам нарисовать радужку серой краской таким образом, как я предположил на основе моих анатомических исследований направления взгляда. Мне кажется, что разрисованные таким образом бюсты существенно выигрывают в производимом впечатлении по сравнению с изображенными рядом оригиналами: другие люди, которым я показывал изображения, считают так же. Согласны ли с этим наши археологи и скульпторы, я не знаю. Изображения, которые я привожу, не претендуют на то, чтобы представлять собой решение проблемы, но должны побудить к изображению радужки и зрачка (рис. 94, 95, 96).

Как я попытаюсь позднее подробно обосновать, о духовной составляющей человека говорят преимущественно глаза. Поэтому, как мне кажется, при изображении умного человека нельзя скрывать глаза положением головы или обходиться без точного изображения радужки и зрачка, но следует изображать их совершенно точно и определенно, если мы хотим передать духовное значение нашего персонажа.

Конечно, можно усомниться в том, что направление взгляда и форма глазницы представляют такой большой физиогномический интерес и заслуживают такого подробного обсуждения. Если бы речь шла только о *моментальных* изменениях под влиянием быстрой смены направления взгляда, то с этим вполне можно было бы согласиться. Но очень у многих людей есть привычка очень часто смотреть в одном и том же направлении. У них глазница как бы застывает в соответствующей форме и она, соответственно, приобретает большое физиогномическое значение. Привычное направление взгляда частично зависит от *профессии*. Священник в церкви смотрит, как правило, вверх и вдаль, врач, напротив, вниз, на кровать больного. Моряк и летчик наполовину прикрывают веки, чтобы защититься от солнца, а крестьянин смотрит вдаль на свои поля — иногда несколько мечтательно. А механик фиксирует острый взгляд на близком расстоянии — на том объекте, который он в данный момент обрабатывает. И если некто 8 или 10 часов в день удерживает взгляд в определенной позиции, то веки привыкают к соответствующему положению. Так формируется глазница, характерная для определенной профессии. Только у дилетантов и бездельников сохраняется незамутненное восприятие.

«Врачебный глаз» — это не фантазия; он действительно существует. Врач смотрит, как правило, вниз, на больного, лежащего в кровати. Поскольку палата обыкновенно бывает освещена не очень хорошо, он вынужден широко раскрывать глаза. Так формируется широко открытый, серьезный, острый, но также доброжелательный и пробуждающий доверие взгляд врача. Я привожу изображение некоторых врачей на рис. 97-102. Но не у всех врачей такие глаза. У большого числа врачей работа у кровати больного отсутствует; исследователи, которые работают в лаборатории, имеют в большинстве случаев другой взгляд и другие глаза. О типичной форме глаз исследователей я буду говорить позднее.

И, кроме того, для формирования настоящих «врачебных глаз» необходимо, чтобы врач полностью погружался в свою профессию, чтобы он рассматривал свою работу как службу Богу и предавался своей профессии не как ремесленник, но как художник. А это относится лишь к небольшой части врачей. Этим и объясняется то, что далеко не все врачи имеют такие красивые характерные профессиональные глаза.

Греки изображали Асклепия в двух различных интерпретациях. Это впервые установил Хайнрих фон Брунн. Он трактует Асклепия как бога, чей прекрасным бюст с *глубоко* посаженными глазами находится в Лондонском Музее (рис. 103). Брунн видел в этом богоподобном враче великого клинициста, который подходил к кровати больного лишь для участия в консилиумах. Второе же понимание Асклепия, по мнению Брунна, воплощает домашний врач — это тип с *поверхностно* расположенными глазами, как это показано на рис. 104.

Когда мне было 24 года и я только что стал врачом, мне очень понравилось это определение Брунна. Но, после того, как я в течение 50 лет сам проработал врачом и познакомился со многими врачами, я не могу с ним согласиться. То, что эти два типа существуют и сегодня, как и во времена Асклепия, не вызывает сомнения. Это показывают фотографии на рис. 97-102. Богоподобный тип врача находят преимущественно среди исследователей и клиницистов. Если врач настолько поднимается над своими коллегами, как, например, Альбрехт фон Грефе или Теодор Бильрот, то легко понять, что его ставят в один ряд с богоподобным Асклепием. Но если вначале блестящий и импонирующий выход врача основан преимущественно на чрезмерно повышенном самосознании — как это иногда бывает — то он никак не относится к богам. Я ставлю выше человеческого, принимающего сердечное участие в страданиях больного Асклепия, как он воплощен в изображениях фон Кусмауля или Роберта Коха. Эти врачебные глаза я часто видел у обыкновенных участковых врачей, которые выполняли свою работу со священным трепетом и сердечной добротой. И поэтому я хочу отказаться от того, чтобы делить врачей на людей и богов.

Иначе, чем врач, смотрит *священник*: вверх, иногда это настолько выражено, что под нижним краем роговицы становится видна белая склера. Глаза приобретают от этого мечтательное выражение (рис. 106 и 107). Похожий взгляд встречается у причисленных к лику святых женщин и изображений Мадонны (рис. 108). Также и у философов часто можно наблюдать взгляд, устремленный ввысь. Привожу соответствующий пример на рис. 105. Аналогичный взгляд можно

Рис. 97. Йозеф Госманн.

Рис. 98. Карл фон Войт.

Рис. 99. Эрнст Боймлер.

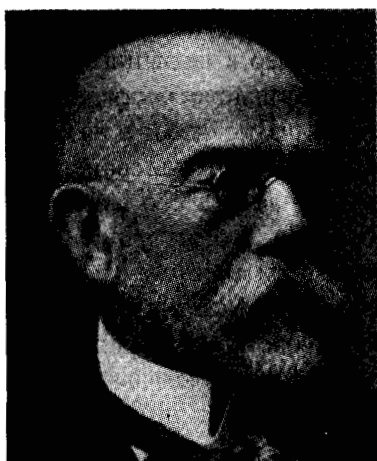

Рис. 100. Роберт Кох.

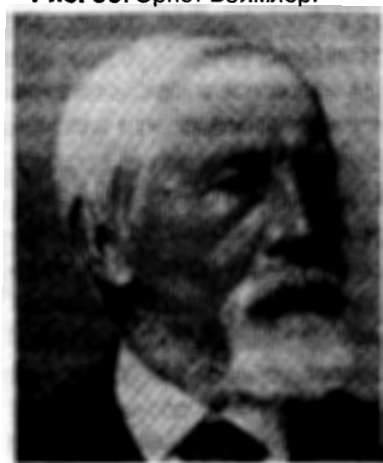

Рис. 101. Адольф Кусмауль.

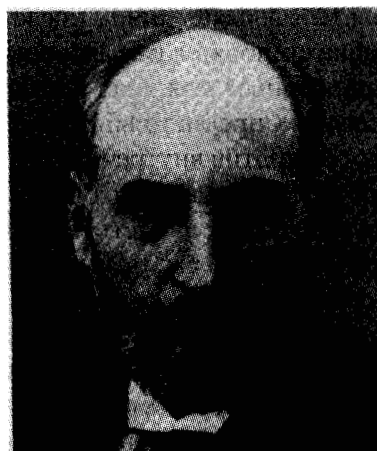

Рис. 102. Сантьяго Рамон и Кайаль.

обнаружить у многих поэтов, например, у Клавдия или у Эзопа. Он встречается не только у набожных людей, и тогда он имеет особое значение. Это стало ясно мне в случае с одним мужчиной, который имел привычку во время беседы о самых обыденных вещах мечтательно поднимать вверх свои большие прекрасные голубые глаза. Он сохранял это направление взгляда, и когда давал ничего не значащий ответ на ничего не значащий вопрос. Я потратил достаточное время, чтобы правильно истолковать этот мечтательный взгляд. Постепенно мне стало ясно, что мужчина был неискренен и его глаза лишь пытались изобразить святость. С тех пор я отношусь к мужчинам и женщинам, профессия которых не требует устремлять взгляд вверх, но которые, тем не менее, именно так смотрят, с большим недоверием.

Характерный взгляд исследователя формируются в тех профессиях, которые требуют напряженного зрения вблизи и напряженного внимания. Такие требования предъявляются не только к врачу и исследователю, аптекарю и химику, физику, филологу и графику, но также и к ремесленникам, которые осуществляют тонкую работу, например, к часовщику или механику. Врач, который не работает у постели больного, но большую часть дня смотрит в микроскоп или на колбы и пробирки, смотрит не вниз, но прямо и на близкое расстояние. Его наблюдение очень остро, поэтому доброта, которая свойственна хорошим врачебным глазам (рис. 109 и 110), по большей части в его взгляде отсутствует. Среди исследователей много близоруких. Но то, что своеобразие взгляда не определяется только этим, показывают «врачебные глаза» носящих очки Р. Коха и Боймлера. Глаза исследователя свойственны не только врачам. Само собой разумеется, возможны и различные сочетания. Хороший врач может быть замечательным исследователем и тогда оба фактора оказывают влияние на формирование глазницы.

Если священник не только священник, но одновременно еще и острый наблюдатель природы, то его взгляд направлен не только вверх и вдаль, но он смотрит также остро вблизи перед собой или вниз. Классический пример глаз исследователя у священника представляют собой глаза Менделя. Здесь глаза священника становятся глазами исследователя (рис. 111).

Характерным для глаз исследователя является взгляд, который остро фиксирован на предмете вблизи. Создается впечатление, что глазные яблоки выпирают напротив внутренней стенки глазницы, а жир на внутренней стороне глазницы при этом как будто исчезает. Можно думать, что такое воздействие оказывает медиальная часть *m. rectus*, а именно *obliquus superior*, окончание сухожилия которого располагается от укрепленной на лобной кости *trochlea* до глазного яблока, т. е. от медиальной до латеральной стороны глазницы. Однако окончательный вывод по этому поводу можно сделать только на основании подробных исследований. Но фактом является то — и это я могу сказать на основании моих собственных наблюдений — что у исследователя очень часто расстояние между внутренними углами глазниц относительно невелико.

Взгляд как у исследователя может иметь и поэт, если он не является поэтом в смысле Гёте — «Я покою, как поет птица» — а если он представляет собой кропотливого исследователя работы души. Таким примером является Ибсен (рис. 112).

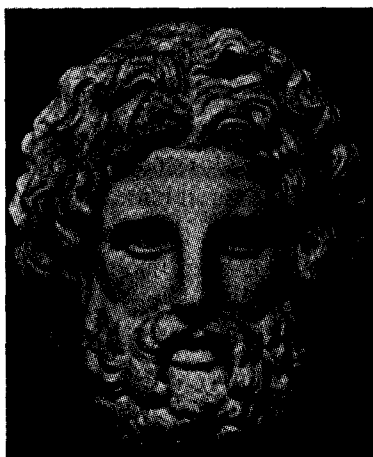

Рис. 103. Асклепий — бог (Британский Музей, Лондон).

Рис. 104. Асклепий — домашний врач (Асклепий человек).

Рис. 105. Лисий. (Капитолийский музей, Рим).

Рис. 106. Священник.

Рис. 107. Взгляд священника.

Рис. 108. Взгляд женщины, причисленной к лику святых.

Художники в большинстве случаев широко открывают глаза, когда они, полные священного восхищения, хотят принять в себя всю красоту мира. Такие глаза имели, например, Дюрер и Рафаэль. Но есть художники, которые

одновременно являются ревностными исследователями. К таким художникам принадлежит Менцель, который проявлял повышенный интерес к пуговице на гамашах или к позументам на униформе, хотя такие вещи не имеют никакого значения для духовной значимости изображаемой личности (рис. 21).

Рис. 109. Освальд Шмидерберг.

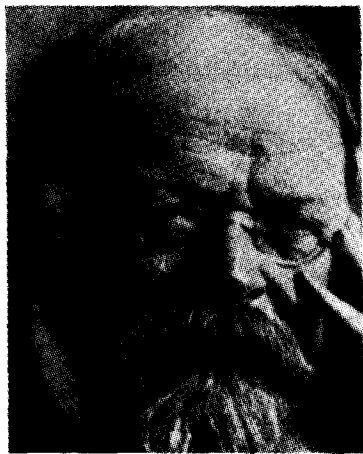

Рис. 110. Феликс Маршан.

Рис. 111. Грегор Мендель. Глаза исследователя у монаха.

Рис. 112. Хенрик Ибсен.

Рис. 109–112. Типичные глаза исследователя.

Положение глазного яблока в глазнице

Я уже говорил, что пустое пространство между костной глазницей, глазным яблоком и кожей век наполнено жировой тканью, и содержание жировой ткани у различных людей индивидуально очень различается. То, что жир имеет значение для выражения глаз, сначала звучит не слишком вероятно. И действительно,

физиогномическое значение жира не слишком велико. Однако для образного впечатления, которое вызывают глаза, он имеет очень большое значение. Поэтому ту роль, которую играет жировой слой, надо обсудить подробно. Я сначала напомню то, что я говорил о положении глазного яблока. Задняя половина глазного яблока погружена в мембрану из соединительной ткани. Мембрана укреплена на костях на передних частях глазницы, однако она не настолько туго натягивается, чтобы терять подвижность. В большей степени она может двигаться в направлении вперед и назад — туда-сюда. Если вследствие тяжелой болезни жир, лежащий позади глазного яблока, исчезает — я называю его *защитным жиром* — то глазное яблоко может заваливаться назад. Если защитный жир сильно разрастается, то он может выдавливать глазное яблоко вперед. И то, и другое может быть преходящим состоянием.

Но есть различия в содержании жира глазницы длительного характера. У мужчины или женщины, вес которых приближается к 100 или 150 кг, у Фальстафа или похожего на Грютцнера монаха и жировой слой в глазнице, естественно, развит избыточно и поэтому у них глазное яблоко всегда располагается в глазнице поверхностно. И, наоборот, у худых людей глаза обычно располагаются глубоко. Аскетичный Иоанн-Креститель обычно изображается художниками с глубоко посаженными глазами. В приведенных примерах развитие жирового слоя имеет определенное физиогностическое значение. Но его, конечно, не стоит переоценивать, потому что общее развитие жирового слоя на всем теле и так не оставляет сомнений в том, является ли данный человек поклонником кулинарных наслаждений или аскетом.

Рис. 113. Веки в форме булав.

Рис. 114. Узкие веки.

Глаза однойцевых близнецов (по Венингеру).

Здесь причина глубокого или поверхностного расположения глазных яблок совершенно ясна. Однако физиогностическое значение положения глазного яблока осложняется тем, что оно определяется не только количеством принимаемой пищи, но также и наследственными причинами — будь то семья или раса. Какую роль в формировании мягких частей глазницы играют наследственные причины, показывают исследования Венингера на однойцевых близнецах. Я привожу два примера на рис. 113 и 114.

Фотографии не оставляют никакого сомнения в том, что образное впечатление глаз в первую очередь определяется наследственными причинами.

И лишь во вторую очередь действуют в качестве формообразующих факторов переживания и качества характера. Четкое отграничение одного влияния от другого у большинства людей в настоящее время невозможно. Свою задачу в данном исследовании я вижу преимущественно в том, чтобы прояснить анатомические основы различных случаев глазницы. Что касается физиогностического значения, я предпочитаю сохранять осторожность.

Чтобы поддержать ясность, мы снова отталкиваемся от детских глаз. Глаза новорожденного располагаются, как правило, поверхностно. У спящего младенца определенная часть глазного яблока выступает вперед из жирового слоя глазницы подобно миндалине. Такие глаза у ребенка на рис. 65. Однако глаза могут и с первых дней лежать еще глубже, иногда так глубоко, что у спящего ребенка нельзя заметить никакого выпячивания глазного яблока и его расположение можно определить только по линии глазницы.

У тех младенцев, которых я наблюдал в моей клинике, в большинстве случаев глазные яблоки располагались поверхностно. Но, может быть, в других местностях и при другой расовой принадлежности чаще встречаются именно глубоко посаженные глаза. У здорового новорожденного положение глазных яблок определяется, конечно, наследственными причинами. Однако уже в течение первого года жизни глазное яблоко может изменять свое положение. Если ребенок болезненный и худой, то часть лежащего за глазным яблоком защитного жира исчезает, и оно заваливается глубже. Таким образом поверхностно расположенное глазное яблоко может стать глубоко посаженным. Если болезнь и сопутствующее ей исчезновение жирового слоя длится недолго, то глазное яблоко снова может принять свое поверхностное положение. Но если болезнь длится дольше и ребенок остается ослабленным, то запавшие глазные яблоки могут оставаться в этом положении длительно.

Кроме уже обсуждавшегося слоя защитного жира существует еще слой жира перед глазным яблоком позади века, который я называют *оберточным жиром*. Этот оберточный жир тоже влияет на пластическую картину глаза, в зависимости от того, располагается глазное яблоко глубоко или поверхностно.

Я начну с *поверхностно лежащих глаз*. Рисунки 115 и 116 дают представление об этом. При рассмотрении профиля видно, что вершина роговицы располагается перед верхним и нижним краями века. Т. е. речь идет об очень поверхностном расположении глаз. Вид анфас показывает очень широко раскрытую глазницу. Видна вся радужка. Такая широко открытая глазница часто встречается при поверхностно расположенных глазах; вероятно, при этом сказывается механическое давление жира, выдавливающего глазные яблоки вперед. Тарзальная борозда верхнего века выражена очень четко. Кожа верхнего века выше тарзальной борозды и кожа нижнего века значительно выпячены вследствие интенсивно развитого жирового слоя.

Промежуточное пространство между бровями и морщиной верхнего века — я называю эту часть верхнего века «утолщением бровей» (рис. 50) — при поверхностно расположенных глазах очень велико. Расстояние это больше, чем диаметр радужки. Очень поверхностно расположенные глаза напоминают о

«пучеглазии». В повышенной мере такие изменения обнаруживают при базедовой болезни (рис. 75).

Рис. 115. Поверхностно расположенные глаза со стороны.

Рис. 116. Поверхностно расположенные глаза анфас.

Какое значение описанные детали имеют для пластической картины глаза, лучше всего становится ясно, если мы теперь рассмотрим *глубоко посаженные глаза* (рис. 117 и 118). Изображение со стороны показывает, что край верхнего века значительно выдается вперед по сравнению с вершиной роговицы; жировое утолщение, которое при поверхностно расположенных глазах выпячивается между бровью и тарзальной бороздой, совершенно отсутствует при глубоко посаженных глазах. То же можно констатировать и на изображении анфас. Жировое утолщение бровей отсутствует и поэтому брови располагаются почти на том же горизонтальном уровне, что и край верхнего века. Тарзальная борозда выражена только во внешней и внутренней третях, в средней трети она не просматривается. Все эти изменения легко понять, если учесть, что при глубоко посаженных глазах количество защитного жира очень незначительно. Заваливающееся назад глазное яблоко как бы затягивает вместе с собой верхнее веко в глазницу, поэтому от верхнего века видно так мало. Край нижнего века также поднимается незначительно, почти все нижнее веко погружено в глазницу.

В приведенных примерах определение положения глазного яблока исключительно просто. Чтобы понять, расположено глазное яблоко глубоко или поверхностно, нужно только определить расстояние между бровью и краем верхнего века. К сожалению, этот простой метод неприменим по отношению ко многим глазам взрослых людей. Поскольку бровь подвижна; в течение жизни вследствие деятельности orbicularis'a (круговая мышца глаза) она может смещаться вниз и имитировать глубоко посаженные глаза.

Далее наша работа осложняется тем, что при поверхностно расположенных глазах не всегда верхнее веко так широко открыто, как на рис. 115. Поверхностно расположенные глаза с узкими веками показаны на рис. 114. Наконец,

определенное количество глаз располагается не слишком поверхностно и не слишком глубоко. Это — переходные формы от поверхностных к глубоким глазам. По отношению к этим переходным формам можно выбрать выражение «среднее положение». Некоторые примеры приводятся на рис. 119 и 120.

Рис. 117. Глубоко посаженные глаза анфас.

Рис. 118. Глубоко посаженные глаза со стороны.

Рис. 120. Глаза в среднем положении (более глубоко расположенные).

Рис. 119. Глаза в среднем положении (более поверхностно расположенные).

Офтальмологи используют особый инструмент — экзофталмометр. С помощью этого инструмента можно точно измерить положение вершины роговицы по отношению к внешним краям глазницы.

Амбиале офтальмологическими методами определял положение глазного яблока у 120 человек. В норме он обнаружил колебания от 3 до 10 мм. В качестве исходного пункта для своих измерений он принял вертикальную ось глазницы. Предстояние вершины роговицы, т. е. когда она располагается перед этой осью — поверхностно расположенные глаза — он обнаружил у 85% исследуемых, нейтральное положение в 12% случаев и негативное положение, т. е. очень глубоко посаженные глаза — только у 3%.

Расположение глазных яблок влияет на общий вид лица существенно. Наивный наблюдатель склонен из поверхностно расположенных глаз делать вывод о поверхностности духа, а глубоко посаженные глаза связывать с глубоким умом и таинственно глубокой душой. Исследователь вынужден отклонить подобное толкование.

К сожалению, из положения глазных яблок нельзя сделать никаких выводов о духовной одаренности человека. Человек с поверхностно расположенными глазами может быть высокоразумным — Гёте и Бисмарк имели поверхностно

расположенные глаза — и, напротив, обладатель глубоко посаженных глаз может быть ограниченным.

Рис. 121. Архаичные поверхностно расположенные глаза. Аполлон из Тенеи (глиптотека, Мюнхен).

Рис. 122. Глаза, расположенные на средней глубине (голова атлета).

Рис. 123. Глубоко посаженные глаза (алтарь Пергамона, Берлин, радужка реконструирована).

Очень интересно отношение греческого искусства к положению глазного яблока. В архаические времена художники делали глазное яблоко очень большим и располагали его в глазнице очень поверхностно. Пример этого приводится на рис. 121. Постепенно глазное яблоко погружалось в глазницу все глубже. Это показывают экспонаты мюнхенской глиптотеки. На средней глубине располагаются глаза у скульптуры

Поликлета (рис. 122). И у других бюстов V столетия до н. э. глаза занимают обычно это положение. Но иногда и у бюстов V столетия можно констатировать глубоко посаженные глаза. К середине IV столетия до н. э. такая форма глаз стала распространенной, или, можно сказать, вошли в моду. Это время патетического стиля, который начал Скопас. И глубоко посаженные глаза стали правилом. На головах алтаря Пергамона изображения глубоко посаженных глаз преобладают. Пример приводится на рис. 123. Греческие скульпторы обнаружили, что те страсти и пафос, которые они хотят выразить, лучше всего можно изобразить с помощью глубоко посаженных глаз. Художники правы; с помощью глубоко посаженных глаз легче достичь значительного впечатления; но исследователь должен решительно отказаться делать выводы о характере и духовности отдельного человека на основании расположения глазных яблок.

Равным образом и сегодня глубоко посаженным глазам отдается предпочтение и в актерском мире. И если природа не одарила актера или актрису такими глазами, то они пытаются имитировать их, гримируя веки, верхнее и нижнее, темно-синей краской (рис. 126). Это очень неуклюжий способ выдать свои глаза за глубоко посаженные. Многие актеры, чтобы глаза казались расположенными глубже, приклеивают себе густые брови. Они стремятся подражать тому, что для Бисмарка было естественной природой. У него были

Рис. 124. Изображая обывателя (поверхностно расположенные глаза).

Рис. 125. Изображая короля Лиру (глубоко посаженные глаза).

Вернер Краус

Рис. 126. Глубоко посаженные глаза имитируются голубым гримом на веках (из «Наши кинодивы», Берлин, Бом и К.).

поверхностно расположенные глаза. Но мощно развитые брови затеняли глазные яблоки и придавали им вид глубоко посаженных глаз. То же самое относится к глазам Оскара фон Миллера.

Весьма поучительны фотографии Вернера Крауса, который не только в отношении произносимых им слов и в своих движениях, но и в отношении своего лица проявил себя как большой художник. В действительности у него довольно поверхностно расположенные глаза. Если он хочет изобразить обывателя, то он поднимает брови как можно выше, делая этим глаза максимально поверхностно расположенными (рис. 124).

Но если он изображает короля Лиру, тогда он создает глубоко посаженные глаза, стягивая брови как можно ниже, так, что они создают утолщение на верхнем крае глазницы и затеняют глаза (рис. 125). Другой трюк применяют скульпторы. Когда они хотят подчеркнуть духовное значение человека, у которого глаза расположены поверхностно, то они наклоняют его голову несколько вперед. Таким образом брови оказываются почти на уровне края верхнего века и достигается впечатление почти такое же, как и от глубоко посаженных глаз. Все это лишь способы имитации, которые представляют для нас интерес лишь постольку, поскольку они показывают то значение, которое обычно приписывается глубоко посаженным глазам.

Более ценно определение положения глазных яблок с точки зрения *расовой принадлежности*. Исследования на эту тему сегодня можно назвать достаточно скудными. Однако я не сомневаюсь в том, что определение глубины расположения глаз может оказаться очень существенным с точки зрения расовой принадлежности. Известно, что — мы рассматриваем только два примера — нордическая раса имеет довольно глубоко посаженные глаза, тогда как восточно-балтийской расе

свойственны скорее глаза поверхностно расположенные. Но чем чаще мы наблюдаем расположение глаз у обычных людей, тем больше убеждаемся, что лишь в редких случаях мы можем с уверенностью сказать, к какой расе принадлежит тот или иной человек. С исследовательской точки зрения абсолютно безупречны для определения расовой принадлежности только положение глазных яблок у здоровых младенцев. Что касается глаз взрослых, тут всегда следует помнить о том, что глазное яблоко может изменять свое положение. Во время тяжелой болезни может исчезать слой защитного жира, и изначально поверхностно расположенные глаза могут западать глубоко в глазницу. Но по выздоровлении утраченный жировой слой может восстановиться, и глаза могут снова принять свое изначально поверхностное положение. В позднем возрасте положение глазных яблок, как правило, иное, чем в детстве. Может случиться так, что некто, имеющий в детстве поверхностно расположенные глаза, пережил затем тяжелые времена. Благодаря заботам жировой слой исчез не со всего тела, но в первую очередь из глазниц. Глаза, соответственно, потонули глубоко в глазницы. И лицо претерпело благодаря этому полное изменение. Прекрасным примером подобного случая могут послужить глаза борца, которые я привожу на рис. 127 и 128.

Рис. 127. У ребенка глаза расположены поверхностно.

Рис. 128. 60 лет спустя глаза (с рис. 127) после тяжелых переживаний переместились в глубину.

Рис. 129. У ребенка и у молодого 30-летнего мужчины глаза располагаются глубоко.

Рис. 130. У 60-летнего мужчины благодаря увеличению защитного жирового слоя глаза переместились на поверхность.

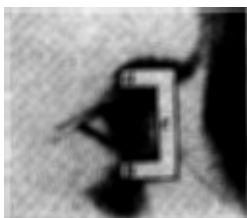

Рис. 131. Точная оценка расположения глазного яблока.

И наоборот, изначально глубоко посаженные глаза могут с возрастом переместиться в более поверхностное положение вследствие интенсивного увеличения жирового слоя. Это можно наблюдать на изображениях, приведенных на рис. 129 и 130. У этого человека в детстве были глубоко посаженные глаза. И еще в молодые годы, около 30, глаза у него располагались глубоко. В позднем же возрасте глаза вследствие общего увеличения жирового слоя переместились в поверхностное положение.

Если существуют сомнения относительно расположения глазного яблока, то я рекомендую использовать специальную дощечку с концом **a** посередине верхнего края глазницы и концом **b** посередине нижнего края глазницы. Тогда расстояние от вершины глазницы до измерительного пункта легко оценить (рис. 131). Я определяю таким образом положение вершины роговицы в сравнении с фронтальным уровнем входа в глазницу.

Таким образом, мы обсудили значение защитного жирового слоя для расположения глазного яблока, и, я думаю, ничего сложного здесь нет. Гораздо больше сложностей предоставляет толкование жирового слоя, располагающегося под веками, перед глазными яблоками, который оказывает решающее влияние на форму века.

Различные формы верхнего века

Поверхностное или глубокое расположение глазных яблок у новорожденного определяется, как я пытался показать, наследственными причинами. Первое изменение, которое можно наблюдать практически на всех глазах, состоит в преобразовании жирового слоя. В первые недели после рождения жир в области глаза очень мягкий и рыхлый. От месяца к месяцу он становится жестче и одновременно веки приобретают более острые и резкие формы. Это изменение формы в первую очередь связано с работой мышцы, поднимающей верхнее веко. С каждым днем, по мере того, как пробуждается интерес к окружающему миру, младенец открывает глазницу все чаще и значительнее, вследствие чего формируются изменения в строении верхнего века. При этом, при поверхностно расположенных глазах, процесс протекает иначе, чем при глубоко посаженных, поэтому мы должны обсудить обе эти группы особо.

Верхнее веко при поверхностном расположении глаз

У многих детей на верхнем веке при открывании глаз появляется отстоящая на 2–3 мм от края века и расположенная параллельно ему прямолинейная морщина. Благодаря этому край верхнего века приобретает двойной контур, в то время как нижнее веко остается ограниченным только одной линией (рис. 50, 132 и 133). Эта вновь появившаяся морщина — я называю ее морщиной верхнего

века — у большинства детей в течение следующих месяцев сдвигается назад. Расстояние между краем века и морщиной верхнего века может достигать 5-8 мм. Эту часть века я обозначаю как «тарзальный край». В области этого тарзального края прямо над хрящевой пластинкой тарзуса располагается тонкая кожа без жирового слоя под ней, а между морщиной верхнего века и бровями отчетливо выпячивается жировое утолщение, которое я называю «бровным утолщением». Одновременно слой жира в этом бровном утолщении разрастается. На втором или третьем месяце веко получает таким образом индивидуальную форму, которая еще не захватывает миндалевидных глаз новорожденного. Говорящее выражение глаз младенца усиливается благодаря дальнейшему расширению глазницы и росту глазного яблока, радужки и роговицы. Таким образом на третьем или четвертом месяце формируются большие «полные души» детские глаза (рис. 51). Но прежде, чем я прослежу дальнейшую судьбу глаз, следует внести ясность относительно того, как описанные изменения отражаются на верхнем веке.

Мышца, поднимающая верхнее веко, прикрепляется не только к хрящевой пластинке тарзуса, но входит и в располагающуюся над хрящом малоподвижную кожу края века. Когда он сокращается, кожа на краю века натягивается, и формирование морщин здесь уже невозможно. Когда хрящевая пластинка тарзуса в соответствии с описанным механизмом цилиндр-бюро заваливается в глазницу, жир бровного утолщения прижимается. Это давление на бровное утолщение особенно велико, когда одновременно брови благодаря сокращению мышцы, закрывающей глаз, сдвигаются вниз. На рис. 167 жир утолщения века на медиальной стороне находится примерно под тем же давлением, что и на латеральной.

Однако нередко бывает так, что прижимается только латеральная половина жирового утолщения века. Примеры приводятся на рис. 168 и 206. Здесь жир утолщения века на латеральной стороне зажат как в прессе между мышцей, закрывающей глаз, и мышцей, поднимающей верхнее веко. На медиальной же стороне это давление очевидно слабее, поскольку медиальная половина не подпадает под сокращение orbicularis'a. Причиной может быть либо очень незначительная подвижность кожи в этой области, или же противоположная работа медиального пучка frontalis'a. И точно так же, на чем в данном случае основывается фиксация медиальной половины бровей, совершенно очевидно, что медиальные слои жира в утолщении века испытывают гораздо меньшее давление, чем латеральные части. Вследствие этого функциональное раздражение, возникающее из-за разрастания жировой ткани, которое при формировании утолщения века имеет большое значение, существенно уменьшается и этим можно объяснить один факт, который я часто наблюдал и о котором подробнее буду говорить позднее — меньшее развитие жировой ткани на медиальной стороне утолщения века в сравнении с латеральной.

Сокращение мышцы, поднимающей верхнее веко, и разрастание жирового слоя в бровном утолщении могут оказывать на формирование века совершенно разное влияние, в зависимости от того, какой фактор выходит на первый план, и создавать совершенно разные формы века. В соответствии с этим можно выделить

6 групп детского века, из которых каждая по своему характерна. Наименования этих групп следующие: 1. веко, напоминающее по форме кусочек персика; 2. персиково-тарзальное веко; 3. булавовидное веко; 4. булавовидно-тарзальное веко; 5. тарзальное веко; 6. узкое веко. Такое подразделение очень удобно не только с точки зрения физиогномики, но и археологии и истории искусства, но в еще большей мере — учения о расах.

1. Веко, напоминающее по форме кусочек персика

Хорошее представление о детских глазах, которое я обозначаю как, веко, напоминающее по форме кусочек персика, дают рис. 132 и 133. На рис. 132 изображен годовалый ребенок. Тарзальный край развит слабо. Все пространство от морщины века до бровей наполнено толстой, равномерно распределенной жировой полосой, поверхность которой имеет форму утолщения, что напоминает нежный и воздушный кусочек персика,

Среди немецких детей, особенно девочек, в течение первых десяти лет жизни такая форма верхнего века встречается очень часто. Однако большая часть такой формы с течением времени преобразуются в булавовидные или тарзальные веки, и поэтому количество век, напоминающих по форме кусочек персика, от десятилетия к десятилетию уменьшается. Хотя однажды мне довелось наблюдать верхнее веко, очень напоминающее такую форму, уже в зрелом возрасте, но, разумеется, мягкость и воздушность формы детского века у него отсутствовала.

На картинах такую форму век часто изображают у детей и ангелов. Однако его можно встретить у молодых девушек и даже у более зрелых женщин. Очаровательное веко, напоминающее по форме кусочек персика, имела Ульрика фон Левеццо (рис. 239). Другими примерами могут служить Лукреция Лукаша Кранаха (рис. 134) и Иньета делла ла Монака в галерее Уффици (рис. 135).

Рис. 132/133. Веко, напоминающее по форме кусочек персика, у детей.

В античной скульптуре такую форму верхнего века можно встретить нечасто. Очень красивую форму века я наблюдал у бюста Виктории в Музее Барраччо (рис. 96). Я полагаю, художник хотел таким образом выразить нетронутую девственность богини-победительницы.

У Афродиты, богини вечной молодости, можно было бы ожидать такую форму века, но мне никогда не приходилось встречать подобное изображение Афродиты. Веко, по форме напоминающее кусочек персика, вошло в моду только в искусстве 17-го и 18-го веков. В частности, на пастелях часто можно видеть, что художник стремится изобразить тарзальный край расплывчато и располагает брови очень высоко. Брови, которые тогда часто сбрасывали, заменяли полосками

волосинок мышиной или кротовой шерсти, которые наклеивали очень высоко на лоб. De gustibus non est disputandum. На картинах Антуана Пешне, которые я видел, я часто находил форму век, напоминающих кусочек персика, причем иногда изображаемая дама была уже в пожилом возрасте (рис. 136).

Рис. 134. Лукаш Кранах. Лукреция (старая пинакотeka, Мюнхен).

Рис. 135. Портрет неизвестной (галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 136. Изображение верхнего века, напоминающего по форме кусочек персика, на одной из картин Антуана Пешне.

Определенным душевным содержанием веко, напоминающее по форме кусочек персика, не обладает; оно говорит лишь о том, что глаза еще остались детскими. Иного впечатления и нельзя ожидать от развитого жирового слоя под кожей века — а на этом и основана такая форма верхнего века. Однако оно может придавать всему лицу выражение детскости или юной свежести. Поэтому данную форму верхнего века охотно используется фабрикантами косметических средств для рекламы. Также и кинодивы, которые хотели бы имитировать вечную молодость,

часто с пристрастием с помощью грима делают себе такие веки. И безобразный обычай удалять брови, чтобы затем нарисовать новые несколько выше на лбу, был часто связан с желанием дам имитировать наличие век, напоминающих по форме кусочек персика.

2. Персиково-тарзальное веко

Выраженное веко, напоминающее по форме кусочек персика, характерно тем, что разрастание жира в утолщении века очень значительно и поэтому тарзальный край едва виден. Но если видна большая часть тарзального края — по меньшей мере, треть диаметра радужки — тогда картина глаза выглядит иначе. Следует отделять такие веки от чистой формы века, напоминающего по форме кусочек персика; пример я привожу на рис. 137. Я обозначаю их как персиково-тарзальные.

Персиково-тарзальное веко в первую очередь формируется благодаря усиленной работе мышцы, поднимающей верхнее веко. Эта мышца интенсивно включается при внимательном наблюдении, в напряженном ожидании и при живом интересе к окружению. Обычно это можно констатировать уже в первые годы жизни. У духовно пробужденных детей мышца, поднимающая верхнее веко, почти всегда напряжена, особенно, если они обладают живым темпераментом. У них тяж этой мышцы, становится все сильнее, она становится, как мы можем предположить, гипертрофичной и ее воздействие на кожу тарзального края все возрастает. Вследствие этого жир бровного утолщения отжимается сильнее и тарзальный край увеличивается по ширине. В общем можно предположить, что развитие широкого тарзального края говорит о живой деятельности мышцы, поднимающей верхнее веко. Правда, определенную роль играют и наследственные причины. У японцев, пусть это были бы очень умные и духовные люди, развитие широкого тарзального края не наблюдается вовсе; у западной же расы существует несомненная склонность к развитию широкого тарзального края, более выраженная, чем у нордической расы. В настоящее время невозможно определить, наследуется ли тарзальное веко напрямую или это

Рис. 137. Персиково-тарзальное веко у ребенка.

Рис. 138. Персиково-тарзальное веко у головы девушки (Лувр, Париж).

страстный темперамент, который значительно распространен среди представителей западной расы, представляет собой действительные наследственные причины, и, соответственно, не формируется ли широкий тарзальный край вторично, на основе темперамента.

Но то, что энергичная работа мышцы, поднимающей верхнее веко, играет большую роль при формировании тарзального края, можно утверждать с уверенностью. Однажды мне довелось наблюдать группу немецких и итальянских мальчиков за игрой. Кричали мальчики обеих групп, итальянские дети в общем сильнее немецких. Но при этом глаза немецких мальчиков оставались при этом относительно спокойными, в то время как итальянские дети вращали глазами и очень быстро поднимали и опускали верхнее веко. В этом примере в очень наглядной манере выражается темперамент южан.

В то время как веко, напоминающее по форме кусочек персика, говорит только о детской юной свежести, персиково-тарзальное веко часто сообщает, кроме того, об интеллигентности и живом темпераменте.

Бывает, что у живого ребенка жир утолщения века разрастается так сильно, что тяж подъемника век не может развить широкого тарзального края. Пример приводится на рис. 133. Ребенок вполне интеллигентен, но жир утолщения века так сильно развит, что мощное напряжение мышцы, поднимающей верхнее веко, приводит к тому, что верхнее веко очень поднято, радужка и роговица совершенно свободны, что не приводит к развитию тарзального края. Возможно, в более поздние годы, когда жировой слой станет меньше, сформируется тарзальный край. И наоборот, ребенок в первые годы жизни может быть очень живым, у него развивается широкий тарзальный край, но позднее — вследствие болезни или печальных переживаний — интерес к окружающему миру уменьшается и верхнее веко устало провисает. В позднем возрасте это наблюдается довольно часто, но может происходить уже и с детьми или молодыми людьми. Очень часто встречается персиково-тарзальное веко на картинах, изображающих умных мужчин и женщин. У античных скульптур я редко находил персиково-тарзальное веко. Прекрасный пример представляет собой голова девушки из Лувра (рис. 138).

3. Булавовидное веко

Характерным для этой формы века (рис. 139) является незначительное развитие жирового слоя на медиальной стороне бровного утолщения. Если бы мы извлекли жир из верхнего века, то получили бы не равномерно толстую и равномерно широкую выпячивающуюся пластинку, как при веке, напоминающем по форме персик, а булаву, толстый конец которой располагается на латеральной стороне бровного утолщения. Поэтому я выбрал для этой формы века обозначение «булавовидное веко».

Булавовидное веко может обнаружиться очень рано. В этом случае его формирование основано, как правило, на наследственных причинах (рис. 139). Характерным для этой формы мне кажется то, что кожа на медиальной стороне верхнего века демонстрирует ту же толщину и то же напряжение, что и на

латеральной стороне. Когда идентичное булавовидное веко наблюдается у однояйцевых близнецов (рис. 113), то речь идет, разумеется, о наследственности.

Но булавовидное веко может формироваться и в течение жизни. Одну такую возможность развития булавовидного века в ранней юности я уже упоминал при обсуждении трансформации губчатого жирового слоя в более плотный. Если при плаче внутренний конец брови не следует за тяжею мышцы, закрывающей глаз, но остается наверху в обычном положении, как это очень хорошо можно наблюдать на рис. 168, то функциональное раздражение давления на медиальной половине жирового слоя исчезает и поэтому развитие жирового слоя на медиальной стороне намного меньше, чем на латеральной. Физиогностического значения оба вида булавовидного века не имеют.

Но если булавовидное веко формируется в поздние годы, то оно информативно в отношении жизненных переживаний человека. Это известный, хотя до сих пор не объясненный факт, что жир во внутреннем углу глазницы и на медиальной половине века демонстрирует выраженную склонность к распаду и разложению, в то время как жир на латеральной стороне гораздо устойчивей. Часто это можно наблюдать во время карнавала. Очень ревностные поклонники карнавала приобретают в это время сине-черные тени в области внутреннего угла глазницы. Этот признак греховности в основе своей базируется на исчезновении жира, происходящем в течение недели. Наряду с этим определенную роль у этих любителей ночной жизни играет меньшее наполнение кровеносных сосудов и меньшее напряжение кожи, но решающую роль играет все-таки исчезновение жира. После окончания карнавала жировая ткань восстанавливается, и голубые тени исчезают.

Это наблюдение, которое очень часто можно наблюдать у больных, показывает, насколько неустойчив жировой слой на медиальной половине века. Если посмотреть на ряд детских изображений в различные годы жизни, то у многих из них можно констатировать увеличивающуюся с годами склонность к разрушению на медиальной стороне жирового слоя. Особенно это бросается в глаза при поверхностно расположенных глазах с выраженным жировым слоем и отчетливым веком, по форме напоминающим кусочек персика. В качестве примера можно привести изображение 13-летнего мальчика на рис. 140. На латеральной стороне бровное утолщение отчетливо выражено, медиальная же половина практически проваливается.

Рис. 139. Булавовидное веко у 7-месячного младенца, вероятно врожденное.

Рис. 140. Веко, напоминающее по форме кусочек персика, преобразуется благодаря исчезновению жира на медиальной стороне в булавовидное веко.

В подростковом возрасте я часто наблюдал у молодых девушек исчезновение жирового слоя в области внутреннего угла глазницы. Еще мне бросалось в глаза, что у знающих и привлекательных женщин как в жизни, так и на картинах часто можно наблюдать это исчезновение жирового слоя, сопровождающееся желтовато-синеватой окраской кожи. Связано ли это с развитием половой зрелости и деятельностью таинственных гормонов, я не знаю.

Благодаря исчезновению жира вся область внутреннего угла все глубже погружается в глазницу. В то время как у здоровых младенцев внутренний и внешний углы века находятся, как правило, на одном и том же фронтальном уровне, у болезненных детей вследствие исчезновения жира на медиальной стороне внутренний угол века очень часто глубже заваливается назад, чем внешний. Из-за потери медиального жирового слоя внутренние окончания бровей теряют поддержку и несколько опускаются вниз. Опущенные медиальные половины бровей могут придать лицу мрачное выражение, без того, чтобы ребенок обладал из-за этого недружественным характером.

Благодаря работе мышц, сморщивающих брови, внутренние окончания бровей также могут опускаться вниз, что очень похоже на исчезновение жирового слоя в этой области. Но при работе бровных мышц брови одновременно стягиваются по средней линии. На рис. 140 окончания бровей не сдвинуты в направлении друг к другу, поэтому можно заключить, что смещение бровей вниз произошло не вследствие работы бровных мышц, но только вследствие исчезновения жира. Булавовидные веки, которые сформировались благодаря активному напряжению бровных мышц, демонстрирует бюст молодого Августа в Ватикане (рис. 146). Здесь медиальные окончания бровей смещены вниз и стянуты по средней линии. Бровные мышцы должны были быть в постоянном напряжении, поскольку уже возникла вертикальная морщина мыслителя. Если знать, насколько тяжелой была юность Августа, то легко понять эти ранние длительные сокращения бровных мышц. Таким образом оказывалось постоянное давление на жир во внутренних углах глазницы и это постоянное давление привело к исчезновению жира. Может показаться, что это утверждение находится в противоречии к тому, что я говорил о стимулирующем влиянии давления на жировой слой. Но в ранее обсуждавшихся случаях это давление было временным, периодическим. Периодическое давление на жир приводит не к деструкции, а к росту жировой ткани.

Рис. 141. Булавовидно-тарзальное веко еще сильнее подчеркивается гримом.

Таким образом, толкование булавовидного века достаточно сложно. Врожденное булавовидное веко для наших целей бесполезно. Но если оно формируется в течение жизни, то его формирование может быть связано с болезнью или половым созреванием, но может быть и признаком того, что человеку слишком рано пришлось познакомиться с серьезными и тяжелыми сторонами жизни.

4. Булавовидно-тарзальное веко

Как в случае века, напоминающего по форме кусочек персика, так и в случае булавовидного века глаза, у которых тарзальный край очень выражен, следует отнести к особой группе — я называю ее булавовидно-тарзальными веками. Широкий тарзальный край придает и булавовидным векам выражение духовной живости. Причина здесь та же, что и в случае персиково-тарзальных век — оживленная работа мышцы, поднимающей верхнее веко. Благодаря широкому тарзальному краю булавовидное веко становится более красивым. Два примера из моей клиники я привожу на рис. 142 и 143.

На картинах 16-го и 17-го столетия часто можно встретить булавовидно-тарзальное веко. Я привожу примеры на рис. 144 и 145. Чаще всего речь идет о людях, юность которых осталась позади. Бианка Капелло (рис. 144) демонстрирует начало булавовидного века, Изабелла Брант полное его завершение (рис. 145). Сравнение обеих этих картин показывает, что только легкая и незначительная выраженность булавовидного века делает его красивым. Дальнейшее развитие в этом направлении представляет булавовидное веко Флоры Тициана и так называемой Форнарины, которую сегодня приписывают Себастьяно дель Пьомбо (рис. 245).

Выраженное развитие булавовидного века можно рассматривать как возрастное явление. Сегодня это еще не признано. Актрисы, у которых выраженное булавовидно-тарзальное веко, усиливают булавовидную форму гримом, не подозревая при этом, что их глаза от этого выглядят старше, чем они есть на самом деле. Пример приводится на рис. 141. На античных скульптурах я редко встречал булавовидно-тарзальное веко, например, у Афродиты (Петворт) и у девушки из Хиоса (Бостон) (рис. 147).

5. Тарзальное веко

Значение широкого тарзального края для выражения глаз я мог пояснить на многих примерах. Но есть юношеские уже глаза, у которых жировой слой верхнего века почти совершенно исчезает и у которых тарзальный край становится настолько широким, что покрывает все глазное яблоко. Я называю такие веки тарзальными веками. Пример приводится на рис. 148.

У представителей западной расы часто можно констатировать тарзальные веки — даже уже в юношеском возрасте. У немецкого народа в 20-е 30-е годы

Рис. 142. Начинающееся булавовидно-тарзальное веко.

Рис. 143. Булавовидно-тарзальное веко, сформировавшееся предположительно из изначального века, напоминающего по форме кусочек персика.

Рис. 144. Бианка Капелло. Алессандро Аллори, начинающееся булавовидно-тарзальное веко.

Рис. 145. Изабелла Брант. Рубенс. Выраженное булавовидно-тарзальное веко (возрастное явление).

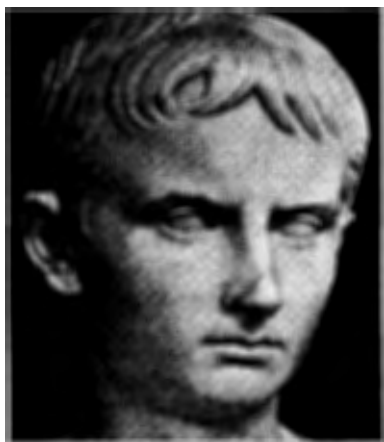

Рис. 146. Молодой Август (Рим, Ватикан).

Рис. 147. Девушка из Хиоса, 300 до н. э. (Бостон).

Рис. 148. Среднеевропейская раса.

Рис. 149/150. Элеонора Дузе.

тарзальное веко встречалось реже. Но у представителей старшего поколения и в Германии тарзальное веко очень распространено. Тогда оно представляет собой возрастное явление, связанное с исчезновением жирового слоя верхнего века. На чем основано это исчезновение жирового слоя, я не знаю. Особенно странно при прочих обстоятельствах выглядит то, что лицо в целом производит еще вполне молодое впечатление, и только в области жирового слоя верхнего века наступает это возрастное изменение.

Тарзальное веко не позволяет делать какие-либо выводы о душевных или характерологических качествах, но оно может придать глазам красоту, которая превосходит все достоинства других форм века, при условии, что кожа еще молодая и без морщин. Это связано в первую очередь с тем, что вследствие исчезновения жира в верхнем веке глазница может открываться шире, чем при всех других формах глаза, и поэтому видна большая часть глазного яблока, чем в

других случаях. Глаза напоминают из-за своей величины широко открытые детские глаза, как на рис. 51. А если к этому еще добавляется темная радужка и широкий зрачок, то взгляд приобретает завораживающее действие. Для меня незабываемы глаза Дузе. Как правило, она держит глаза приоткрытыми наполовину, и смотрит несколько вниз, так что большая часть роговицы покрыта веком. Тогда создается впечатление, что вся сцена в темноте. Но когда она широко раскрывает глазницу, заставляя сиять свои большие темные глаза, кажется, что взойшли две звезды, и сцена озарена светом (рис. 149 и 150).

6. Узкое верхнее веко

Расстояние от бровей до линии, соединяющей внутренний и внешний угол глазницы, очень различны у всех обсуждавшихся выше форм века. Самое большое оно при веке, напоминающем по форме кусочек персика, где обычно достигает двух диаметров радужки. При булавовидном веке это расстояние меньше, приблизительно полтора диаметра, при тарзальном веке больше, от полутора до двух диаметров.

Метод измерения не может вполне избавить от возможных ошибок, поскольку брови обладают различной шириной. Если проводить измерительную линию между верхним и нижним краями брови, то у различных исследователей эта линия может располагаться по-разному. Наиболее надежной можно считать линию верхнего края глазницы, которая сама по себе образует надежную разграничительную линию. Однако ее не всегда можно точно определить, как у многих людей, так и на картинах и у скульптур. Еще одной теневой стороной рекомендуемого метода является то, что брови не обладают константным положением, но располагаются у различных людей на разной высоте, т. е. ошибки возможны.

И все-таки с помощью этого метода можно достаточно надежно установить, что у некоторой части детских, по большей части поверхностно расположенных глаз, расстояние от брови до линии, соединяющей углы глазницы не превышает одного диаметра радужки, а может быть и еще меньше. У таких глаз верхнее веко, чье значение для пластики глаза я уже показал, недостаточно развито. Такие глаза значительно проигрывают векам, напоминающим по форме кусочек персика, и булавовидным векам по своим возможностям выразительности и красоты (рис. 151). У античных скульптур в некоторых редких случаях можно встретить такие веки (рис. 152 и 153). Я выделяю веки этого типа в особую группу и хочу обсудить их более подробно.

Нижняя морщина соответствует нижнему костному краю глазницы. Верхние морщины располагаются на мягких частях; они возникают вследствие стягивания кожи вниз. Вследствие болезни у этого ребенка большая часть жирового слоя глазницы исчезла. Поэтому морщины так отчетливы.

Узкое верхнее веко может быть следствием действия наследственных причин. Это видно на одноййцевых близнецах Венингера (рис. 114). Можно ли объяснить этим узкое веко на греческих головах? Я думаю, мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. В архаическом искусстве, например, у Аполлона из Тенеи,

Рис. 151. Узкое верхнее веко у детских глаз, расположенных достаточно поверхностно.

Рис. 152. Голова Брунна (глипто-тека, Мюнхен).

Рис. 153. Женская голова, 4 век н. э. (Берлин).

Рис. 154. 8-летний ребенок с ярко выраженными морщинами на нижнем веке.

верхнее веко широкое, а на одной женской голове из саркофага Александра из Сидона мы можем констатировать типичное веко, по форме напоминающее кусочек персика. На головах из собрания Графа также часто можно обнаружить такую форму. Т. е. греки явно предпочитали широкие веки, напоминающие по форме кусочек персика, и булавовидные веки. Узкое веко может быть обусловлено более глубоким расположением глазных яблок. Это положение способствует тому, что верхнее веко заваливается в глазницу и благодаря этому расстояние между бровью и осью между углами глазницы, естественно, становится меньше. Но, конечно, не у всех греков были глубоко посаженные глаза. Мы знаем, что в VI и

У веках в пластике господствовали поверхностно расположенные глаза, и только в IV столетии на передний план выходят глубоко посаженные глаза. На античных скульптурах сразу можно определить, расположены глаза поверхностно или глубоко. Брови, кроме того, могут располагаться глубже вследствие частого и интенсивного сокращения мышцы, закрывающей глаз. Это может наблюдаться уже и у детей, если они много плачут или если у них легко портится настроение. Но трудно предположить такие основания для Афродиты или любой другой красивой женской головы. Поэтому я предполагаю, что основанием для изображения узкого века были чисто художественные соображения. Может быть, имело значение место установки скульптуры. Голова скульптуры, расположенная выше человеческого роста, должна восприниматься, и, соответственно, обрабатываться иначе, чем голова, располагающаяся на уровне глаз зрителей.

Но есть еще один момент, представляющий собой отклонение от действительных анатомических отношений. Я имею в виду резкую обработку медиальной половины верхнего края глазницы. Такой жесткий верхний край глазницы можно наблюдать у Книдской Афродиты Праксителя (собрание Кауфманна). Можно вспомнить о жесткой отделке бронзовых бюстов; но не все головы с узким верхним веком и жестким краем глазницы сделаны из бронзы. На поставленные вопросы едва ли может ответить врач — важнее суждение скульптора или археолога. Одна скульпторша сказала мне, что узкое веко необходимо, чтобы картина глаза производила полное впечатление. При веке, напоминающем по форме кусочек персика, глаз нужно делать намного больше. Это замечание, как мне кажется, многое объясняет. Оно подтверждает мое предположение, что греки изображали узкие веки из соображений пластического впечатления.

Нижнее веко поверхностно расположенных глаз

До сих пор я обсуждал только верхнее веко, поскольку оно является определяющим и ведущим в формировании пластики глазницы. Нижнее веко, соответственно, отступило на задний план, но оставить его совсем без обсуждения нельзя.

Я снова исхожу из миндалевидных глаз новорожденного. У верхнего века изменения формы благодаря разрастанию жира и образованию бровного утолщения наступают очень скоро. Нижнее веко, напротив, сохраняет форму половины миндалины гораздо дольше. Часто на нижнем краю глазницы можно наблюдать легкую морщину, которая отделяет миндалевидный глаз от области щеки. Наличие этой морщины объясняется тем, что кожа нижнего века существенно более рыхлая и подвижная, чем крепко укрепленная на костях кожа щеки. Если глаз расположен в глазнице поверхностно, то нижнее веко выпячивается над уровнем лица, кожа щеки не вовлекается в это явление и следствием становится образование морщины на нижнем краю глазницы (рис. 50). Кроме того, на самом нижнем веке часто находят одну-две морщинки, располагающихся параллельно

краю глазницы. Они формируются, как легко показать соответствующим опытом, оттого, что взгляд часто бывает направлен вниз.

Как я уже указывал, мы не обладаем мышцей, которая — по аналогии с мышцей, поднимающей верхнее веко, сильно опускала бы нижнее веко. Поэтому при расслаблении мышцы, закрывающей глаз, нижний край века у детей опускается только на 1-2 мм от линии, соединяющей углы глазницы. Если же возникает необходимость еще ниже опустить веко, например, при взгляде вниз, то выпяченная роговица смещает нижнее веко вниз от себя. Когда ребенок попеременно смотрит вниз-направо и вниз-налево, можно видеть, как созданное роговицей выпячивание края нижнего века перемещается справа налево. При этом выпячивании нижнего края века вниз формируются особенно хорошо показанные на рис. 154 морщины. Это длится до тех пор, пока морщины не приобретают постоянный характер. Если бы мы захотели как-то обозначить эти морщинки, не имеющие большого значения, то можно было бы назвать их морщинками нижнего века, отличая их тем самым от располагающейся на нижнем краю глазницы обычно четче выраженной морщины нижнего века. У многих детей морщины на нижнем веке очень неотчетливы или совершенно отсутствуют. Я коснулся морщин на нижнем веке только потому, что морщину нижнего века кто-то, как морщину верхнего века, может связать с тарзальным хрящом и понимать ее как нижнюю тарзальную складку. На самом деле она не имеет ничего общего с тарзальным хрящом.

Очень хорошо показывает различие между верхним и нижним веком изображение широко раскрытой глазницы на рис. 155. Младенец с напряженным вниманием смотрит на игрушку внизу. Он хочет раскрыть глазницу так широко, как это только возможно. Верхнее веко поднимает тяж *m. levator palpebrae superioris*. Оно поднимается даже выше, чем необходимо. Нижнее же веко благодаря выпячиванию роговицы может опуститься вниз лишь настолько, чтобы освободить зрачок. Треть радужки остается покрытой веком. Форма нижнего века помогает определить, расположены глаза поверхностно или глубоко, потому что при поверхностно расположенных глазах нижнее веко смещается вперед, тогда как при глубоко посаженных глазах оно опускается назад. Несмотря на это, нижнее веко у ребенка и у юноши не имеет большого значения для общей картины глаза.

Глаза, расположенные на средней глубине

Как показывают рис. 119 и 120, верхнее веко, параллельно тому, как глазное яблоко все более погружается в глазницу, становится все уже. Тогда оно теряет все те особенности, которые мы считаем характерными для поверхностно расположенных глаз.

Глубоко посаженные глаза

Если при поверхностно расположенных глазах было достаточно сложно различить многообразные формы верхнего века и разделить их на группы, то

при глубоко лежащих глазах эта задача существенно упрощается. Потому что при глазах, глубоко погруженных в глазницу, от верхнего века не остается ничего или незначительный остаток. Брови располагаются непосредственно над верхним краем глазницы. Верхнее веко вместе с заваливающимся назад в глазницу глазным яблоком стягивается в глубину, а не поднимается вверх, как при поверхностно расположенных глазах.

Нижнее веко также опускается назад, на нижнем краю глазницы отделяясь от жира щеки описанной морщиной.

Веко и возраст

Ранее я уже показывал, насколько существенно возраст влияет на само глазное яблоко. В юности упругое и полное, оно теряет напряжение, а вместе с тем и блеск. Глазное яблоко продельвает, хотя это и не всегда можно установить сегодняшними клиническими методами, те же преобразования, что и яблоко, которое срывают с дерева свежим, сочным и упругим, а несколько месяцев спустя оно становится вялым и морщинистым. Но прежде, чем эти изменения глазного яблока становятся заметны, возраст сказывается на состоянии век. Различные описанные выше формы века хотя и могут сохраняться с возрастом, но о нежном веке, похожем по форме на кусочек персика, у 50-ти–60-летней женщины говорить не приходится, даже если бровное утолщение образовано жировой пластинкой равномерной толщины, как веко, напоминающее по форме кусочек персика, у ребенка. Несмотря на сохранение юношеской формы кожа выдает возраст. У ребенка кожа над бровным утолщением туго натянута и жир выпирает через кожу. Возраст делает кожу над жировым ядром бровного утолщения дряблой, и даже если благодаря тщательному уходу с помощью мазей и т. п. на ней нет морщин, она безвозвратно теряет свое юношеское натяжение. То, что я сказал о веке, напоминающем по форме кусочек персика, относится и булавовидному веку, тарзальному веку, узкому веку и т. д.

Но у значительно большего числа глаз веки не сохраняют свою юношескую форму. В большинстве случаев в возрасте 30–40 лет наступают возрастные изменения. Эти изменения вызываются преимущественно жиром, который может эволюционировать в двух направлениях: он может исчезать или, наоборот, разрастаться.

В старческом возрасте у определенной части людей проявляется склонность к *жировым отложениям*. С точки зрения наших целей безразлично, чем объясняется эта склонность. Достаточно того, что она существует. Излишний жир откладывается сначала на животе, затем на бедрах и на ногах, и, наконец, на лице. Это относится, разумеется, и к области глаз. Если сильное разрастание жировой ткани относится к защитному жировому слою, к тому жиру, который располагается позади глазного яблока, то изначально глубоко посаженные глаза могут принять поверхностное положение. Если же разрастание жира относится

Рис. 155. Показывает насколько малоподвижно нижнее веко в сравнении с верхним веком.

Рис. 156. Бедные жиром тарзальные возрастные глаза.

Рис. 157. Богатые жиром возрастные глаза.

Рис. 158. Дряблое, лишенное жира верхнее веко, опускающееся за край глазницы.

Рис. 159. Брови у двухмесячного младенца.

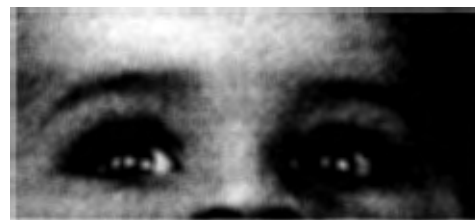

Рис. 160. Семимесячный младенец с развитыми бровями.

преимущественно к оберточному жировому слою, то верхние и нижние веки сильно выпячиваются, так что даже выпирают по отношению к уровню лица. Пример этого приводится на рис. 157. Красоты от этого глаза не приобретают; наполненные жиром веки могут быть признаком того, что их обладатель не чужд застольных радостей. Если же жировые отложения основаны на эндокринных нарушениях, то из этого никаких выводов сделать нельзя.

Выражение глаз страдает, во-вторых, потому, что туго наполненное жиром веко мышце, поднимающей верхнее веко, тяжелее удерживать в открытом состоянии, чем худое. Поэтому глазница у полных людей, как правило, наполовину прикрыта. Благодаря этому глаза легко приобретают выражение равнодушия и тупости. Если же видно, что человек, несмотря на гипертрофированный жировой слой, старается удерживать глазницу максимально открытой, то, хотя бы даже из узкой глазницы было видно только часть радужки — особенно, если к этому добавляется твердый, спокойный взгляд — все равно можно говорить об интеллигентности и духовной пробужденности. У руководителей промышленности, а также у людей науки, особенно у исследователей, такие глаза не редкость.

У второй группы с возрастом наблюдается не склонность к появлению жировых отложений, но, наоборот, исчезновение жира. Благодаря этому изменяется весь облик области глаза. Верхний и нижний края костной глазницы резко выделяются. Глазное яблоко оказывается покрытым только тонким слоем кожи и хрящевой тарзальной пластинкой; его округлая форма, которая в юности не была заметна со стороны, теперь очевидна. Я уже описывал эту форму глаз как тарзальные глаза. Если такие глаза располагаются поверхностно, округлая форма глазного яблока пластически выступает, и если кожа более или менее гладкая, то такие глаза и у пожилых людей могут сохранять свою выразительность (рис. 156).

Предпосылкой для такого воздействия является то, что широко открытая глазница выдает живой интерес к окружающему миру. Если же мышца, поднимающая верхнее веко расслаблена, и верхнее веко устало опускается вниз, то глаза производят старческое впечатление. Если кожа дряблая, верхнее веко, как мешок, свисает вниз, закрывая часть радужки, а иногда и зрачка. На нижнем веке жир тоже может, как мешок, провисать, однако обычно он не переваливается через нижний край глазницы (рис. 158). Если в поздние годы кожа век и в области век покрывается многочисленными морщинами и морщинками, тогда красота век окончательно теряется. И, все-таки, даже окруженные возрастными морщинами глаза могут производить значительное впечатление, если мышца, поднимающая верхнее веко, удерживает глазницу широко открытой, и туго натянутое глазное яблоко сообщает, что глаза старика остались молодыми. Пример таких старческих глаз я привожу на рис. 63. Изображение показывает, что решающее значение для выражения глаз имеют глазное яблоко и раскрытие глазницы.

Брови

Граница между глазницей и лбом обозначается полоской волос, бровями. Хотя брови в большей степени принадлежат лбу, чем глазам, они существенно способствуют тому впечатлению, которое производят глаза, и поэтому их форму и те изменения, которые они претерпевают в течение жизни, стоит обсудить.

В первые месяцы жизни брови нежные и их едва видно. Отдельные волоски тонкие, резкое отграничение линии бровей по большей части невозможно (рис. 159). Вскоре число волос и их толщина увеличивается. На 6-ом месяце большинство младенцев уже обнаруживают красиво очерченные и четко ограниченные брови (рис. 160), и чем старше ребенок, тем многочисленнее и толще волоски бровей. Часто можно видеть, что рост волос не ограничивается границей между лбом и глазами, но захватывает и верхнее веко. В литературе я не нашел ничего об оволосении верхнего века, поэтому я особенно подчеркиваю этот факт. Позднее волосы на веке снова могут исчезать. У одного трехлетнего ребенка я мог констатировать, что в течение года волосы на верхнем веке снова исчезли. У взрослых я до сих пор еще не обнаруживал волосы на верхнем веке. Появление волос на веке можно объяснить атавистическими причинами. Физиогномического

значения эти волосы не имеют. Чем старше становится ребенок, тем более определенную форму приобретают брови. Но тут существуют очень значительные индивидуальные различия.

При глубоко посаженных глазах кожа верхнего века и вместе с ней вся область бровей втягивается западающим назад глазом в глазницу и волосами бровей остается покрытым узкий или широкий край. При поверхностно расположенных глазах брови постоянно видны, но их форма очень различается. В общем, оволосение на внутренней медиальной половине развито сильнее, чем на внешней латеральной. Это очень хорошо видно на рис. 161. Эта неравномерность в развитии латеральной и медиальной сторон может сохраняться в течение жизни. По большей части количество волос на бровях с годами увеличивается, и у взрослого человека брови покрывают, как правило, полоску кожи длиной 3-4 см и шириной 1 см. Форма бровей при этом может быть очень различной. Нежно изогнутые дуги, которые можно видеть у многих детей и на многих картинах, например, у Бианки Капелло (рис. 144) (Уффици), или у тичиановских женщин (рис. 241), у обыкновенных взрослых встречаются не часто. Линия дуги не всегда отчетлива и ширина брови часто неравномерна. Наиболее красивые брови, которые я встречал среди детей моей клиники, приводятся на рис. 162.

Рис. 161. Более сильное оволосение на медиальной половине.

Рис. 162. Красиво очерченные брови.

Если знать, что красивые брови встречаются не часто, то легко понять, что женщины уже очень давно начали рисовать себе брови более красивой формы, чем те, которыми одарила их природа. Понимание того, что красиво очерченные брови составляют существенную часть общей красоты лица, пришло к женщинам очень рано. Вопрос о том, были ли они счастливы и удачливы в своих попытках улучшить планы творца, мы оставляем без ответа.

Последнее время европейские женщины стремятся иметь узкие штрихообразные брови, какие характерны для японок. Я думал, что японки издавна сбривали брови и заменяли их нарисованными штрихами. Но один японский коллега сказал мне,

что это вошло в моду только в последнее время под влиянием европейской практики. Раньше японки этого не делали. У них от природы узкие и красиво очерченные брови. Сдвиг бровей вверх объясняется тем, что японки, причесывая волосы, очень сильно стягивают их назад со лба и закрепляют в этом положении. Поэтому кожа лба и вместе с ней и брови сдвигаются вверх.

Великие художники, такие, как Тициан, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микеланджело не наделяли своих женщин такими бровями (рис. 241). Только Боттичелли, который не признавал красоты сильного, здорового тела, дает своим женщинам, например, в «Аллегории Весны», штрихоподобные брови. В моду узкие брови вошли в эпоху рококо. На пастелях того времени их можно встретить довольно часто. Узкие брови хорошо соответствуют лживости всего того времени (рис. 136).

Противоположность узким линейнообразным бровям составляют полные, широкие, густые брови, которые нередко можно встретить у пожилых мужчин. Хорошим примером являются брови Оскара фон Миллера (рис. 61) и Бисмарка. Они придают лицу мужественное, властное и угрожающее выражение, и они делают поверхностно расположенные глаза глубже. Это очень хорошо подтверждают портреты актеров, например, Крауса (рис. 125). Но делать какие-либо физиогностические выводы из более или менее интенсивного развития бровей вряд ли возможно. Несмотря на это, густые брови могут обладать очень сильным декоративным воздействием, таким же, как лоб мыслителя или благородный нос.

Изначальная форма бровей является, конечно, наследственным признаком. Это очень убедительно показывают однойцевые близнецы Венингера (рис. 113). Почти на всех изображениях у однойцевых близнецов можно констатировать одинаковые брови.

Но наследуемая основная форма бровей не неизменна. Характер, темперамент и жизненные переживания могут влиять на форму и расположение брови и изменять их. Это я могу показать, опять-таки, на изображениях однойцевых близнецов. Творец, по всей видимости, создавал человеческие брови с большой любовью. Однако он не просто использовал их для придания большей красоты человеческому лицу, но снабдил их и собственной жизнью, дав им мышцы для изменения формы и положения. Эти мышцы были подробно описаны ранее.

Вся бровь может подниматься вверх. Это обеспечивает лобная мышца, *frontalis*. При этом возникают почти через весь лоб морщины (рис. 39-40). Эти морщины хорошо известны и любителю. Часто их трактуют как признаки духовного развития. Но на самом деле они не имеют с этим ничего общего. Дюшен называет *frontalis* мышцей внимательности. Для обычного обмена мнениями такое определение вполне достаточно. Когда кто-либо рассматривает что-нибудь очень внимательно, или внимательно прислушивается к чему-то, тогда брови на короткое время несколько поднимаются в высоту. «Они уже приподняли брови и готовы удивляться», — говорится в «Фаусте». Иногда сокращение мышц настолько незначительно, что почти никаких выраженных морщин на лбу не появляется. Практической ценности такой преходящий подъем бровей в этих повседневных случаях не имеет. И, однако, эта работа *frontalis*'а наблюдается уже у четырехлетних

детей, как показывает рис. 163. Почему этот ребенок поднимает брови, я точно сказать не могу. Потому что, чтобы широко раскрыть глазницу, детям достаточно одного леватора верхнего века. По большей части речь идет о дурной привычке. Если у детей появляются косые морщины на лбу, следует принимать воспитательные меры. Поскольку эти морщины уже у детей могут принять долговременный характер, и доставить впоследствии взрослым, особенно молодым девушкам, много забот. Тогда устранить их с помощью одних только упражнений очень сложно. В подобных случаях действие лобной мышцы, *frontalis*'а, в известной степени вредно. Но эта мышца может проделывать и полезную работу. Иногда работа мышцы, поднимающей верхнее веко, с рождения бывает недостаточна, и тогда, чтобы поднимать верхнее веко, удерживая глазницу открытой, ребенок должен напрягать лобную мышцу, *frontalis*. Пример приводится на рис. 164 (рубцы в области бровей остались после операции, которая была проделана, к сожалению, безуспешно, офтальмологом, чтобы поднять веко выше).

Аналогичным образом обстоит дело при тяжелых, изнурительных болезнях. Жир в глазнице в этих случаях очень рано исчезает. Вследствие этого мышца, поднимающая верхнее веко, теряет свое напряжение и уподобляется расслабленной мышце. Тогда снова должен начать действовать *frontalis*, чтобы удерживать глазницу открытой. Пример приводится на рис. 165. Там изображен ребенок в выраженном состоянии слабости. Такие глаза с высоко поднятыми бровями и запавшими вследствие исчезновения жира глазными яблоками важны для постановки диагноза. Когда я находил такие печальные глаза у молодых девушек и женщин, которые приглашали меня как врача, я всегда предполагал, что этому предшествовали тяжелые душевные переживания или изнурительная болезнь, и обычно при изучении истории болезни мои предположения подтверждались.

С возрастом слабая работа мышцы, поднимающей верхнее веко, вследствие исчезновения жира в глазнице встречается очень часто, и здесь работа лобной мышцы, *frontalis*'а, проявляется как великое благословение. Эта мышца стремится поднять кожу в области бровей и вместе с тем верхнее веко, чтобы освободить более или менее покрытую веком роговицу.

Иногда я находил у молодых людей выраженные косые морщины на лбу, которые уже приняли длительный характер, без того, чтобы к тому была какая-то основательная причина. Это были сплошь люди, напускающие на себя важный вид. Если спросить у них что-нибудь нейтральное, они сморщивают свои лбы и только потом одаряют вас своей мудростью. У меня всегда в этих случаях создавалось впечатление, что своими высоко поднятыми бровями они хотят изобразить напряженное внимание и глубокомысленность.

В общем, эти косые морщины, кроме того, что они говорят о возрасте, не слишком много сообщают нам о характере и жизненной судьбе человека, независимо от того, идет ли речь об умных или ограниченных людях. Но к одному лбу с такими морщинами это не относится. Я имею в виду лоб Микеланджело, каким его изобразил Вольтерра во Флоренции. Бюст был изготовлен после работы над Сикстинской капеллой. Микеланджело расписывал там потолок в течение

Рис. 163. Четырехлетний ребенок, у которого frontalis очень напряжен.

Рис. 164. Frontalis с незначительным успехом пытается заменить levator.

Рис. 165. Frontalis напряжен и брови подняты вверх (киллиан).

Рис. 166. Микеланджело, бюст Вольтерры, Флоренция.

двух лет. При этом он почти постоянно был вынужден лежать на спине, напряженно глядя вверх. Если вы попробуете подражать этой позе, у вас сейчас же появятся многочисленные косые морщины на лбу, как и у Микеланджело. Эти морщины, таким образом, говорят нам многое об авторе Сикстинской капеллы, и тот, кто видит бюст Вольтерры, тот рассматривает эти морщины с тихим благоговением (рис. 166).

Вся бровь может опускаться. Это мы чаще всего наблюдаем при глубоко посаженных глазах (рис. 117). Пассивное опущение брови происходит вместе с движением внутрь и назад в глазницу глазного яблока. Но очень часто наблюдается также и активное опущение. Оно происходит за счет работы внешних частей мышцы, закрывающей глаз, *orbicularis oculi*. Поскольку эта мышца

обеспечивает и закрытие глазницы, глазница сужается при опущении брови orbicularis'ом автоматически.

Рис. 167. Младенец, который кричит, требуя молока, сдвигает брови и стягивает их вниз; у него формируется «морщина мыслителя».

Рис. 168. Кажущиеся брови Лаокоона.

При всех обусловленных работой orbicularis'a (круговая мышца глаза) сужениях глазницы мы наблюдаем опущение бровей. Уже в первые дни жизни при крике и плаче глазница энергично закрывается, и при этом брови перемещаются вниз (рис. 167). Постепенно — во всяком случае, у ребенка, который часто кричит и плачет — опущенное положение бровей приобретает длительный характер, если только вскоре не просыпается любопытство и интерес к окружающему миру. Тогда в дело вступает антагонист orbicularis'a — мышца, поднимающая верхнее веко (*levator palp.*), и брови возвращаются на свое место.

Изменения формы и положения бровей в течение жизни также могут возникать вследствие мышечной работы. Две мышцы служат движению внутренней *медиальной части* брови. Одна мышца поднимает, другая опускает внутреннее окончание брови.

Подъем медиальной части брови осуществляют описанные ранее медиальные пучки лобной мышцы. Они могут — правда, не у всех людей — сокращаться независимо от остальной лобной мышцы и тогда внутреннее окончание брови поднимается. Тогда возникает выражение патетической боли, так называемая бровь Лаокоона. Ранее я уже подробно обсудил действие и значение этой мышцы и могу воздержаться от повторения.

Физиогномическое значение мышцы патетической боли, как мы хотели бы назвать медиальные части *frontalis'a*, может быть очень большим, если работа этой мышцы наблюдается часто. Но, как я уже говорил, то тут, то там в искусстве мы находим следы работы этой мышцы, но в будничной жизни наших современников эти следы обнаружить трудно. Патетическая боль не играет никакой роли в обыденной жизни и поэтому придает лицу, которое обнаруживает

работу этой мышцы, нечто театральное. Однако если те черты, которые она придает лицу, применяются с искусной мерой и тактом, то они могут быть очень действенными. Актеры театра и кино часто применяют этот прием, чтобы отчетливо выразить переживание боли, но не всегда удачно. Всегда существует опасность перехлеста через край, которого не всегда избегают даже известнейшие актрисы. Относительно часто я наблюдал брови Лаокоона у младенцев. Однако у них это выражение возникает не благодаря сокращению медиальных пучков *frontalis*'а, а вследствие работы мышцы, закрывающей глаз, *orbicularis*'а. Это показывает изображение ребенка на рис. 168. Внутренняя треть бровей располагается существенно выше, чем латеральная; однако она не поднимается вверх, а остается на своем месте, в то время как ребенок старается путем интенсивного напряжения *orbicularis*'а опустить всю бровь вниз. Это становится видно, если сравнить такое лицо с другим, обнаруживающим обыденное выражение. Если медиальная треть брови не следует движению *orbicularis*'а, то можно предположить, что внутреннее окончание малоподвижно вследствие грубости и плотности тканей. И это на самом деле так. Если проверить (приложить палец) подвижность медиального и латерального окончаний бровей у большого числа детей и взрослых, то выясняется, что, как правило, внутренние медиальные части значительно менее подвижны, чем внешние латеральные. Эта малая подвижность медиальных частей бровей сказывается не только при сокращении *orbicularis*'а, которое должно опускать брови вниз, но и при сокращении медиальных пучков *frontalis*'а, которые должны поднимать бровь вверх.

Антагонистом мышцы страдания является *мышца, сморщивающая бровь, corrugator supercilii*. Она обеспечивает *опущение внутреннего окончания брови*.

Эта мышца начинается на лобной кости в верхнем медиальном углу глазницы и продолжается до медиальной половины брови. Она стягивает внутреннее окончание брови вниз и приближает его к средней линии. Внутренние окончания обеих бровей, таким образом, сближаются. Возникают 2-3 вертикальные лобные морщины (рис. 77), которые обычно обозначают как морщины мыслителей. Они могут возникать в результате интенсивного размышления и сохраняться и в состоянии покоя, однако они не связаны с напряженной духовной работой, они могут возникать по малозначительным поводам. Уже младенец через несколько дней после рождения может одновременно с мышцей, закрывающей глаз, напрягать и бровные мышцы, когда он ревет, требуя пищи и инстинктивно вызывая давление против переполненной кровью области глазницы.

Рис. 167 очень хорошо показывает, как такой младенец напрягает бровные мышцы, обнаруживая предрасположение к «морщинам мыслителя». Очень рано эти мышцы могут вовлекаться в деятельность в состоянии гнева. На рис. 129 приводятся глаза четырехлетнего мальчика, который очень рано начал использовать свой *corrugator*. Впоследствии он стал очень умным и деятельным мужчиной, который многого добился в жизни. Это развитие при желании можно разглядеть уже в бровях четырехлетнего мальчика.

Бровная мышца — выраженная мышца *напряжения* и, по большей части, также и *неудовольствия*. Ее приводят в активное состояние голод, гнев, телесное

и душевное напряжение, и, когда ее деятельность приводит к формированию морщин выше корня носа, то можно заключить, что обладатель этих морщин познакомился с теневыми сторонами жизни. В качестве примера я приводил ранее изображение молодого Августа (рис. 141), а также таких исследователей, как Ибсен, Менцель, Маршан, Шмидерберг (рис. 109-112).

Но, несмотря на это, эти морщины нельзя называть морщинами мыслителя, как это делается, поскольку они возникают не вследствие напряженного мышления, но, по крайней мере так же часто, вследствие тяжелой физической работы. Уже Пидерит наблюдал, как они возникают, когда безуспешно пытаются натянуть узкий сапог, или когда пытаются открыть плотно закрытую заедающую дверь. И, действительно, при постоянной физической работе у людей в возрасте эти «морщины мыслителя» встречаются постоянно (рис. 77). Поэтому возникающие вследствие работы бровной мышцы вертикальные морщины следует называть не «морщинами мыслителя», а *морщинами напряжения*.

И очень многие исследователи, которые в течение всей своей жизни занимались интенсивной мыслительной работой, не обнаруживают этих морщин. У людей, владеющих собой, о которых я буду говорить ниже, как правило, этих морщин нет. Отсутствие этих морщин у человека, о котором известно, что он перенес тяжелые страдания или занимался тяжелой мыслительной работой, производит своеобразное и чарующее впечатление. Примером такого человека является Эзоп, который, несмотря на обезображивающий его горб, сохранял самообладание и философскую веселость нрава (рис. 260). То же самое относится к годовне Веймарского олимпийца в старости (Гёте). Несмотря на тяжелую мыслительную работу на протяжении всей своей жизни и горести и заботы, которые приносили ему родной город и его семья, вертикальные морщины выражены у него весьма незначительно (рис. 303 и 304).

Опущение медиальной и подъем латеральной половины бровей нередко наблюдается у пожилых людей. Пример приводится на рис. 169. Такая форма

Рис. 169. Изображение епископа Бернардо Клезио (галерея Корзини, Рим).

Рис. 170. Брови киноактрисы.

брови возникает оттого, что вначале за счет работы бровных мышц медиальные половины бровей опускаются и стягиваются. Если, кроме того, мышца, поднимающая верхнее веко, с годами отказывает, и ее функции берет на себя лобная мышца, *frontalis*, то она может эффективно влиять только на латеральную половину брови и поднимать ее вверх, в то время как медиальная половина вследствие работы бровных мышц удерживается внизу.

Мне кажется, я показал, какое большое физиогномическое значение имеют брови. Но то, что это утверждение не стало еще общим достоянием, показывает то, как гримируются многие киноактрисы. На рис. 170 я привожу опыт создания новых бровей одной кинозвездой. Ужасно! Я не имею ничего против того, чтобы женщины подправляли природу там, где она сработала не вполне совершенно. Но о такой искусственной помощи природе можно только пожалеть. Здесь работа гримера становится прегрешением против хорошего вкуса.

РОТ

Глаз окружен жиром и поэтому жировой слой играет большую роль в пластической картине глаза. Около рта, в окрестности губ жира гораздо меньше и поэтому в отношении рта значение жира гораздо меньше, чем в отношении глаза. Ядро рта образуют мышцы, которые представляют собой пластинку с отверстием — губной щелью. Поэтому мы можем ожидать, что в отношении рта моделирующая работа мышц играет большую роль, чем в отношении глаза.

Ротовая мышечная пластинка покоится почти непосредственно на костях и ясно, что это положение оказывает сильное влияние на пластику рта. Достаточно сравнить череп неандертальца и череп современного европейца, чтобы понять, что, даже если оба черепа покрыты одинаковой по толщине мышечной пластинкой, пластика рта у них будет совершенно различной. Особенно сильное влияние оказывают челюсти и расположение зубов. Если положить рядом изображения беззубого рта младенца, рта ребенка, взрослого и старика, у которого зубы выпали и челюсти усели, то с одного взгляда становится ясна роль костей в общей картине рта. Естественно, расовые признаки также оказывают большое влияние на форму рта. Сравнение рта бушмена (рис. 4) со ртом современного европейца показывает это со всей очевидностью.

Мышцы рта

Мышца, закрывающая рот, *orbicularis oris* (итоговая таблица, 4), образует ядро мышечной пластинки. Его волокна окружают — подобно волокнам *orbicularis oculi* — губную щель. Когда они стягиваются, рот закрывается — мышца представляет собой сфинктер. Когда волокна стянуты слабо, верхняя губа лежит на нижней и ротовая щель у взрослого представлена 4–5-ти сантиметровой линией. При интенсивном сокращении ротовая щель уменьшается до 3-х см, одновременно губы хоботообразно выпячиваются вперед. Подобное движение возникает при поцелуе и при свисте.

Orbicularis в функциональном отношении состоит, как и мышца, закрывающая глаз, из двух частей. Внутренние, близлежащие к ротовой щели центральные волокна располагаются под красной тканью губ на поперечном уровне, внешние же периферические лежат на фронтальном уровне. Этот крючкообразный загиб их расположения хорошо виден на рис. 171.

Анатомия и функции *orbicularis*'а очень просты. Однако несколько усложняет ситуацию то, что к *orbicularis*'у принадлежат некоторые другие мышечные пучки, которые имеют другие задачи. Один пучок, так называемый *depressor septi nasi*, образован верхними крайними волокнами *orbicularis*'а, граничащими с носом. Они исходят с обеих сторон от углов рта и обращаются вверх к носовой

перегородке. Когда они сокращаются, в то время как верхняя губа прижата к зубам и вывернута внутрь, перегородка носа вместе с кончиком носа и нижними частями крыльев носа смещается вниз на 4–6 мм. Эта маленькая мышца становится, таким образом, контрагентом мышцы, поднимающей крылья носа (итоговая таблица, 5) и поддерживает действие описанного ранее *nasalis*'a.

Вторым мышечным пучком *orbicularis*'a, который выполняет особую функцию, является так называемый *rectus*. Хорошего исчерпывающего описания этих волокон я не нашел. Из рисунка, приводимого у Брауса, можно видеть, что мышечные волокна проходят через нижнюю губу на сагитальном уровне ниже красной каймы косо сверху изнутри вниз наружу. Также и Соботта упоминает, что часть мышечных волокон *orbicularis*'a проходят косо (сагитально). Но рисунков он не приводит. На изображении, взятом из Брауса, можно видеть только отдельные тонкие волокна. На изображениях губы меланезийца, взятом у Хаушильда (антропология Мартина, рис. 171), видно, что эти мышцы могут быть очень мощными и содержать многочисленные волокна. Это мощное развитие *recti* у негров должно способствовать проявлению функции этих мышц. У негров очень выраженные, толстые и выступающие губы; у европейцев губы, напротив, более или менее узкие. Возникает вопрос, какие мышцы делают губы толстыми и широкими, а какие — узкими и тонкими? Браус приписывает всю эту работу кольцеобразным волокнам орбикулариса. Он говорит: «Если сокращается только центральная часть, то губы прижимаются к зубам и красная кайма заворачивается внутрь, сужается. Если же сокращается периферическая часть, без центральной, то губы выступают вперед, красная кайма расширяется». Это абсолютно правильно, но тут нет полного решения проблемы. Поскольку кольцевые волокна *orbicularis*'a — не единственные волокна, которые заставляют губы выпячиваться или заворачиваться внутрь. Когда я складываю губы трубочкой, сближая углы рта, без большого напряжения, легко убедиться, пощупав губы пальцами, что интенсивно напряжены только периферические волокна. Центральные части расслаблены. Возникает так называемый оценивающий рот, который мы часто находим у художников. Но если я произвожу это движение интенсивно, тогда губы, не слишком влияя на изменение формы рта, становятся жесткими. Тогда путем пальпации легко установить, что сокращаются не только периферические волокна, но и центральные. В повседневной жизни такое одновременное сокращение периферических и центральных волокон наблюдается при бурных поцелуях и страстных речах.

Но у нас есть еще другие мышцы, которые могут влиять на форму губ. Недостаточно оцененный до сих пор *buccinator* растягивает углы рта вовне, удлиняя, таким образом, ротовую щель. Губы при этом, растягиваясь, становятся уже, как если растягивать резиновый шнур, и одновременно прилегают к зубам.

Наконец, губы могут выпячиваться и, таким образом, становиться полнее, или, наоборот, втягиваться и сокращаться, без того, чтобы изменялась длина ротовой щели. Это обеспечивают, по моему мнению, *recti*. Когда находящиеся в слизистой или в коже *recti* благодаря одновременному сокращению других мышц фиксируются, они или заворачивают губы внутрь, или наружу. Когда

Мышцы рта

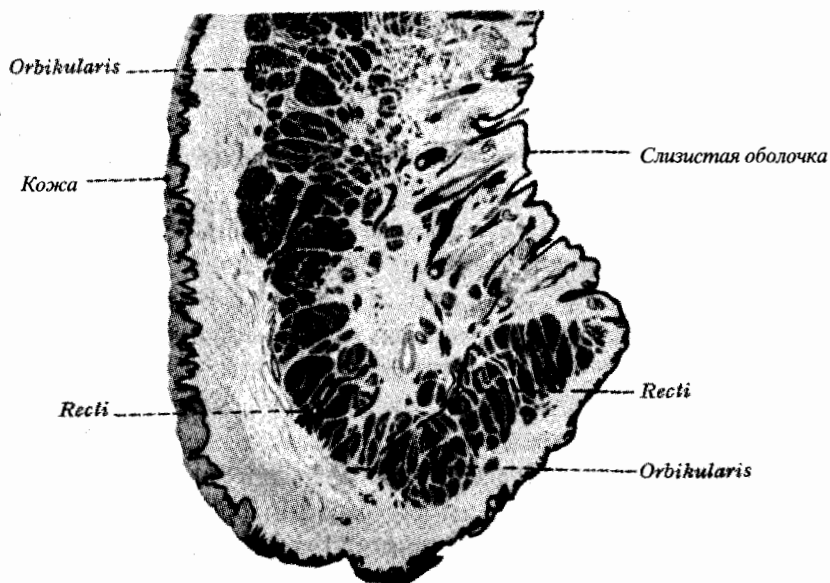

Рис. 171а. Саггитальный разрез через нижнюю губу (по Браусу).

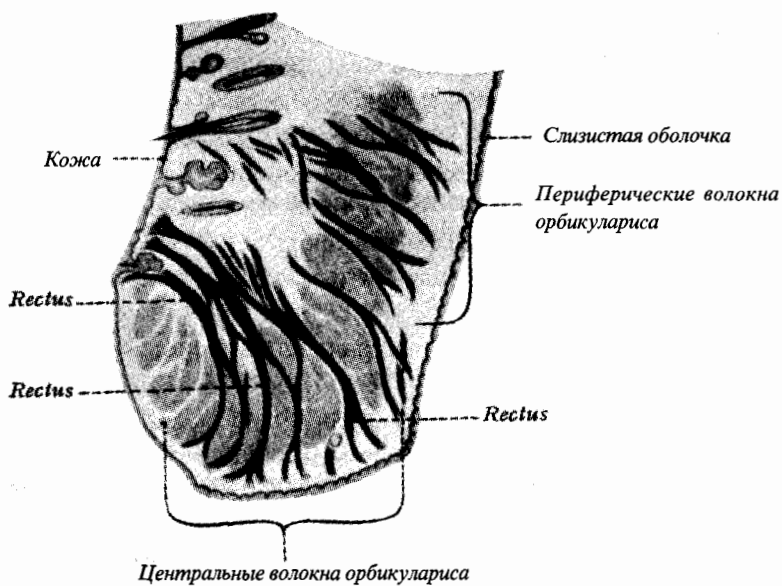

Рис. 171в. Саггитальный разрез через нижнюю губу меланезийца (по Мартину).

сокращаются кольцеобразные волокна orbicularis'a и губы прижимаются к зубам, тогда протягивающиеся в слизистую волокна gesti удерживаются в фиксированном положении и сокращение этих волокон приводит к заворачиванию губ внутрь, т. е. губы становятся уже. Это движение часто можно наблюдать у ожесточенных людей (рис. 192).

Если же вследствие сокращения внешних кольцевых волокон орбикулариса в гневе губы выпячиваются вперед и вовне, тогда фиксируется не слизистая, а кожа, но опять-таки, здесь оказываются задействованы gesti. Resti, таким образом, представляют собой активные «втягиватели» или «выпячиватели» губ, которые интенсивно поддерживают действие периферических и центральных волокон орбикулариса.

В мышечную пластинку orbicularis'a (круговая мышца рта), особенно в области углов рта, протягиваются со стороны все остальные мышцы рта, сверху и снизу, что, естественно, влияет на работу орбикулариса, еще более затрудняя понимание происходящих в области рта мимических изменений.

В нижнюю губу протягивается такая мышца, как quadratus labii inferioris, мышца, опускающая нижнюю губу (итоговая таблица, 6). Она располагается непосредственно на костях нижней челюсти. Ее волокна протягиваются в том же направлении, что и волокна шейной мышцы — косо вверх и внутрь. Часть волокон прикрепляется непосредственно к костям. Другая часть волокон образует продолжение шейной мышцы, платизмы, многие волокна которой входят в quadratus и продолжают дальше, но в силу различных функций этих мышц их все-таки следует отличать друг от друга. Граница между обеими мышцами проходит по краю нижней челюсти. Мышечная пластинка в несколько сантиметров покрывает переднюю часть нижней челюсти. Только в области подбородка вследствие косого расположения волокон треугольное пространство остается не покрытым этой мышцей. Ее волокна протягиваются в нижнюю губу, и не только в мышечное кольцо orbicularis'a, но также и в кожу нижней губы. Эта мышца опускает нижнюю губу, одновременно несколько выпячивая ее, благодаря чему нижняя губа становится шире и толще, поскольку волокна этой мышцы выходят в кожу, но не в слизистую оболочку губы. Когда легко раздражительные люди выпячивают нижнюю губу, благодаря чему она становится толще, то главным образом за это отвечает именно quadratus labii inferioris. Примеры приводятся на рисунках 172 и 200. Эту мышцу можно было бы поэтому назвать «мышцей раздражительности». Часто quadratus labii inferioris работает совместно со следующей мышцей — m. mentalis'ом.

M. mentalis, подбородочная мышца (мышца угрожающего выражения, итоговая таблица, 7).

Она начинается на костях нижней челюсти в области корней глазного зуба, волокна маленькой мышечной пластинки проходят отвесно к волокнам quadratus'a — т. е., на саггитальном уровне, и выходят в кожу в области подбородка, где волокна, идущие справа и слева, заканчиваются. Эта мышца значительно сдвигает кожу подбородка вверх, например, в гневе, или при угрожающем выражении. При этом в середине между ротовой щелью и нижним

краем нижней челюсти образуется направленная вверх выпуклая кожная складка (подбородочно-губная морщина). Натягивающаяся вверх кожа подбородка может подвинуть вверх всю нижнюю губу, что не всегда бывает отчетливо заметно, поскольку сокращение *mentalis*'а обычно сочетается с сокращением право- и левосторонней *quadratus lab. inf.*, одновременно опускающих нижнюю губу. Одновременно благодаря действию *quadratus*'а нижняя губа выпячивается, и возникает совершенно определенная мимическая картина, «кривой рот», или «надутые губы», или «выпяченная губа» (рис. 172). Если это движение продолжается лишь в течение нескольких секунд, что можно наблюдать у детей, когда они начинают плакать, говорят о «выпяченной нижней губке» (рис. 202).

M. triangularis, треугольная мышца, опускающая угол рта, или мышца страдания (итоговая таблица, 8).

Мышца начинается на краю нижней челюсти, частично непосредственно на костях, частично в коже между началом платизмы и началом *quadratus lab. inf.* Ее мышечная пластина покрывает большую часть *quadratus lab. inf.* Грубые мышечные пучки поднимаются вверх и заканчиваются на внешнем углу рта. Когда обе мышцы стягиваются, то углы рта вытягиваются вниз и одновременно несколько наружу. Ротовая щель, которая в спокойном состоянии представляет собой прямую линию, под воздействием *triangularis*'а превращается в направленную вверх выпуклую дугу. При этом движении формируется короткая, направленная от углов рта вниз и вовне, морщина, которую можно назвать морщиной у угла рта. Я наблюдал эту морщину уже у годовалых детей в моменты выраженного недовольства (рис. 172). Одновременно *triangularis* (треугольная мышца, опускающая угол рта) провоцирует возникновение другой морщины, имеющей большое физиогномическое значение, назолабиальной, или носогубной морщины. Но, поскольку в ее формировании участвуют и другие мышцы, я обсужу ее значение несколько позднее.

Triangularis придает лицу стареющего человека вполне определенное выражение, которое можно проинтерпретировать достаточно однозначно. Если в течение жизни человек привык стягивать уголки рта вниз, так, что у него сформировалась типичная морщина у уголков рта, можно предположить, что у него в жизни был некий печальный опыт. Возможно, он привык напрягать свой *triangularis* вследствие страдания из-за потери любимых людей; может быть, он недоволен своей профессиональной деятельностью или семейной жизнью; может быть, он много болел, или у него был неприятный опыт контакта с окружающими, благодаря чему он стал мизантропом. Треугольный рот всегда формируется как результат страдания или досады. Если посмотреть на тысячи лиц людей, перешагнувших сорокалетний рубеж, то у 80–90% можно обнаружить устойчивое воздействие *triangularis*'а. Я хотел бы назвать эту мышцу *мышцей страдания*.

Мышцы смеха

1. *M. risorius* (итоговая таблица, 9)

Мышца начинается ниже скуловой дуги от фасции, которая покрывает паротис и массетер, протягиваясь вниз к углу рта выпуклой дугой. Она вытягивает угол рта наружу и несколько вверх, одновременно сдвигая нижний конец носогубной складки в том же направлении. Уже название этой мышцы говорит о том, что она вступает в дело тогда, когда человек улыбается. Она сопровождает смех и создает у многих людей морщинки латерально носогубной складки, так называемые смеховые морщинки — *amoris digitulo impressum*.

2. *M. zygomaticus* (итоговая таблица, 10)

Мышца начинается на скуловой дуге и протягивается почти по прямой линии к углу рта. Она вытягивает угол рта наружу и вверх еще сильнее, чем *risorius*. И аналогичным же образом она воздействует на носогубную складку. Последняя в середине несколько изменяет свое расположение. Пока она находится только под воздействием *triangularis*'а, она опускается вниз от носа по прямой линии, но как только в дело вступает *zygomaticus*, она несколько смещается вовне. *Zygomaticus* является мышцей интенсивного смеха, чаще всего безобидного и теплого, свежего и радостного.

3. *M. caninus* (итоговая таблица, 11)

В то время как *zygomaticus* располагается достаточно поверхностно, *caninus* находится в глубоком слое. *Caninus* начинается на костях верхней челюсти, там, где располагается корень глазного зуба. От него эта мышца и получила свое название. Она лежит непосредственно на кости; верхняя ее половина покрывается *m. quadr. lab. sup.* Заканчивается мышца в углу рта. Поскольку ее волокна проходят изнутри сверху наружу вниз, она не только подтягивает угол рта вверх, но, если угол рта располагается латерально главному зубу, то и приближает его к средней линии. *Caninus* является вспомогательной мышцей при свисте и поцелуях.

4. *Quadratus labii super.*, квадратная мышца верхней губы (итоговая таблица, 12)

Эта мышца составляется из трех тяжей. Одна часть начинается у спинки носа, в области внутреннего угла глазницы (*caput angulare*), второй тяж проходит от внутреннего края глазницы непосредственно над *foram. infraorb.* (*caput infraorbitale*) и третья часть берет свое начало от скуловой дуги (*caput zygomaticum*).

Эти три мышечных тяжа соединяются в одну мышечную пластину, которая захватывает верхнюю губу от угла рта почти до средней линии. При описании мышц носа я уже упоминал, что анатомы причисляют мышечные волокна, проходящие по спинке носа и прикрепляющиеся к крылу носа, которые поднимают его, к *quadrat. lab. sup.*, хотя они и не имеют прямой связи с верхней

губой. Я считаю более правильным рассматривать этот тяж самостоятельно как levator nasalis (мышцы носа), хотя он часто и действует вместе с мышцей верхней губы.

Когда quadratus lab. sup. сокращается хотя бы незначительно, верхняя губа легко поднимается и несколько выпячивается вперед, так что становится видно больше красной ткани губы, чем при среднем положении. Тогда возникает презрительное и враждебное выражение, как мы это видим, например, у скульптуры Давида работы Микеланджело. Верхняя губа становится в этом случае шире нижней (рис. 37). У детей поднятием верхней губы часто сопровождается плач. Один такой пример приводится на рис. 203. При состояниях боли — причем независимо от того, является ли эта боль физической или душевной — верхняя губа также поднимается quadratus'ом (рис. 41 и 205). Если же сокращение мышцы сильнее, как это бывает при сильном плаче, то верхняя губа может подниматься так высоко, что становятся видны десны верхней челюсти.

Дюшен обозначает quadratus lab. sup. как мышцу плача, и это же свойство приписывает ей в первую очередь Браус, хотя он также считает, что с ее помощью можно выражать презрение, недовольство и дурное настроение. Когда сокращается только quadratus lab. sup., то выражается действительно боль или враждебность. Однако при интенсивном смехе эта мышца включается совместно с мышцами смеха. На рис. 209 изображен смеющийся ребенок, у которого верхняя губа значительно поднята в результате действия quadratus lab. sup. Поэтому quadratus можно определить не узко как мышцу плача, но дать этой мышце более широкое наименование — мышца, поднимающая верхнюю губу.

К носогубной складке примыкает преимущественно верхняя треть этой мышцы (рис. 175). Обычно при сокращении quadratus'a вступает в действие и подъемник крыла носа, и начало носогубной борозды вместе с крылом носа поднимается вверх.

5. *M. buccinator* — щечная мышца (мышца трубача или мышца отказа и разочарования, итоговая таблица, 13)

Это наиболее широкая и мощная мышца щеки. Она начинается вблизи челюстного сустава на подковообразной линии на задней внутренней складке защечного кармана. Концы подковы укреплены на верхней и нижней челюстях в области альвеол зубов мудрости. Волокна этой мышцы протягиваются преимущественно к углам рта, но также и к верхней и нижней губам.

Мышца особенно активно включается в те моменты, когда щеки шарообразно надуваются, как то бывает при игре на трубе. Когда сжатый воздух под большим давлением должен подаваться в инструмент, это обеспечивает *m. buccinator*. Отсюда его название. Но если щеки не надуты, то мышца может вытягивать углы рта наружу. В этом можно убедиться, если приложить палец к началу щечной мышцы (*m. buccinator*) и имитировать интенсивный смех. В этом случае напряжение *buccinator'a* чувствуется очень отчетливо. Мышца всегда бывает активна в тех случаях, когда углы рта вытягиваются наружу, как то бывает в состояниях разочарованности, попыток овладеть собой, упрямства или ожесточения. Бывают также и улыбки, в

которых принимает участие *buccinator*. Подобные сдержанные улыбки можно наблюдать, например, у продавцов (рис. 193).

Эта мышца может включаться и при интенсивном смехе. Тогда ее работа выражается в том, что углы рта не поднимаются вверх, но вытягиваются прямо наружу. У детей смех обслуживают преимущественно *risorius* и *zygomaticus*, у взрослых же *buccinator* является важнейшей смеховой мышцей. Наконец, *buccinator* включается и во время плача, когда углы рта вытягиваются прямо наружу, как то показано на рис. 204. Поэтому *buccinator* является очень многозначной мышцей, физиогномические функции которой не так-то просто поддаются оценке. Если мы хотим вполне оценить ее физиогномическое значение, надо постоянно учитывать человеческое лицо в целом.

Если говорить о носогубной морщине, то *buccinator* формирует преимущественно участок кожи, прилежащий к ее нижней трети (рис. 180). При выраженном действии щечной мышцы (*m. buccinator*) формируется выпуклая дуга, направленная в сторону уха, как показано на рис. 182. *Buccinator*, крепко прижимает весь рот, все его части, к зубам, благодаря чему возникает выражение разочарованности или овладения собой. Мимическое значение *buccinator*'а до сих пор не вполне оценено. Было бы странным полагать, что мощнейшая ротовая мышца имеет значение только для той небольшой категории людей, которые играют на трубе.

У Брауса я нашел замечание, что углы рта вытягиваются наружу и вся ротовая щель расширяется, когда *buccinator* (щечная мышца) сокращается при закрытом рте.

Дюшен кратко упоминает *buccinator* как мышцу иронии. В других анатомических книгах я не нашел ничего. И в двух вышедших в последние годы книгах по физиогномике Лерша и Фервера эта мышца не упоминается.

Я хотел показать, что сокращение *buccinator*'а допускают различные толкования, и поэтому, чтобы правильно оценить в каждом конкретном случае физиогномическое значение этой мышцы, надо учитывать состояние лица в целом.

6. *M. incisivi lab. sup.*

Речь идет о четырех мышцах, которые начинаются в области альвеол резцов. Они располагаются под *orbicularis*'ом и протягиваются в углы рта. Когда они сокращаются, то углы рта приближаются к средней линии. Это необходимо при сосании, поцелуях, свисте и т. д.

То, что я сообщил о работе отдельных мышц, основано на выводах, сделанных из анатомического расположения этих мышц и наблюдений за моими современниками. Особенно ценными оказались опыты с прикладыванием пальца, имеющие целью определить, сокращается ли мышца или остается в состоянии покоя.

Дюшен пытался определить действие отдельных мышц иным способом. Он раздражал мышцы электрическими импульсами и наблюдал, какие мышечные движения станут следствием этого раздражения. Этот метод хорошо себя зарекомендовал на мышцах туловища и конечностей. Дюшен стал таким образом основателем физиологии движения. Однако на мышцах лица этот метод не столь

подбородочно-губная складка

складка у угла рта

Рис. 172. Выраженный «кривой рот» у раздосадованного полуторагодовалого ребенка (действие *Quadr. lab. inf.* + *Mentalis* + *Triangularis*).

Рис. 173а. Подъем одной брови и открытие глазницы вследствие электрического раздражения *frontalis*'а (по Дюшену).

Рис. 173б. Односторонняя улыбка вследствие электрического импульса *zygomaticus* + *pisorius* + *orbicularis* (по Дюшену).

эффективен, поскольку они отличаются малым размером и редко действуют изолированно. Два примера действия этого метода приводятся на рисунках 173 а и б. Дюшен проводил эти опыты очень тщательно. Удивительно качество его снимков, сделанных еще на заре фотографии. При всех обстоятельствах, они занимают почетное место в истории физиогномики.

Назолабиальная морщина (носогубная складка)

Эта складка может многое сказать о темпераменте и характере человека, поэтому ее возникновение нужно обсудить подробнее. Особое значение она приобретает в том случае, когда рот закрыт бородой и нельзя видеть такие выразительные при других обстоятельствах уголки рта. Складка формируется благодаря мышцам, которые захватывают углы рта (*triangularis*, *buccinator*), а также крылья носа и верхнюю губу (*quadr. lab. sup.*). Эти мышцы оказывают весьма различное, отчасти противоположно направленное действие, и поэтому правильное толкование этой складки весьма затруднительно. Чтобы понять ее форму, нужно уяснить себе, что складки, которые создает на коже лица какая-то мышца, зависимы от характера кожи. Если кожа равномерной толщины и достаточно подвижна, то при сокращении мышцы значительное число складок и складочек, которые располагаются косо по отношению к сокращающейся мышце. Хороший пример представляют собой «гусиные лапки» на внешнем углу глазницы (рис. 176). Но если кожа груба и малоподвижна, то формируются одна-две складки. И именно такова кожа в области рта.

Мягкие части, покрывающие область рта и подбородка, ограниченную сверху крыльями носа, а снизу краем нижней челюсти и сбоку обеими носогубными складками состоят преимущественно из мощных мышц и грубой, бедной жиром кожи, которая обнаруживает незначительную подвижность относительно нижележащих мышечных пластин. Поэтому эта кожа с трудом складывается в складки, и только у пожилых людей — исключая морщины у уголков рта и возникающую при надувании губ подбородочно-губную борозду — можно обнаружить в этой области выраженное образование складок и морщин.

Совершенно другим характером отличается кожа щеки. Ограниченная сверху скуловой дугой, снизу нижней челюстью, спереди носогубной складкой и сзади поднимающейся ветвью нижней челюсти, эта кожа содержит толстый жировой слой и лишена — кроме упомянутых пограничных линий — костного основания. Поэтому она, в отличие от кожи области рта и подбородка, очень подвижна. И только на границах, где она более или менее сращена с костями, ее подвижность существенно уменьшается.

Когда ротовые мышцы, *quadrat. lab. sup.*, *zygomaticus*, *buccinator* сдвигают уголки рта вверх или наружу, грубая кожа рта и подбородка смещают мягкую, богатую жиром кожу щеки перед собой, если же она сжимается — потому что не может выйти за границы нижней челюсти и скуловой дуги — то тогда и формируется носогубная складка. Расположение этой складки зависит от того, какие мышцы ее образуют, и из ее формы, как правило, можно сделать вывод о том, какие мышцы принимают в ее формировании преимущественное участие.

Я начинаю с мышц, поднимающих крылья носа, которые включаются при сморщивании носа. Микеланджело классически изобразил это у Давида (рис. 37). Морщина начинается вплотную к крылу носа, несколько выше и латеральнее, она окружает крыло носа и заканчивается примерно в середине края крыла носа,

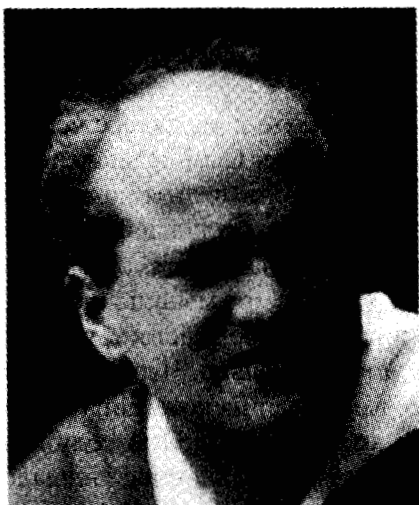

Рис. 174. Носогубная складка обусловлена мышцами носа и *quadrat. lab. sup.*

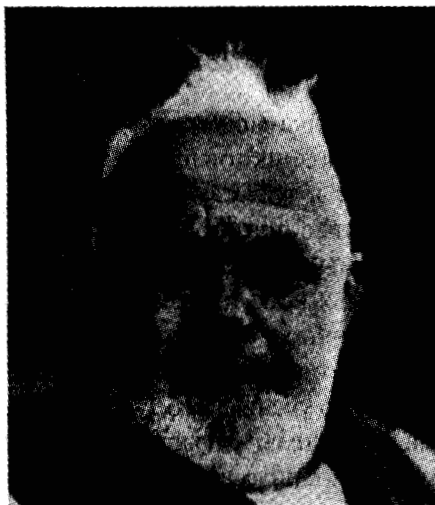

Рис. 175. Изображение старика, сморщившего нос (Л. Ф. Клаус).

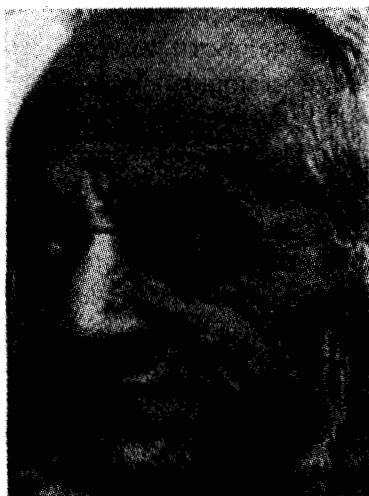

Рис. 176. Крестьянин (Эрих Рецлафф).

Рис. 177. Улыбающийся ребенок.

Рис. 178. *Zygomaticus-* и *risorius-*улыбка у мужчины.

Рис. 174–178. Носогубная складка.

несколько в сторону уха. Это кратчайший отрезок носогубной складки. Его толкование достаточно просто, если знать, что посредством мышц, поднимающих крылья носа выражается неудовольствие (рис. 38). Если при этом настроении, так это часто бывает, еще несколько поднимается верхняя губа, то складка становится длиннее, более вытянута вниз, поскольку теперь вступает в действие *quadrat. lab. sup.*; одновременно морщина несколько отходит от крыла носа и смещена в сторону уха. Такова эта складка у Боре, поскольку он хочет выразить презрение (рис. 174), а также у старого моряка на рис. 175.

Очень характерно также лицо крестьянина на рис. 176. По всей видимости, он от многого отказывался в своей жизни и его ротовая щель значительно вытянута в длину *buccinator*'ом. То, что при возникновении носогубной складки решающую роль играют мышцы носа, видно по морщинам Дюшена на носу и той глубокой морщине, которую формируют мышцы носа вокруг крыла носа. *Procerus*-морщины и околоресничные морщины говорят о тяжелой, жесткой жизни по Эриху Рейслагфу, «Лицо возраста»).

Если же во время улыбки включаются только смеховые мышцы — *zygomaticus*, *risorius*, в известной степени *buccinator*, то порождаемая мышцами носа морщина Давида более не видна. Морщина начинается ниже, только на уровне ноздрей, и по плавной дуге спускается к углам рта. Это хорошо показывают рисунки 177 и 178. Носогубная складка порождается преимущественно *zygomaticus*'ом и *risorius*'ом, но в известной степени в этом участвуют и мышцы, поднимающие верхнюю губу, как это показывает обнажение верхних зубов. Мышцы же носа остаются вялыми. Когда мы находим такую морщину на лице взрослого человека, то мы можем сделать вывод, что ее носитель остался радостной и веселой натурой. Хорошими примерами, подтверждающими эту точку зрения, являются изображения Клавдия (рис. 255), Лоты Вертера (рис. 249) и Людвига Рихтера (рис. 254).

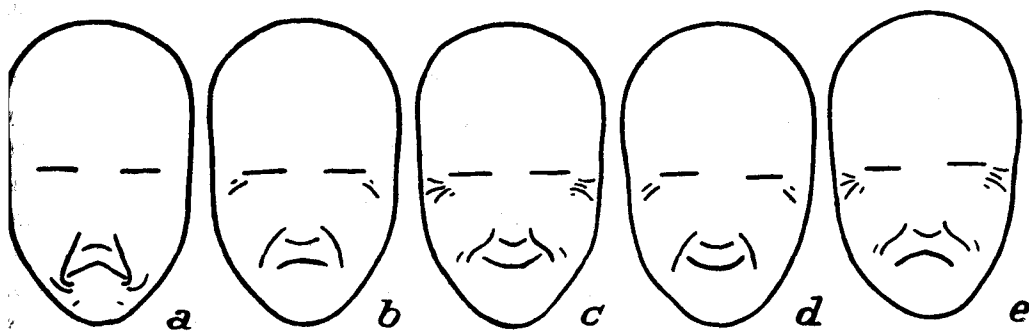

Рис. 179а-е. Изображения Дюваля-Гауппа.

Иногда носогубная складка прерывается в середине направленным в сторону рта рельефным изгибом (рис. 179с). Дюваль-Гаупп трактует это как выражение веселого нрава. Он возникает, когда щека очень богата жиром. Когда же кожа щеки вследствие действия *quadrat. lab. sup.*, *risorius*'а, *zygomaticus*'а и *buccinator*'а

смещается в сторону внешнего угла глазницы, то жировая масса щеки, описанная Бихатом вначале как «жировая пробка» и которая хорошо видна на рис. 181, часто недостаточно следует этому движению и поэтому несколько выдается за носогубную складку в сторону рта.

Однако этот изгиб можно встретить далеко не у всех смеющихся и веселых людей — согласно моему материалу, он не встречается даже у их половины — и, кроме того, нередко его можно констатировать у серьезных, и даже у угрюмых людей, как то показано на рис. 176. Поэтому с физиогностической точки зрения этот изгиб Дюваля большого значения не имеет.

Серьезное выражение на рис. 179b и веселое выражение на рис. 179c порождается в большей степени тем, чем носогубной складкой.

Когда же сокращается один только buccinator, то в 1-ом см латеральнее угла рта возникает дугообразная короткая морщина, что показано на рис. 181. Если вместе с buccinator'ом интенсивно включаются смеховые мышцы, zygomaticus и risorius, то углы рта значительно вытягиваются наружу, ротовая щель растягивается и носогубные складки приобретают очень характерную форму. Они образуют две дуги, которые, если их продолжать, завершаются в круг, разделенный ротовой щелью на две равные части. Это отчетливо показывает изображение смеющегося Боре (рис. 182). Если вследствие действия buccinator'а ротовая щель очень сильно растягивается, а кожа очень грубая и крепкая, как у девушки на рис. 183, тогда носогубные складки представляют собой не непрерывные дуги, но обрываются углами в непосредственной близости от углов рта и продолжаютя вплоть до подбородка. Обе морщины вместе образуют в этом случае не круг, но квадрат.

Одновременно buccinator является *мышцей разочарования*. Поэтому при этом настроении образуется та же форма складки, что и при смехе. Buccinator сокращается также и при слезах, и формируется та же морщина (рис. 184). Поэтому, когда в формировании носогубной складки участвует преимущественно buccinator, трудно сделать какие-то выводы без учета выражения лица в целом.

Однозначна форма носогубной складки, когда она порождается triangularis'ом. Эта мышца вытягивает углы рта преимущественно вниз. Поэтому носогубная складка удлиняется вниз, и если одновременно не включается buccinator, она представляет собой не дугу, но тянется почти отвесно и прямолинейно. Очень характерно для этой активности triangularis'а изображение кардинала Маннинга (рис. 185).

Как правило, если существует глубокая носогубная складка, сформировавшаяся в результате деятельности triangularis'а, то при смехе у этих людей не включаются такие смеховые мышцы, как risorius и zygomaticus, но они обходятся при смехе одним только buccinator'ом, и у них углы рта вытягиваются не наружу вверх, а только наружу в сторону, по прямой линии.

Те примеры, которые я привел, показывают, что носогубная складка позволяет сделать ценные выводы о жизни и характере человека. В этом состоит ее значение. То же самое можно сказать и о следующей морщине.

Морщины у уголков рта

Кроме почти отвесной носогубной складки *triangularis* (треугольная мышца) образует на лице еще одну важную морщину, которая находится у уголков рта. Она протягивается вниз от угла рта и, чаще всего, несколько наружу и составляет от 0,5 до 2 см. Изображение отчетливо выраженной морщины у уголков рта дает рис. 186. У молодой еще женщины хорошо очерченные губы, ротовая щель почти прямая, однако морщина у угла рта не оставляет сомнений в том, что она часто напрягает *triangularis*. Вопрос состоит лишь в том, является ли это следствием серьезных и печальных переживаний, или своенравия и неприязненного отношения к окружающим. Потому что *triangularis* активно включается и при таких переживаниях. Когда вы наблюдаете в жизни у какой-то женщины подобную морщину, и возникает вопрос, каковы причины ее возникновения, нужно в течение некоторого времени понаблюдать за ее лицом во время разговора. Если морщина остается неизменной, можно предположить, что она сформировалась вследствие глубоких переживаний, но если в ходе разговора в какие-то моменты раздражительное и неприязненное выражение углубляется, причем морщина при этом несколько удлиняется, следует думать скорее о своенравии и в большинстве случаев это не будет ошибкой. В жизни я видел эту морщину очень часто, на картинах и фотографиях ее можно встретить значительно реже, поскольку художники и фотографы совершенно справедливо заключают, что она разрушает молодость лица и обычно стараются ее избегать. Среди экспонатов картинных галерей ее можно встретить лишь в виде исключения; эта морщина отчетливо выражена на изображении принцессы Александры (рис. 243).

Маленькая и как будто незначительная морщина в уголке рта на самом деле обладает огромным смысловым значением при физиогномическом толковании лица. У стареющих людей, как у мужчин, так и у женщин, эта морщина обычно присутствует. Поскольку чем старше человек, тем в большей степени он сталкивается в своей жизни с заботами и страданием. Но если такая морщина встречается у молодой девушки — рис. 213 показывает эту морщину у 12-летней девочки — то это тоже говорит о многом. Попробую показать это на примере.

35 лет назад я в первый раз наблюдал моментальное возникновение морщины у уголков рта у пациентки, которая как раз достигла возраста девушки, в те моменты, когда она прекословила своей матери, с которой в то время она была в очень напряженных отношениях. Впоследствии я наблюдал, как эта морщина оставалась на ее лице, стала устойчивой, хотя последующие годы складывались для этой молодой девушки благоприятно. Но она оставалась своенравной, или, если выразиться мягче, определенное своенравие она сохраняла, несмотря на все обаяние, которое исходило от ее личности. В дальнейшем течении ее жизни счастливые и несчастные времена сменяли друг друга. Это выразилось в строении этой морщины. В счастливые времена морщина становилась менее отчетливой, в тяжелые она выделялась очень резко. По характеру этой морщины я мог почти безошибочно судить о характере этой молодой женщины — к тому

морщина
buccinator'a

Рис. 180. Часть носогубной складки, которая формируется при исключительном действии buccinator'a.

изгиб щеки

Рис. 181. Хорошо выражена жировая масса щеки, которая образует изгиб.

Рис. 182. Работа buccinator'a при интенсивном смехе (по Боре).

Рис. 183. Квадрат, сформированный buccinator'ом. Носогубная складка резко выражена. Смех (Э. Лендвай-Дирксен).

Рис. 184. Разочарование (buccinator) с ожесточенностью и презрением (сокращение orbicularis'a с выпяченной губой, по Боре).

Рис. 180–184. Носогубная складка.

Рис. 185. Кардинал Маннинг, triangularis — носогубная складка.

Рис. 186. Супруга бюргермейстера Мейера. Ганс Гольбейн (Базель).

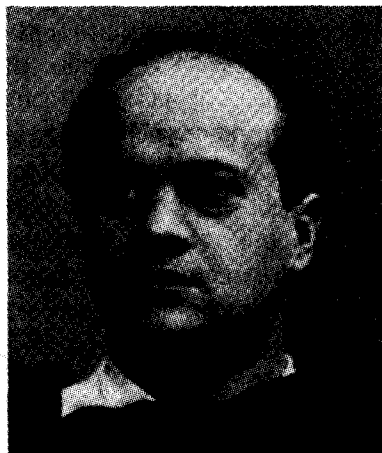

Рис. 187. Лицо Боре в покое.

времени она вышла замуж. Когда ей исполнилось 45 лет, я снова увидел ее. К моему величайшему изумлению морщина, которую я наблюдал в течение 30 лет, исчезла. Ее лицо оживляла детская веселая улыбка; *zygomaticus* и *risorius* (мышцы смеха) получили выраженный перевес над *triangularis*'ом (мышца страдания). Женщина выглядела на 15 лет моложе. Я мог объяснить такое неожиданное изменение у женщины уже в зрелом возрасте только поздним счастьем, обретенным в любви. И так оно в действительности и было!

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА МЫШЦ РТА

Я постарался изложить действие отдельных мышц рта. Однако при формировании выражения лица редко бывает задействованной только одна отдельная мышца. Обычно в определенном движении рта участвуют многие мышцы, и поэтому формирование важнейших движений рта следует обсудить еще подробнее.

Лучше всего понаблюдать за изменениями формы рта на примере одного и того же лица. Актер А. Боре в течение 36 лет проводил исследования на себе самом, фиксируя различные выражения своего лица на фотографических пластинках. Среди имеющихся 119 фотографий много таких, которые содержат искомые актерские выражение и не совсем подходят нам для наших целей. Однако остается большое число фотографий с вполне натуральным, естественным выражением, которые поэтому очень ценны и которые мы будем использовать.

Приведу для начала изображение на рис. 187, которое представляет лицо актера в его обычном, не измененном каким-либо мимическим возбуждением виде. Рот вполне распространенного нормального типа; верхняя и нижняя губа развиты примерно одинаково. В строении верхней губы можно констатировать лук (дугу) Амура. Носогубная складка только намечена. Морщина у уголков рта отсутствует. Чтобы удерживать губы в этой позиции, нужна лишь минимальная мышечная работа. А именно, для этого достаточно легкого сокращения периферических кольцевых волокон мышцы, закрывающей рот, orbicularis'a. Они проходят по более искривленной дуге, чем центральные, располагающиеся непосредственно под губами прямолинейные волокна, и поэтому с большей легкостью приводят к закрытию рта.

Оценивающий рот

Когда периферические волокна мышцы, закрывающей рот, m. orbicularis, сокращаются несколько интенсивнее, то углы рта приближаются друг к другу, а губы несколько выдвигаются вперед и выпячиваются. Возникает выражение, которое свойственно серьезному человеку, проводящему известную проверку. Это оценивающее выражение рта я часто встречал у художников. Если перелистать вышедшую недавно книгу «Пятьсот автопортретов» (Phaidon Verlag), то можно обратить внимание на то, что поразительно мало лиц художников с тонкими, прижатыми к зубам губами, и, наоборот, необычайно много лиц с полными, испытующе выпяченными губами. Конечно, тут может сыграть определенную роль наследственность. Могло бы, например, оказаться, что с принадлежностью к толстогубой расе связано большее дарование в живописи. Фактически у многих художников можно констатировать толстые губы уже в детстве, как, например, у

Рис. 188. Оценивающий рот у художника. Ф. Овербек. Автопортрет (Любек).

Дюрера или у Гольбейна, но как раз относительно этих лиц можно также установить, что в течение их жизни губы становились еще толще и приобретали все более испытующее выпяченное положение. Поэтому я не думаю, что оценивающий рот у художников является случайным. А если понаблюдать за художником, когда он работает, как он снова и снова отходит от холста и оценивающе смотрит на свою работу, то становится ясным, что у него это выражение рта закрепляется, застывает. Примерами являются Альбрехт Дюрер (рис. 265), Беноццо Гоццоли (рис. 189), Рубенс, Антонелло да Мессина, Филиппино Липпи, Лоренцо ди Креди из упомянутой книги «Пятьсот автопортретов». Они показывают, что с определенной долей справедливости можно говорить вообще о *рте художника*.

При проверке своей картины художник может прийти к выводу, что картина удалась; тогда испытующе оценивающий рот, чуть вытянутый вперед, может говорить о чувстве *самоудовлетворения*. Этому выражению близка и усмешка. Если губы выдвинуты еще сильнее, причем нижняя губа смещена вверх вследствие деятельности *mentalis'* а и одновременно выпячена вследствие работы *quadrat. lab. inf.*, то оценивающий рот приобретает угрожающее выражение. Соответствующий пример приводится на рис. 190.

Рис. 189. Оценивающий рот у художника. Б. Гоццоли.

Рис. 190. Оценивающее-угрожающий рот у художника. Рогир Ван дер Вейден (музей, Брюссель).

Положение рта при поцелуе

Когда периферические волокна orb. oris сокращаются еще сильнее, чем при оценивающем выражении, рот оказывается в *позиции поцелуя*. При этом углы рта сближаются до 3–4 см и губы выпячиваются вперед. При обычном приветственном поцелуе при этом напрягаются только периферические волокна orbicularis'a. Это можно заключить из того, что пальпирующий палец устанавливает напряжение мышечных волокон только в периферических частях рта, в то время как сами губы настолько рыхлые, что их можно легко и без всякого сопротивления отделить друг от друга и от зубов.

При *страстном* же поцелуе сокращаются и центральные волокна. Как-то изменить пальцем положение губ уже не удастся. При таком поцелуе в действие вступает также и caninus, что легко установить путем пальпации, и углы рта приближаются к средней линии. Губы при поцелуе выпячиваются, так что становится видной большая часть их красной ткани, чем при спокойном положении рта. В этом движении рта участвуют и recti. Совершенно похожая форма рта складывается и при свисте.

Открытый рот

На короткое время рот открывается при зевании, но, прежде всего, при приеме пищи и при разговоре. У младенца бутылочка с молоком может вызывать длительное искажение формы рта, у взрослого же еда никак не определяет форму рта, если, конечно, мы имеем дело с культурным индивидуумом. Но тот, кто с удовольствием чавкает, может продемонстрировать некрасивые полные губы. Намного значительнее влияние языка. У того, кто привык говорить шумно и невнятно, часто бывают толстые и несколько выступающие губы, тот же, кто говорит не слишком громко, но акцентированно и определенно, может продемонстрировать красивую форму детского рта с узкими губами (рис. 259).

Особый подъем верхней губы, как это бывает при болезненных раздражениях, но также и при выражении презрения, обеспечивает quadrat. lab. sup (работа мышцы достаточно описана ранее). То же самое относится и к особому опущению нижней губы вследствие работы quadrat. lab. sup. Такое опущение часто наблюдается, когда человек раздосадован, недоволен, находится в дурном настроении, совершенно независимо от того, идет ли речь о младенце, ребенке, зрелом мужчине или старике. Эта отвисшая толстая губа очень рано может стать характерной.

Тот, кто длительное время держит рот открытым, может вызвать в свой адрес подозрения в слабоумии, и всякий интеллигентный человек остерегается производить подобное впечатление. Но с тех пор, как дамы начали пользоваться помадой, они начали периодически оставлять рот несколько приоткрытым, чтобы

помада не стиралась. Выражение лица при этом не отличается духовностью. При состояниях страха или крайнего отвращения рот обычно широко открыт. Это мимическое движение возникает не так часто, чтобы привести к длительным изменениям формы рта.

Губы могут плотно прижиматься друг к другу в результате действия orbicularis'a, причем углы рта при этом не приближаются друг к другу. Для этого необходимо также дополнительное действие buccinator'a. Он удерживает углы рта на их постоянном месте, и тогда действие orb. oris выражается только в закрытии рта. Губы плотно прижаты друг к другу и повернуты внутрь, так что красная ткань губ менее видна. В то же время губы плотно прижаты к зубам. Это также результат действия buccinator'a. Возникает выражение попытки овладеть собой, которое может повышаться до ожесточения и разочарованности. Можно найти это выражение на картине Гольбейна, изображающей купца Кириакаса Фаллена (рис. 191), и более заостренное — на рис. 192, представляющем Боре.

Воздействие мышц в уголках рта

Наряду с открыванием и закрыванием рта формирующим и выразительным эффектом обладают мышцы, расположенные в уголках рта. В детстве из этих мышц активны прежде всего мышцы смеха, zygomaticus и risorius. Они вытягивают углы рта вовне и вверх, формируют среднюю треть носогубной складки и придают ротовой щели дугообразную форму (выпуклость направлена в сторону подбородка). Это показано на рис. 178 и рис. 193. Как правило, с окончанием детства овладение профессией требует от человека и умения владеть собой. В это время сильнейшее воздействие на углы рта оказывает buccinator. Уголки рта вытягиваются прямо наружу, как это показано на рис. 191. Если одновременно поджимаются губы, то возникает выражение ожесточенности (Боре, рис. 192). Ротовая щель в этом случае представляет собой прямую линию. Иногда кроме

Рис. 191. Кириакас Фаллен.
Г. Гольбейн (Брауншвейг).

buccinator'a в дело вступает в известной мере и zygomaticus. Тогда формируется улыбка, которую я называю «улыбкой продавца» и которая представлена на рис. 193. Когда углы рта вытянуты по прямой наружу (buccinator), одновременно верхняя и нижняя губа выпячены (периферические волокна orbicularis и recti) и ротовая щель более или менее открыта — возникает выражение горечи и ожесточения (рис. 267 и 273). Легко можно вызвать это выражение у детей, если капнуть им на язык какое-то горькое лекарство, например, алоэ или хинин.

Чем старше становится человек, и чем более горьки его жизненные опыты, тем в большей степени углы рта опускаются вниз. Во второй

половине человеческой жизни у большинства людей мышцей, преимущественно формирующей выражение рта, становится *triangularis* (мышца страдания). Эта мышца превращает ротовую щель в дугу, своей выпуклостью направленную к носу, опускает углы рта и придает лицу серьезное выражение. Если одновременно вступает в действие мышца носа — как на рис. 194 — то к этому добавляется презрительная нота. И это выражение еще усиливается, если присутствуют *procerus*-морщина и бровные морщины. Это можно наблюдать на рис. 195. Этому лицу присуща мрачная решимость с добавлением презрения и ожесточения. Если при этом еще и выпячена нижняя губа, как у Боре на рис. 195, то выражение становится brutальным и угрожающим.

Рис. 192. Ожесточение.

Рис. 193. «Улыбка продавца».

Рис. 194. Мрачная решимость.

Рис. 195. Брутальное, угрожающее выражение.

Я изложил только некоторые особенно характерные, типичные изменения формы рта, которые возникают вследствие напряжения отдельных мышц.

В действительности же число этих различных выражений рта практически неограниченно. Даже очень незначительное сокращение одной мышцы при идентичной форме рта приводит к совершенному изменению общего выражения. Особенно поучительно сравнение изображений Ульрики фон Левеццо и дамы «Noli me tangere» (рис. 239 и 240).

У Боре большие заслуги перед физиогномикой. Его изображения показывают, что, независимо от наследственных признаков, благодаря только работе мышц, форма рта может претерпевать большие изменения. Если та или иная мышца напрягается особенно часто, то рот «застывает» в этой форме, она становится для него привычной. Это бесспорное доказательство того, что работа мышц — независимо от наследственных причин — может приводить к формированию определенного выражения лица. Но, в то же время, вполне вероятно, что такое же выражение может развиться в силу действия наследственных причин. Пример приводится на рис. 73. Ребенок там демонстрирует типичную форму рта (*triangularis*), такую же, как у Боре на рис. 194.

ИЗМЕНЕНИЯ РТА В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Наиболее богатыми в плане выводов для моих исследований во всех областях мимики стали мои наблюдения в яслях. И в особенности это относится к форме рта. Младенцы не обращают внимания на сецирующий взгляд физиогномиста, тогда как уже двух- трехлетние дети от этого смущаются и на их лице появляются искусственные гримасы.

Общим для рта младенца в первые месяцы жизни является то, что ткань губ очень мягкая и пальпирующий палец практически не встречает никакого сопротивления. Также почти у всех детей в этом возрасте можно констатировать, что рот крайне мал и расстояние между его уголками не больше, чем расстояние между внутренними углами глазниц.

Унаследованная форма губ

Различие в форме губ обнаруживается очень рано. Однажды в своей клинике я наблюдал узкие, тонко очерченные губы, элегантно сужающиеся к уголкам рта и очаровательную дугу Амура на верхней губе. Пример приводится на рис. 196. Эту форму рта я хотел бы определить как «тонкий детский рот».

У второй группы младенцев я обнаружил толстые массивные губы, причем ограничительные линии губ были размыты (рис. 197). По своей красоте эти рты значительно уступают «тонкому рту». Рот этой группы я определил как «грубый детский рот». Разумеется, можно констатировать большое число разных переходных форм. Различие этих двух форм рта, которое обнаруживается уже в очень раннем возрасте, основывается, вне всякого сомнения, на наследственности. Поэтому задача далее прояснить это различие форм рта является задачей исследователей рас.

Расовые различия еще очевиднее, если проводить исследования в детской клинике, например, в Нью-Йорке, где представлены самые различные расы: американцы, китайцы, негры, славяне, итальянцы, ирландцы и т. д.; здесь различий в форме рта значительно больше, чем в мюнхенской клинике. Однако влияние наследственности не ограничивается той формой рта, которую демонстрирует ребенок вскоре после рождения. Возникающие позднее изменения формы рта могут быть также обусловлены наследственными причинами, точно так же, как чуть вздернутый носик младенца может в течение жизни независимо от окружения превратиться в динарический благородный нос. Поэтому с толкованием изменений формы рта, которые происходят в течение жизни, нужно соблюдать большую осторожность.

Но, насколько неопровержимо воздействие на форму рта наследственности, настолько же неопровержимо и воздействие окружения.

Это можно безошибочно установить уже в течение первого года жизни. Факторами окружения, в наибольшей мере влияющими на форму рта, являются в это время бутылочка с молоком и соска. Когда ребенок сосет бутылочку, рот широко открывается, а губы округляются. Нижняя губа под весом бутылочки прижимается к подбородку. Эта не очень красивая форма рта показана на рис. 198. Многие дети после еды закрывают рот, другие же после приема пищи держат его некоторое время открытым. И чем дольше рот остается в положении как при сосании бутылочки, тем сильнее воздействие на его форму. Но, тем не менее, прием пищи у младенца занимает лишь 1 час из 24-х часов в сутки.

Намного дольше длится действие соски. Многие дети держат соску во рту днем и ночью, делая лишь небольшие перерывы. Губы при этом выпячиваются еще сильнее, чем при акте сосания. Благодаря этому может сформироваться некрасивый рот с толстыми вывернутыми губами, если только не удастся своевременно отучить ребенка от соски. Старшие сестры нашего детского отделения рассказывали мне, что поступали дети, использующие соску не только на втором и третьем годах жизни, но также на четвертом, пятом и даже шестом годах. Сестры в клинике отучают детей от соски, не только в интересах гигиены, но и ради красивой формы рта. Поскольку они еще задолго до моих физиогномических исследований определили, что соска формирует толстые некрасивые губы. Кроме того, было замечено, что довод о красоте формы рта в гораздо большей степени влияет на матерей детей, чем все доводы о гигиене. После отнятия соски губы постепенно становились красивее и более узкими (рис. 198).

Хёфльмейр недавно показал, что бутылочка с молоком и соска представляют большую опасность и для развития челюстей («Как я предохраняю своего ребенка от неправильного развития челюстей», J. F. Lehmann, Munchen, 1935). Сосание груди представляет собой, по Хёфльмейру, напряженную гимнастику для челюстей и является поэтому мощным раздражителем, способствующим росту, в то время как при сосании бутылочки напряжение невелико. Если насыщение с помощью груди невозможно, Хёфльмейр рекомендует «естественное сосание», которое побуждает младенца к интенсивному напряжению челюстных мышц. Благодаря же сосанию пальца или соски, согласно Хёфльмейру, ряд зубов нижней челюсти отжимается назад, ряд же зубов верхней смещается вовне или вовне и вверх. Таким образом ряды зубов на верхней и нижней челюстях как бы расходятся. Эти наблюдения еще раз убеждают в отрицательном воздействии соски.

Одновременно эти наблюдения показывают, насколько пластичен рот младенца и насколько он готов отвечать на внешние воздействия. Этим попытка оценить, в какой мере форма рта зависит от наследственности, а в какой — от воздействия окружения, еще более осложняется. Отделить один фактор от другого в отдельных случаях оказывается, как правило, невозможно. Даже сходство однояйцевых близнецов, если они воспитываются в одинаковых условиях, трудно доказать. И только если один близнец растет в благоприятных, а другой — в неблагоприятных условиях, и, несмотря на это, оба они демонстрируют одну и ту же форму рта, можно предполагать, что это сходство основано на влиянии наследственных факторов.

Рис. 196. Тонко очерченный рот младенца.

Рис. 197. Грубый рот младенца (2 месяца).

Рис. 198. Рот, сформированный соской.

Рис. 199. Всегда удовлетворенный младенец.

Рис. 200. Больной, одинокий младенец.

Рис. 201. Тот же ребенок, когда его жизнь стала более радостной.

Рис. 202. Вытянутые вниз уголки рта показывают, что положение серьезное.

Рис. 203. Плач начинается открыванием рта.

Рис. 204. Плач прогрессирует.

Рис. 196–204. Серьезные и веселые младенцы.

Рис. 205. Ревущий младенец.

Рис. 206. Трагический плач ребенка, более старшего возраста.

Рис. 207. Смех заявляет о себе.

Рис. 208. Смех становится отчетливее.

Рис. 209. Светлый смех маленького ребенка.

Рис. 210. Хорошо сохранившийся красивый детский рот в 8 лет.

Рис. 211. Маленький рот с уголками, вытянутыми вниз.

Рис. 212. Грубый рот у десятилетней девочки.

Рис. 213. 12-летняя девочка, у которой уголки рта вытянуты подобно остриям кинжала.

Насколько трудно разграничение этих факторов в отдельном случае, я хочу показать на одном примере. Я уже говорил, что дети в яслях ортопедической клиники, хотя все они обладают какими-то физическими недугами (косолапость, вывих тазобедренного сустава, параличи и т. п.) очень веселы. Большинство из них дружелюбно улыбается посетителю, подходящему к их кровати, и чем больше вы беспокоитесь и заботитесь о ребенке, тем чаще у него уголки рта складываются в улыбку, смещаясь вовне и вверх, как показано на рис. 199. Само собой разумеется, что при такой смеховой гимнастике особенно развиваются *risorius* и *zygomaticus* (мышцы смеха), чем и объясняется, что у некоторой части младенцев и в покое уголки рта легко вытягиваются вверх. Наряду с ребенком, показанным на рис. 199, в наших яслях лежал еще один ребенок, который постоянно демонстрировал прямо противоположное выражение (рис. 200). Он страдал косолапием. Раньше лечение косолапия было очень мучительным. Лорд Байрон даже за несколько лет перед смертью проклинал своих врачей, которые в детстве хотели вылечить его от косолапия. Эти мучительные попытки были, как известно, безуспешны. Сегодня успешное лечение этого недуга сопряжено лишь с незначительными болями. Поэтому свидетельствующее о дурном настроении опускание уголков рта, раздосадовано прижатые друг к другу губы и выпяченная нижняя губа не могут быть следствием собственно болезни. Я заподозрил здесь влияние на ребенка отношений в семье. Они были печальны. Отец и мать ежедневно уходили на работу, братьев и сестер у ребенка не было, и он почти целый день был предоставлен сам себе. За исключением тети, которая периодически смотрела за ним, о ребенке никто не заботился. Всего этого вполне достаточно, чтобы понять ту печаль и боль, которые выражаются у ребенка в форме рта и в серьезном выражении глаз.

Дальнейшие изыскания показали, что мать ребенка — тихая, серьезная женщина. Поэтому может оказаться, что при формировании выражения лица ребенка определенную роль сыграли и наследственные факторы. Ясность внесли дальнейшие наблюдения. Я заметил, что в клинике с интервалом в 5–6 недель ребенку накладывали новую повязку, тогда как дома этого не происходило. В течение последующего года я неизменно мог констатировать у ребенка печальное выражение лица при каждом посещении клиники. Когда вдруг — я не видел этого ребенка в течение нескольких недель — произошли поразительные изменения (рис. 201). Уголки рта больше не были вытянуты вниз, выпяченная нижняя губа почти исчезла, и ребенок впервые засмеялся при встрече со мной.

Даже медсестра никогда не видела этого ребенка смеющимся — первый смех за целый год! Я спросил старшую сестру, как она объясняет изменение выражения лица ребенка. И тут выяснилось, что одна молодая девушка, студентка, которая проходила лечение в клинике, стала ежедневно навещать его и часами играть с ним. Отсюда стало ясным, что то печальное окружение, которое составляло до этого мир ребенка и было существенной причиной его болезненного выражения лица.

Но во многих других случаях невозможно точно установить, почему у ребенка формируется то или иное выражение лица. Только если отец или мать демонстрируют точно такой же тип рта, отличающийся от обычного типа, можно

с уверенностью говорить о влиянии наследственности. Такой случай имел место с одной очень своеобразной формой рта, показанной на рис. 73. Конечно, физиогномист всегда должен знать, что в лице испытуемого обусловлено влиянием наследственных факторов, но так далеко семейные исследования сегодня, к сожалению, не заходят.

В первые недели мышцы младенца включаются, кроме акта сосания и зевания, преимущественно во время крика. Наиболее значительные изменения в это время вызывают плач и рев.

Мимика плача

Мимика плача требует несколько более подробного обсуждения. Обычно этот акт сопровождается уже описанным выпячиванием нижней губы (рис. 202), затем, если губы еще покоятся друг на друге, следует вытягивание вниз и наружу углов рта. Иногда это изменение уголков рта бывает не слишком заметно. Гораздо отчетливее настроение выражает тянущаяся вниз и наружу от уголков рта морщина — уже описанная выше морщина в уголках рта. Морщина эта формируется у младенцев очень рано и может приобретать устойчивые формы уже в первые годы жизни. Поэтому она играет большую роль при анализе детских настроений. Очень хорошо эта морщина показана на рис. 202. Если ребенок и далее отдается своей боли, то рот открывается, и возникает в большинстве случаев вторая морщина, назолабиальная или носогубная складка. Она протягивается от крыла носа по дугообразной линии до точки, удаленной примерно на ширину пальца латерально от угла рта. Форму и значение этой морщины я уже обсуждал (рис. 203 и 204). Если же боль усиливается, нижняя челюсть опускается так низко, как это только возможно, и рот буквально распахивается, что сопровождается мощным громким ревом. Рот на этой высшей стадии плача приближается по форме к прямоугольнику. Благодаря этому широкому открытию рта вся поверхность верхней и нижней губы приводится в пассивное напряжение (рис. 205) и мышцы, находящиеся около углов рта, уже не могут оказывать влияние на направление уголков рта. Благодаря этому рот теряет выражение, характерное для плача и может принимать почти ту же самую форму, что и при интенсивном смехе (рис. 66). Об этом я расскажу подробнее при обсуждении мимики смеха.

Одновременно с изменением формы рта у плачущих детей регулярно включаются мускулы глазницы. При легком плаче (рис. 203 и 204) глазница наполовину закрыта, мощный же крик приводит к полному закрытию глазницы. При этом брови опускаются вниз (*orbicularis*). Очень часто при этом вступают в действие мышцы, сморщивающие бровь, которые еще сильнее опускают вниз внутренние окончания бровей и приближают их к средней линии (рис. 205). Нередко можно видеть, что внутренние окончания бровей смещаются вверх. Тогда возникает трагическое выражение бровей Лаокоона, которое можно констатировать на рис. 206. Другое похожее выражение — кажущаяся бровь Лаокоона (рис. 204). Но устойчивых форм плач в первые годы жизни, как правило,

не формирует. Поскольку нормальный ребенок компенсирует периодическое опущение уголков рта при плаче их подъемом при смехе. Но если ребенок смеется редко, то на его лице может появиться относительно устойчивое выражение разочарования, отказа и недовольства. Раньше всего может сформироваться выпяченная нижняя губа. Затем к этому могут добавиться опущенные уголки рта с морщинами в уголках. Ребенку на рис. 172, который обнаруживает эти изменения, всего лишь полтора года. Поэтому внимательные и заботливые матери должны как можно раньше принять все меры, чтобы предотвратить появление у ребенка подобных выражений, а если есть серьезные причины для изменения настроения, то воспитательные меры имеют мало успеха.

Смех

С пятой или шестой недели жизни большинство детей начинает смеяться.

При негромком смехе, когда губы еще покоятся друг на друге, уголки рта незначительно смещаются наружу и вверх (*risorius* и *zygomaticus*, рис. 207). Если же смех усиливается, рот чуть приоткрывается и улы рта вытягиваются наружу и вовне сильнее (*risorius*, *zygomaticus* и *buccinator*, рис. 208). Обе эти формы рта вполне однозначны; они свойственны только радостному, смеющемуся человеку. Если же веселость еще усиливается, то рот широко открывается. Ротовая щель, которая до этого вытягивалась только в ширину, теперь открывается также вверх и вниз. Ткань верхней и нижней губы, как и при сильном плаче, пассивно напрягается, и *risorius* и *zygomaticus* уже не могут более смещать углы рта вверх. Теперь уже рот теряет радостное выражение. *При сильном плаче рот принимает примерно ту же форму, что и при интенсивном смехе* (рис. 209). Мы можем различить радостное и печальное настроение лишь по тому, вытянуты ли уголки рта наружу вверх или наружу вниз, т. е. до тех пор, пока рот еще широко не открыт. Несмотря на это, мы редко сомневаемся в том, плачет человек или смеется. Если мы не можем сделать определенное заключение по форме рта, нам приходят на помощь глаза. При плаче появление истинной или ложной брови Лаокоона не оставляет сомнений о характере настроения, кроме того, при плаче глазница сужается значительно сильнее, чем при смехе. Возможно, основание для закрытия глазницы при сильном смехе то же, что и при сильном плаче. Путем сокращения мышцы, закрывающей глаз, *orbicul. palpebr.*, дети бессознательно оказывают давление на всю область глаза, чтобы предотвратить слезотечение. Это настолько привычно при плаче и при смехе, что даже при легком смехе или слезливом настроении глазница наполовину закрывается.

Впервые это установил уже Дюшен. Когда он раздражал электрическим импульсом только *zygomaticus* (мышца смеха), то возникало выражение «*rire faux*». Когда же он одновременно раздражал и *orbicularis palpebr.* и глазница наполовину закрывалась, формировалось выражение «*rire naturel vrai*». Однако Дюшен в этом вопросе впал в заблуждение, предположив, что в акте закрытия глазницы участвует только *orbicularis* нижнего века. Я не раз убеждался в том, что *orbicularis*

нижнего века можно произвольно сокращать независимо от orbicularis верхнего века. Обычно же обе мышцы работают одновременно, почти как кольцевая мышца. То же самое показывает и изображение Дюшена (рис. 173b).

У художников и скульпторов преобладает воззрение, согласно которому при смехе и плаче нижняя половина лица совершенно идентична, а различие выражается только в положении бровей. Это воззрение восходит к Леонардо да Винчи («Трактат о живописи», Eugen Diederichs, Jena 1909). Леонардо пишет: «В глазах, положении рта и щек между тем, кто плачет, и тем, кто смеется, нет никакого различия, кроме положения бровей, которые у плачущего стягиваются друг к другу, а у того, кто смеется, поднимаются вверх». Однако в следующем абзаце Леонардо ограничивает это сходство. Он пишет: «Плачущий стягивает брови и поднимает их в этом месте вверх; лоб над ними и между ними покрывается морщинами; уголки рта у него опускаются. Смеющийся же поднимает уголки рта, а брови у него широко расставлены». Леонардо допускает ошибку, что он не различает слабое и сильное возбуждение. То, что он говорит о положении рта в первом абзаце, относится к *сильному* смеху и плачу. Более же подробные его разъяснения относятся к *начинающемуся* смеху и плачу.

Не вполне точны и его разъяснения относительно глаз и бровей. Глазница сужается одинаково как при смехе, так и при плаче. И чем сильнее возбуждение, тем сильнее закрывается глазница. Это отчетливо видно на рис. 182, 204 и 205.

Болезни

Кроме смеха и плача, существенное влияние на выражение лица в детстве оказывают болезни. Я уже приводил пример формы рта мальчика, страдающего косопалием. Когда годовалый ребенок, изображенный на рис. 200, оказался в веселой и радостной обстановке, его рот существенно изменился в лучшую сторону. Однако если ребенок на долгие годы вернется в тяжелые и безрадостные условия жизни, форма рта может принять устойчивый характер и судьба физиономии мальчика будет решена.

Неутешительны прогнозы относительно изменения выражения лица у другого ребенка, изображение которого идентично изображению на рис. 200. Отношения в доме благоприятные, ребенок окружен любовью родителей, братьев и сестер, но из-за тяжелого паралича (spina bifida) он не может ходить. В то время как другие дети заняты играми, он сидит в углу и с тяжелым тоскливым сердцем смотрит на своих братьев и сестер. Удастся ли когда-нибудь вызвать проявления радости на этом лице, не известно. В первую очередь это зависит от успеха лечения. У этого ребенка, как я уже говорил, такой же рот, как и у ребенка на рис. 200. Я дал поручение регулярно фотографировать его. Между тем ребенок с помощью аппаратов учился ходить. Ходьба давалась ему с трудом, иначе и не могло быть при полном параличе обеих ног. Однако он настолько радовался своим успехам, что день ото дня меланхолия постепенно исчезала из его лица и, в конце концов, найти на фотографических пластинках выражение печали стало невозможно.

Станет ли выражение радости на его лице устойчивым, неизвестно. Потому что позднее он, скорее всего, осознает, насколько недостаточны его возможности, и насколько он обделен по сравнению со своими сверстниками, и тогда, вероятно, черты разочарования или ожесточения снова появятся на его лице.

Существуют и другие болезни не столь тяжелого характера, как паралич ног, которые могут навсегда испортить форму рта. Закупорка носового дыхания вследствие глоточной миндалины заставляет детей постоянно держать рот открытым и, благодаря этому, формируется рот, с опущенными чуть вниз толстыми губами, как показано на рис. 58. Скрофулёзная конституция приводит к толстым вздутым губам, как у девочки на рис. 214.

Еще одним заболеванием, которое нередко навсегда искажает красоту рта, является спондилит. Если ребенок на втором году жизни заболевает этой болезнью, у него, в большинстве случаев, развиваются сильные боли, усиливающиеся ночью. Днем, когда дети бодрствуют, они напрягают мышцы спины, удерживая, таким образом, свой больной позвоночник в неподвижном состоянии и избегая болей. Когда же во сне фиксация позвоночного столба за счет работы мышц прекращается, наступают страшные боли, которые заставляют детей так громко кричать, что просыпаются не только обитатели дома, но и соседи. Родители, из-за нарушения ночного покоя, призывают их сдерживаться, из-за чего дети стискивают зубы и прижимают губы друг к другу, так что боль выражается только в вытянутых наружу и вниз уголках рта. Это выражение характерно для рта многих спондилитиков (рис. 215).

Такие рты могут сформироваться уже на втором или третьем году жизни, а затем сохраняться на протяжении всей жизни. Многие спондилиты протекают без таких сильных болей, и поэтому вначале у этих детей рот такой же, как и у их здоровых сверстников. Однако, когда они становятся старше и из-за их недуга ровесники начинают высмеивать их и издеваться над ними, душевная боль действует так же, как и телесная. Она приводит к появлению плотно сжатых узких губ и вытягивает углы рта наружу и вниз. Это типичное лицо спондилитика. Лишь немногие особенно высокоразвитые духовно индивиды могут преодолеть это телесное искажение. У таких людей красота души настолько ярко выражена, что заставляет забывать об их телесном недуге (горбе). Примером может послужить бюст Эзопа на Вилла Альбани в Риме (рис. 260).

В конце первого года жизни у большинства детей важнейшие мимические возможности выражения уже полностью развиты. Веселое и печальное настроение, довольство и недовольство отпечатываются на детских лицах совершенно несомненным образом. Но и черты духовной деятельности можно наблюдать у детей уже в первые месяцы их жизни. Так, ребенок на рис. 64 демонстрирует критические испытующие черты в глазах и в форме рта, которые кажутся невозможными для двухмесячного ребенка. Ребенок на рис. 155, которому тоже всего 2 месяца, показывает широким открытием своей глазницы, какой живейший интерес он проявляет к своему окружению. А годовалый ребенок на рис. 217 оказывается способен к тихому ироничному смеху, как это видно по правому вытянутому вниз уголку рта, в то время как левый угол рта обнаруживает

Рис. 214. Рот ребенка со скрофулезной конституцией.

Рис. 215. Рот спондилитика.

характерное для нормального смеха смещение вверх. То есть, мимические проявления у годовалого ребенка почти столь же богаты, как и у взрослого. Однако они, за некоторыми исключениями, не приводят к формированию на лице устойчивых морщин и складок.

Первое сохраняющееся изменение, которое можно констатировать почти у всех детей по окончании первого года жизни, это превращение расплывчатых и «студенистых» губ младенца в твердые, жесткие и по большей части четко ограниченные формы. При этом большую роль играет работа мышц рта, а именно, мышц у уголков рта и мышц, закрывающих рот. Чем сильнее и чаще эти мышцы растягивают губы и давят на них, тем грубее и жестче по своей консистенции становятся губы и тем определеннее по своей форме. Большое значение имеет

Рис. 216. Принц Уэльский. Г. Гольбейн (музей, Ганновер).

Рис. 217. Иронический смех у годовалого ребенка; правый уголок рта вытянут вниз.

также и речь, которая часто значительно моделирует форму губ, чем прием пищи или переходящие радостные или печальные настроения.

Второе изменение формы рта заключается в том, что ротовая щель постепенно все больше вытягивается в длину. Ротовая щель у младенца, как правило, той же длины, что и расстояние между внутренними углами глазниц. Однако мышцы у уголков рта, которые становятся все более активными на втором, третьем и четвертом годах жизни, все более вытягивают рот в ширину, так что расстояние между уголками рта становится значительно больше, чем расстояние между внутренними углами глазниц. Но здесь возможны определенные различия, и можно выделить две группы детских ртов. Маленькие рты, которые все еще близки к ротовой щели младенца, и широкие рты, у которых уголки значительно удалены друг от друга.

Один очень маленький рот я нашел на картине Гольбейна, который изображает сына Генриха VIII, Эдуарда, принца Уэльского (рис. 216). Возможно, в этом случае размер рта является семейной особенностью. Известно, что Генрих VIII, рыцарь «Синяя борода», имевший 6 жен, также обладал очень маленьким ртом. Маленький рот принято считать красивым среди молодых девушек. Благородные матери пытаются поэтому укрепить у своих дочерей мышцы, закрывающие рот. Для этого в течение дня они заставляют их говорить определенные слова, при произнесении которых активны эти мышцы, и, наоборот, блокируются мышцы у уголков рта. Это не слишком духовно, но это можно признать вполне целесообразным упражнением для противодействия работе мышц у уголков рта, растягивающих его в длину. У большинства детей маленький рот представляет собой сохранение младенческого рта на основе наследственных факторов. При этом определенную роль играет отсутствие темперамента. Чем в меньшей степени мышцы радости и страдания раздвигают ротовую щель в ширину, тем больше вероятность того, что он останется маленьким, как и у младенца. Чем старше становится ребенок, тем более заметно моделирующее воздействие ротовых мышц. Я показал, как эти мышцы воздействуют на форму рта в результате переживаний и иных воздействий окружающего мира. Но и наследственность может играть здесь определенную роль. Особенности расы и семьи, конституции и характера и темперамента воздействуют на подрастающего ребенка все сильнее и создают в большинстве случаев выраженные индивидуальные формы ртов.

Я хотел бы пояснить это с помощью некоторых примеров. Рот с рисунка 210 по своей форме особенно красив. Вероятно, речь идет о наследственности. Но этот рот говорит нам очень мало о душевной жизни ребенка. Ни боль, ни радость не оставили на нем каких-то выраженных знаков (рис. 210). Вероятно, жизнь этого ребенка до сих пор протекала без больших душевных движений. Впрочем, для 8-летнего здорового ребенка из счастливой семьи можно легко предположить такое.

Немного больше говорит о своем обладателе рот с рис. 211. Уголки рта отчетливо вытянуты вниз и нижняя губа, как при кривом рте, несколько выпячена. Этот рот вызывает поэтому более живое впечатление, чем рот с рис. 210. Но еще сильнее уголки рта вытянуты вниз на рис. 218. Губы несколько угрожающе выдвинуты вперед. Лицо приобретает поэтому недружелюбное выражение. По

этому лицу можно прочесть достаточно много. В пользу постоянной привычки выпячивать нижнюю губу говорит толстая нижняя губа на рис. 219. Тем не менее вполне возможно, что в той или иной семье толстая нижняя губа является наследственным признаком, как у Габсбургов. Но сделать такое заключение можно только на основании точных знаний о других членах семьи. При любых обстоятельствах, красота рта при толстой нижней губе нарушается. И еще в большей степени это справедливо, если толстыми являются обе губы. Рот приобретает от этого грубоватые черты (рис. 212).

Реже, чем толстые губы, у детей встречаются очень узкие. Они также могут испортить красоту рта. Это показывает рис. 213. Как и толстые губы, узкие могут быть следствием врожденных качеств. В приведенном примере, скорее всего, переживания и характер не оказывают никакого влияния на форму губ. Речь идет

Рис. 218. Triangularis вытягивает углы рта вниз еще сильнее, чем на рис. 211.

Рис. 219. Толстая нижняя губа.

Рис. 220. Испытующие черты рта у 7-летнего ребенка.

о 12-летней девочке. Поскольку уголки рта здесь вытянуты вниз и наружу и присутствует морщина у уголков рта, можно предположить, что часто вступают в действие buccinator и triangularis, и ребенок часто плотно сжимает губы, прижимая их к зубам. Вследствие этого изначально тонко очерченный рот сильно теряет свою привлекательность.

Противоположность к ожесточенному рту с плотно прижатыми к зубам губами представляет собой рот 7-летней девочки на рис. 220. Она оценивающе выдвигает губы вперед путем сокращения orbicularis'a. Губы поэтому полные; нижняя губа вблизи уголков рта слишком полная, поскольку, по всей видимости, уголки рта редко вытягиваются наружу. Ребенок, по-видимому, чувствует себя выше своих сверстников. С течением лет эта девочка может, если воспитание этому не воспрепятствует, стать высокомерной. Из моего опыта следует, что наследственность и окружение формируют лицо — и иногда, на всю жизнь — уже в школьные годы, когда отдельные мышцы лица в своей активности преобладают над всеми остальными.

Форма рта в юношеском возрасте

С возраста 14–16 лет для человека начинается новый жизненный отрезок. Просыпается осознание пола и влечение, открывается мистерия чувственной любви. Я уже показывал на примере глаз, что это новое переживание — даже если оно разыгрывается только в мыслях — может повлиять на выражение глаз вследствие исчезновения жира в области внутренних углов глазниц. В отношении рта это переживание в юношеском возрасте выражается редко; у юношей еще реже, чем у девушек.

Гораздо большую роль играет овладение профессией, которое также приходится на это время. На примере глаз я уже показывал, что те профессии, которые связаны с работой на открытых пространствах, как, например, у крестьян или у моряков, вынуждают, для защиты глаз от света и от ветра, часто прищуривать глаза, что приводит к привычке держать глазницы полуприкрытыми. И наоборот, такие профессии, при которых работа проходит в полумраке комнаты, как, например, у служащих, купцов, священников, учителей, врачей и т. п., вынуждают широко открывать глаза. Эта привычка часто приводит к устойчивому широкому раскрытию глазницы. У этих двух больших профессиональных групп, работающих на открытом воздухе и в комнате, чаще всего различается и форма рта. Люди, которые зарабатывают свой кусок хлеба руками, как правило, обладают более грубыми и жесткими ртами, чем работники умственного труда. Конечно, толстые губы могут встречаться как выражение наследственных факторов и у представителей духовного труда, но тогда губы в большинстве случаев более четко очерчены, вследствие акцентированной и быстрой речи, которая оказывает моделирующее влияние на форму губ.

Другим моментом, который после наступления юности оказывает формирующее влияние на выражение лица, является *способность владеть собой*,

которое в возрасте 20-ти– 30-ти лет требуется от большинства людей, находящихся в зависимом положении. Это относится преимущественно к работникам умственного труда, и в меньшей мере к представителям физического труда, крестьянам, фабричным и строительным рабочим, за исключением времени их службы в армии. Но от молодых торговцев, служащих, ассистентов, актеров требуется, чтобы они во время выполнения профессионального долга вполне владели выражением своего лица, или, по меньшей мере, их лицо не должно быть недружелюбным. Сдерживание эмоций ослабляет мимическое моделирование рта и уголков рта. У двадцатилетних молодых людей я не нашел так много характерных форм рта, как у 10- или 15-летних детей.

В то время как в первое десятилетие жизни рты у мальчиков и девочек не обнаруживают значительных различий, во втором десятилетии — а именно, после пубертата — ситуация меняется. Поэтому форму рта у юношей и у девушек следует обсуждать отдельно.

Юношеский рот у мужчин

Сначала приведу несколько примеров одной формы рта, которая часто встречается у крестьян баварских Альп. Общим для этих изображений являются очень развитые, толстые губы, не прижимающиеся к зубам, но, наоборот, несколько выдвинутые вперед.

Эти грубые, жесткие губы в большинстве характерны для молодых крестьян между 15-ю и 30-ю годами (рис. 221–226). Выражения боли, разочарования и даже радости, как правило, для них не особенно значимы. Носогубная складка лишь легко намечена. Только у старших из них (около 30, рис. 226) носогубная складка несколько глубже, углы рта вытянуты несколько более в результате действия buccinator'a и одновременно несколько смещены вверх. Этот мужчина часто и интенсивно смеется, и можно предположить, что, чем грубее шутка, тем больший отклик она у него находит.

Рис. 221.

Рис. 222.

Рис. 223.

Рис. 224.

Рис. 225.

Рис. 226.

Рис. 221–226. Жесткие рты у крестьян (Верхняя Бавария).

Если у вас есть возможность, понаблюдать за крестьянами (Верхняя Бавария) во время их работы, дома или в трактире, то вы легко поймете возникновение такой формы рта. Во время пахоты, сенокоса, распилки и колки дров они говорят немного, больше всего — с лошадьми. Они приступают к работе с не слишком дружелюбным «ну» или «но», причем губы при этом выкрике мощно выдвинуты вперед. Когда молодой крестьянин возвращается домой, он сразу приступает к еде; ест он часто с животным удовольствием и громким чавканьем, но говорит при этом мало. Только в воскресенье в местном трактире в нем по настоящему пробуждается радость жизни. Тогда он громко говорит, часто мощно ревет, и почти всегда губы у него выпячены вперед, словно он все время готов к нападению. Достаточно часто за словесным боем следует веселая потасовка. Во всяком случае, тот, кто знает ежедневную жизнь крестьянина из Верхней Баварии, может понять, почему у него такая форма рта. Конечно, возникновению этой грубой формы губ способствует и наследственность. Баварские губы и у горожан в большинстве случаев не такие узкие, но другие речевые привычки приводят к формированию более тонких и более очерченных форм губ. Я часто наблюдал в баварских семьях, что дети, которые живут в городе, занимаясь, например, торговлей, имеют более тонко очерченные губы, чем их братья и сестры, которые остались жить в деревне. Это наблюдение доказывает влияние окружения.

Мои высказывания относятся только к крестьянам из Верхней Баварии. Справедливо ли то же самое к крестьянам других немецких округов, я сказать не могу, поскольку у меня в настоящее время не было возможности провести исследования в других областях. Но мне бросилось в глаза, что на изображениях рейнских виноградарей губы не такие грубые, как у крестьян из Верхней Баварии. Конечно, это может быть проявлением наследственных факторов, но более живая и более акцентированная речь может также играть здесь определенную роль. Также и на изображениях фризских и голштейнских крестьян я часто находил узкие и четко очерченные губы. Окончательный ответ на этот вопрос должны дать другие исследования.

После того, как я описал образ жизни крестьян Верхней Баварии, я хотел бы рассмотреть образ жизни человека, который работает в закрытом помещении. Я выбрал в качестве примера торговца табачной лавки. На протяжении всего дня в угоду своим клиентам он вынужден придавать своему лицу дружелюбное выражение; он должен быть быстр в своих движениях, и его ротовые мышцы также должны работать намного быстрее, чем у наших крестьян из Верхней Баварии (рис. 227–232). Губы по большей части прижаты к зубам, отчего они становятся узкими, углы рта вытянуты вовне и, при дружелюбном смехе, вверх (см. рис. 193).

То, что рот, даже если он от природы и отличается толстыми губами, при описанном способе поведения и речи будет испытывать их определенное влияние, совершенно очевидно. Поэтому в этой группе работающих в магазинах торговцев мы часто встречаем узкие, прижатые к губам, четко очерченные и изящно вытянутые в области углов рта губы. Аналогичную форму рта мы часто находим у молодых актеров. Но также и у представителей других профессий, при которых

работа протекает в закрытом помещении, как, например, у врачей, адвокатов, которые к тому же часто используют в общении со своими клиентами обязательные фигуры вежливости, мы можем констатировать быструю и четко акцентированную речь. Некоторые примеры форм таких ртов мы приводим на наших рисунках.

Рис. 227.

Рис. 228.

Рис. 229.

Рис. 230.

Рис. 231.

Рис. 232.

Рис. 227–232. Обязательно вежливо улыбающиеся рты работников умственного труда. Часто на этих изображениях задействован *buccinator*, что видно по изящно вытянутым уголкам рта — сравните с этим приведенными выше изображения ртов у крестьян.

У всех этих ртов *мышцы у уголков рта (прежде всего buccinator)* видимым образом *растягивают ротовую щель в длину*. Эта черта является общей для всех этих ртов. Но при этом каждый рот обладает и своими особыми чертами. На рис. 228 уголки рта имеют следы постоянного вытягивания вверх, отчего рот приобретает дружественное выражение. Но особенно поучительно изучение рта на рис. 227. Правый угол рта, как на рис. 228, дружелюбно поднят вверх, в то время как левый вытянут наружу по прямой. Если закрыть листом бумаги левую половину лица — выражение будет дружелюбным. Но если закрыть правую половину лица — то выражение будет серьезным. На рис. 229 активен в основном *buccinator*, и немного сокращается *triangularis*. Это часто можно видеть у людей, настроенных саркастически. Эти немногие примеры показывают, насколько незначительны те изменения формы рта, которые определяют выражение лица.

Разумеется, и среди мужчин, работающих в закрытом помещении, есть такие, кто не надевает на себя вежливую мину на протяжении всего рабочего дня, но склонны резко и, может быть, даже бесцеремонно выражать свое мнение. Я привожу некоторые такие примеры: французский парламентарий, который дискутирует со своим противником, рис. 233–234, актер, лицо которого искажено гримасой, чтобы вызвать смех у своих зрителей, рис. 235, и английский парламентарий, рис. 236.

Рис. 233.

Рис. 234а.

Рис. 234б.

Рис. 235.

Рис. 236.

Рис. 233–236. Влияние речевой техники на форму рта.

Рис. 233. Французский парламентарий.

Рис. 234а и б. Он же, страстно доказывающий что-то.

Рис. 235. Немецкий актер.

Рис. 236. Английский парламентарий.

При артикулированной таким образом речи, конечно, узкие четко очерченные губы невозможны. Для меня совершенно ясно, что и сам язык оказывает формирующее влияние на форму рта. Типичный англичанин имеет другую форму рта, чем типичный француз, и если расовые особенности, естественно, оказывают влияние на изначальную форму рта у ребенка, то, еще более несомненно, что характер языка и связанной с ним речи во взрослой жизни принимает существенное участие в формировании окончательной формы рта у человека. То же справедливо и для различных диалектов одного и того же языка. В своих железнодорожных путешествиях, которые я всегда старался скрасить физиогномическими исследованиями, я часто замечал, что еще до того, как моим попутчиком были сказаны какие-то слова, можно было интуитивно определить, имеешь ли ты дело с саксонцем, берлинцем, жителем Вены или Ганновера, или швабом. Но, конечно, на сегодняшний день я не в состоянии дать физиогномическую характеристику отдельным немецким диалектам.

Юношеский рот у женщин

У молодых девушек, как и у детей, встречаются грубые и тонко очерченные рты. В первую очередь эти различия основаны, конечно, на наследственных факторах. Но влияние профессии также значимо. Гораздо чаще грубые черты

лица и рта встречаются у женщин, занимающихся тяжелым физическим трудом, чем у представительниц умственного труда. Однако различия между этими двумя группами не так велики, как у молодых мужчин. Это происходит потому, что большинство представительниц как физического, так и умственного труда озабочены одним и тем же желанием — быть красивыми. И поэтому они в значительно большей мере, чем мужчины, стараются овладеть мимикой своего рта, и этим же объясняется то, что сходство между ртом фабричных работниц и секретарш, и студенток значительно больше, чем между молодыми мужчинами-крестьянами и торговцами. И хотя среди представительниц физического труда встречаются очень грубые формы рта, но среди них же очень часто можно найти и тонко очерченные, красивые губы. Имеется еще одно различие между молодыми мужчинами и женщинами. У мужчин благодаря работе мышц у уголков рта ротовая щель постепенно все более вытягивается в длину. Такое изменение формы рта наступает у женщин, как правило, позже.

Многие женщины и после двадцати лет сохраняют маленький детский рот. Художники 15-го и 16-го веков часто изображали маленькие рты своим мадоннам. Очень характерна в этом отношении Мадонна Дюрера в Уффици (рис. 237). Ротовая щель не длиннее расстояния между внутренними углами глазниц. Губы полные и пухлые. Очерчены не очень четко; мягкие и неопределенные. Дуга Амура на верхней губе очень выражена; в целом же сохраняются все особенности детской формы рта. Похожий рот можно обнаружить у многих Мадонн. Поэтому я хочу определить эту форму рта как рот Мадонны.

Художники хотели этой детской формой передать невинность и девственность святой. Этому, по видимости, противоречит то, что аналогичный рот можно встретить и у Венеры, например, на картине Джулио Романо (рис. 80) в галерее Боргезе. Но в действительности принципиального различия нет. По видимому, Джулио Романо изобразил Венеру в тот момент, когда она только родилась из пены и выходит из моря, еще до того, как она получила какой-то опыт в любви.

Рис. 237. Мадонна Дюрера (галерея Уффици, Флоренция.)

Рис. 238. Хелена Седлмайер. Й. Штилер.

Подобный рот нередко можно наблюдать и в жизни у молодых девушек, у которых чувственность еще не пробудилась. Как правило, губы у маленького рта полные и пухлые, и не очерчены четко. Подобный рот мы находим у Хелены Седлмайер в Галерее красоты (рис. 238). При ее взгляде на Гретхен в голову приходит следующее: «Она совершенно невинна, ей нечего делать на исповеди».

Аугуста фон Эртцен рассказывает, что в 14 лет Хелена направилась в Мюнхен, чтобы найти там работу служанки. Находившееся при ней рекомендации говорили, что она «верна, честна и порядочна и предана своим господам». Позднее она стала рассыльной в магазине игрушек Аурахера. Когда однажды королева Тереза покупала игрушки у Аурахера, Хелене поручили доставить их в замок, где она при выполнении этого поручения встретила короля. Поэт Фридрих фон Левальд говорит так о форме ее рта: «Если какие-то губы заслужили сравнение с парой пурпурных вишен, или, еще лучше, с парой розовых почек, то эти!»

Предпосылкой для сохранения детского «розового» рта является недостаточная работа мышц у уголков рта. А это бывает у женщин, не обладающих темпераментом. Тогда и на третьем десятке и еще позже возможен детский рот с полными губами, у которого вертикальная линия, проходящая через уголки рта, совпадает с линией, проходящей через внутренние углы глазниц. Однако я встречал немного таких ртов у женщин после тридцати и поэтому я думаю, что большинство девушек с годами все чаще напрягают мышцы у уголков рта. У молодой девушки, живущей в счастливой семье, основное воздействие на форму рта оказывают мышцы смеха, *risorius* и *zygomaticus*.

Форма рта Ульрики фон Леветцо (рис. 239) подтверждает предшествующие высказывания. Губы такие же полные и «розоводобные», как у Хелены Седлмайер, но углы рта уже несколько вытянуты наружу и при тихом смехе поднимаются вверх. Поэтому вертикальные линии, проходящие через уголки рта, располагаются латеральнее, чем линии, проходящие через внутренние углы глазниц. Первым, хотя с виду и вполне незначительным указанием на знающую женщину являются уголки рта. Если у рта отсутствует подобное выражение, то он, несмотря на полные и красиво очерченные губы, теряет нечто соблазнительное. Это показывает сравнение изображений Ульрики фон Леветцо и одной молодой девушки, которое находится в берлинском Кайзер-Фридрих-музее и приписывается Андрео дель Вероккио (рис. 240).

Форма губ на обоих лицах одинакова, только на изображении из Берлина несколько полнее. Но уголки рта на изображении из Берлина вытянуты по прямой наружу, в то время как у Ульрики в ее тихой улыбке они подняты вверх. Губы у Ульрики не прижаты плотно к губам и несколько расходятся друг с другом, в то время как на берлинском изображении они плотно сжаты и несколько выдвинуты вперед. У рта Ульрики тоже несколько выступает вперед верхняя губа. Но это положение верхней губы связано не с мышечной работой, но с некоторым выпячиванием костей верхней челюсти. Это можно сказать с определенностью, потому что на ее более поздних изображениях эти особенности верхней челюсти еще более заметны. И этих вроде бы незначительных мелочей достаточно, чтобы выражения лиц кардинально различались. Глядя на ее очаровательный рот,

Рис. 239. Ульрика фон Леветцо (Национальный музей Гёте, Веймар).

Рис. 242а. Мона Лиза. Оригинал. Леонардо да Винчи (Лувр, Париж).

Рис. 241. Флора фон Тициан (галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 242б. Мона Лиза. 1 мм от уголков рта отретуширован.

Рис. 240. Noli me tangere («Не трогай меня», Кайзер-Фридрих-музей, Берлин).

Рис. 242с. Мона Лиза. 2 мм от уголков рта отретушировано.

понимаешь, почему 72-х-летний Гёте еще мог ~~загореться~~ огнем любви. Девушка же, изображенная на берлинской картине, не несет в себе ~~ничего~~ соблазнительного. Ее рот говорит о холоде отказа. Выражение ее лица может быть и врожденным, но оно могло развиться и позднее в результате жизненного опыта. Независимо от того, верно ли первое или второе предположение, несомненно то, что эта дама несет в себе нечто неприступное. Художник, по видимому, тоже чувствовал это, поскольку он снабдил картину соответствующей по содержанию подписью: «Noli me tangere!» («Не трогай меня!»). Этот пример показывает, что одной только красоты формы губ недостаточно, чтобы сделать женский рот красивым. Он становится красивым только благодаря душевному выражению, которое он демонстрирует.

Форма рта Ульрики фон Леветцо образует переход от «рта Мадонны» к развитому идеалу формы женского рта, как он воплощен на женских изображениях Тициана, в особенности же — его Флоры. Поэтому я хочу определить эту форму рта как рот Флоры. Характерными для «рта Флоры» являются уголки рта, которые — сильнее, чем у Ульрики — вытянуты наружу и частично немного вверх. Характерна также совершенная дуга Амура на верхней губе и, медиальнее уголков рта, омолаживающая форма губ (рис. 241).

Рот Флоры демонстрирует утонченное очертание и красивейшую модель губ. Поэтому его можно встретить не только у женщин Тициана, но и Рафаэля, Дюрера, Рубенса, ван Дейка, Каульбаха и т. д. Также и женские лица Штилера в галерее красоты в большинстве своем обнаруживают эту форму рта. Можно констатировать ее у Корнелии Феттерляйн, Шарлотты фон Хаген, Амалии фон Шинтлинг, леди Элленборо, Ирен фон Паллавичини, леди Эрскин, леди Спенс, Луизы фон Нойбек, Розалии фон Бонар и др. Что объединяет всех этих женщин, так это то, что они осознавали свою красоту. В случае «рта Мадонны» в большинстве случаев это не так.

При форме «рта Мадонны» красота основана на средней части рта, на полных, пухлых губах. Очарование рта Флоры связано с боковыми частями рта, узкими вытянутыми губами и направлением углов рта. Незначительное искривление уголков рта вверх и наружу благодаря работе смеховых мышц (*risorius* и *zygomaticus*) приводит к возникновению на лице обольстительной улыбки. Если эти мышцы не напрягаются и уголки рта остаются нетронутыми, то появляется серьезное выражение. Можно показать это экспериментальным путем на форме рта Моны Лизы (рис. 242). Рис. 242a изображает оригинал. На рис. 242b по миллиметру от каждого угла рта удалено. На рис. 242c от каждого уголка рта отретушировано по 2 миллиметра, что приводит к возникновению «серьезного рта», связанного с умением владеть собой. Лицо совершенно теряет выражение смеющегося очарования, на нем появляется выражение трезвости.

Красота рта может искажаться посредством работы мышц разочарования (*buccinator*) и страдания (*triangularis*). Так действует даже незначительное сокращение этих мышц. Это демонстрирует нам форма рта Александры, принцессы Баварской (рис. 243), портрет которой я обнаружил в Галерее красоты. Она старается быть дружелюбной, и Штилер, конечно, приложил все усилия,

чтобы передать на своей картине всю ее красоту. Но он был настолько честен, что не смог замолчать формирующуюся морщину у уголков рта, хотя и постарался ослабить ее, насколько это возможно. Морщина у уголков рта появляется в результате действия *triangularis*'а. То есть 19-летняя принцесса уже очень часто была вынуждена напрягать мышцу страдания. Когда я установил это, меня заинтересовало, какой же была ее личность.

Аугуста фон Эртцен сообщает, что она была единственной дочерью Людвига I, которая так и не вышла замуж. Она страдала от монотонной жизни двора, в которой ее духовные богатства не могли реализоваться. Характерно одно ее высказывание: «Для меня не существует мужчины; все принцы или слишком молоды для меня, или слишком стары». Закончила она душевным помешательством. И на эту невеселую жизнь есть указание, что проявляется в форме рта 19-летней красавицы.

Второй рот, который содержит указание на морщину у уголков рта, принадлежит Лоле Монтез (рис. 244). Тот, кто знаком с ее жизнью, знает, что, еще перед тем, как она приехала в Мюнхен, у нее имелся повод, для того чтобы напрягать свою мышцу страдания (*triangularis*).

В уголках рта содержится центр тяжести выражения. Однако и средняя часть рта не лишена определенного выражения. Прежде всего имеет значение толщина губ. Тонкие губы, особенно в сочетании с несколько вытянутыми книзу уголками, придают лицу недружелюбное выражение. Соответствующий пример приводится на рис. 219. *Полные губы* часто встречаются у чувственных женщин, например, у большинства женщин Рубенса. Поэтому в большинстве случаев полные губы связывают с чувственностью. Тем не менее на самом деле полные, пухлые губы нельзя без дополнительных выводов считать признаком чувственности; часто такую форму губ можно обнаружить у лишенных темперамента женщин, у которых отсутствует сужающая губы работа мышц у уголков рта. Как правило, толстые губы связаны с наследственностью.

Рис. 243. Александра Баварская (Штилер).

Рис. 244. Лола Монтез.

Формирующаяся морщина своенравия у уголков рта (*buccinator*).

Рис. 245. Форнарина. Себастьян дель Пьомбо.

Рис. 246. Богиня. 4 век до н. э. (музей, Берлин).

Рис. 247. Соня Гени (Шерл).

В третью очередь выражение рта определяет то, выдвинуты ли губы оценивающе или угрожающе, или же они в выражении разочарования прижаты к зубам. Красота изначальной формы «рта Флоры» может быть нарушена и таким образом.

Однако «рот Флоры» не является единственным идеалом красоты формы женского рта, хотя на портретах красивых женщин он встречается чаще всего. Другую, меньшую группу представляют собой женщины, у которых дуга Амура выражена менее отчетливо. Ограничительные линии красной ткани губ мягкие и неопределенные, и губы не так резко вытянуты в направлении уголков рта, как у Флоры. Это можно наблюдать у большинства женских лиц, которые ранее приписывали Рафаэлю, а впоследствии Себастьяно Дель Пьомбо, как, например, у Форнарины. Это не аристократический рот, но все-таки очень привлекательный. У прекрасной булочницы можно предположить наличие крестьянских генов, об этом говорит весь ее грубо-свежий облик. И изображение убеждает в том, что ее

красота в первую очередь связана с душевным выражением, и только во вторую — с очертаниями губ (рис. 245).

Я должен подробнее остановиться на понятии красоты формы женского рта, потому что возникает чувство, что мы можем что-то потерять в этом понятии. В этом виновато кино — или, точнее говоря, создание масок в кино. Это «искусство» грима, что подготавливает лица актеров для съемки и делает их пригодным для кино. То, что мы называем это «созданием масок», говорит само за себя. Для «прекрасного» кинорта характерны толстые, и даже чрезмерно толстые губы, примерно такие, какие рисуют клоунам. От красной ткани губ вообще ничего не остается, губы на экране производят такое впечатление, что они нарисованы чернилами. Сама ткань губ жестко и четко отделена от кожи щеки. Уголки рта, в которых обычно выражается вся прелесть женского рта, покрыты как будто черным гримом (рис. 248а-е). В действительности речь идет о красной краске. Но красное выглядит на фотографических пластинках, как это давно известно врачам, темнее, чем черное. Если постараться избежать этой ужасной чернильной окраски, не остается ничего иного, чем использовать светлую, индифферентную краску, например, зеленую. Но, возможно, от этого пострадало бы восприятие партнера, любовника, а вместе с тем и достоверность изображения.

На человека, воспитанного на традиционных идеалах красоты женского рта, черные кинорты действуют отталкивающе, и возникает вопрос: почему киноактрисы, которые хотят быть красивыми, искусственно уродуют себя? Первые киноактрисы, которые рисовали себе такие толстые губы, придерживались ложного убеждения, что толстые губы являются признаком чувственности, и если они хотят произвести впечатление «женщин-вамп», которые наделены чувственностью, то они должны рисовать себе толстые губы (рис. 248а,b,c.). Это все та же псевдосексуальная чепуха, которую мы уже обсуждали

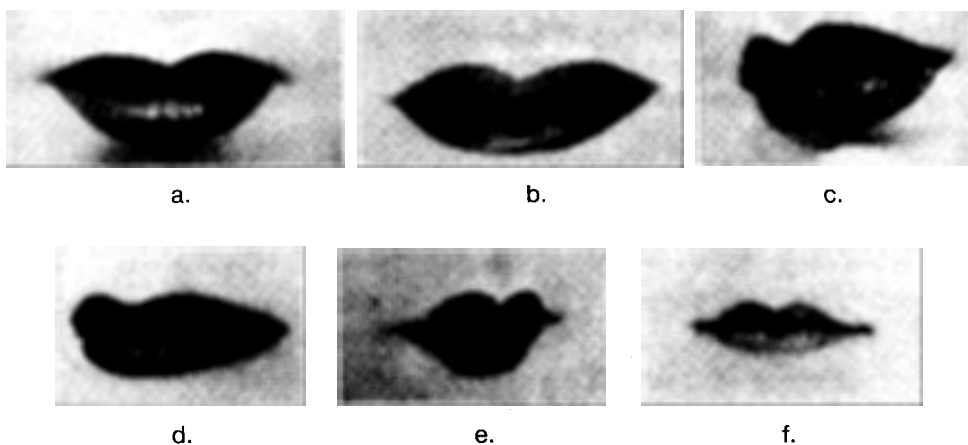

Рис. 248 а, b, c. Формы рта киноактрис, которые посредством толстых черных губ хотят подчеркнуть силу своей чувственности.

Рис. 248 d, e. Загримированные рты дам из общества. Рисунок f показывает, как выглядит красивый женский рот в действительности.

относительно опущенного верхнего века на глазах у актрис. Даже если актрисы не готовятся к съемкам, они подражают тому же идеалу «женщины-вамп» в своей общественной жизни, и соответствующим образом **гримируются** (рис. 248d,e). Наконец, тому же идеалу следуют дамы света и полусвета. Эта мода действует как проклятие, вновь и вновь порождающее уродство. Однако немецкие женщины постепенно приходят к пониманию того, что такие нарисованные губы не красивы и не эстетичны. За границей дело так далеко не заходит. Многие киноактрисы рано приходят к пониманию того, что нарисованные киногубы не красивы. В последние годы я наблюдал у четырех известных киноактрис, как они в своих первых фильмах были очень скупы и экономичны в нанесении краски на губы, так что изначальная форма губ не искажалась, и очаровательная игра уголков рта и самой ткани губ полностью сохранялась. Своей натуральной игрой и своим женским шармом они одним ударом завоевывали сердца зрителей. При этом наверняка их неиспорченные гримом губы играли в этом успехе большую роль. Когда же они становились знаменитыми, то подпадали под влияние известной атмосферы кино и вынуждены были рисовать себе киногубы. Благодаря этому природное очарование лица тотчас исчезало, и, соответственно, успех был гораздо меньше, чем в их первых фильмах. Поскольку многие люди больше не знают, как выглядит красивый ненарисованный женский рот, я привожу такое изображение на рис. 248f.

Кино обладает большой суггестивной и воспитательной силой. Это выражается в том, что даже заблуждения и абсолютная безвкусица, как клоунский рот, «занавешенные» глаза и совершенно невозможные брови находят своих подражателей. Однако кино может пробудить интерес и к правдивости, естественности и простоте. Тогда его влияние на женщин было бы благоприятным. Поэтому я и сосредоточил внимание на заблуждениях и «злоупотреблениях» киноиндустрии. Мне могут возразить, что освещение, особенно в сценах, берущихся крупным планом, требует такого грима. Однако успех у актрис, избегающих нарисованных губ, свидетельствует об обратном. Против этого говорит и то, что мужчины прекрасно обходятся без нарисованных губ.

Греческий женский рот

Особого обсуждения требует женский рот в греческой пластике. Он значительно отклоняется от идеала красоты Тициана. Полные губы лишены четких очертаний, дуга Амура выражена менее отчетливо, а сужение губ к уголкам рта только намечено. Из уже обсуждавшихся картин на греческий рот походит в наибольшей степени рот Форнарины. Разве только средняя часть нижней губы у греческих богинь часто развита сильнее (рис. 246). Из этого нельзя делать вывод, что греческий рот был другим, чем форма рта людей Возрождения или нашего времени. Потому что есть изображения, на которых форма рта вполне соответствует современным.

Почему греческие скульпторы изображали рот своих богинь именно таким? Если представить этот божественный рот у современной женщины, то он не

производит впечатления прекрасного. Нельзя сомневаться в том, что среди гречанок, которые были так хорошо сложены, часто встречались такие же очаровательные и соблазнительные формы рта, как у женщин Тициана или Рафаэля. Если греческие скульпторы, несмотря на это, не захотели увековечить эти формы в мраморе, то это объясняется, скорее всего, тем, что тонко очерченные губы трудно адекватно передать в пластике. А именно, если голова статуи располагается выше, чем глаза зрителя, нижняя губа должна быть полнее и мощнее, чтобы производить соответствующее впечатление. И кажется вероятным, что именно по этой причине скульпторы делали среднюю треть нижней губы своих богинь чрезмерно мощной. Может быть, благодаря подчеркиванию средней части рта он должен был казаться меньше.

Было ли это преимуществом искусства того времени, должны оценить профессионалы. У меня складывается впечатление, что греческий женский рот благодаря этому отличается известным единообразием. Так что мы напрасно стали бы искать среди античных бюстов очарование Флоры или таинственную улыбку Моны Лизы.

ЛИЦО В ЦЕЛОМ

Я обсудил важнейшие изменения, которые происходят в области рта и глаз при мимической игре лица. Но возникает дальнейшая задача: для того, чтобы понять смысл лица в целом, нужно и рассмотреть его в целом. Я попытаюсь для этого обсудить и истолковать отдельные изображения. Чем старше становится человек, тем острее и глубже на лице запечатлеваются складки и морщины как результат человеческой жизни. Поэтому, в общем, лицо пожилого человека легче разгадать, чем лицо молодое. Однако я попытаюсь прояснить и молодые лица, а если у нас будут более поздние изображения этих людей, то мы также используем их в своем анализе. Мужчин с внушительными бородами я, к сожалению, вынужден был исключить. С точки зрения физиогномиста такая борода, хотя она может быть очень декоративной, скрывает и искажает важнейшие черты лица. Основная линия развития человеческого лица проходит от беззаботной веселости детства через необходимое самообладание молодости к разочарованиям и заботам позднего возраста. Этой линии я и хочу следовать, и поэтому я начну с лиц тех своих современников, которые сохраняют детскую радость выражения.

1. Радостные натуры

Хороший пример этого рода представляет собой Соня Гени, еще до того, как она привела свое лицо в соответствие с требованиями кино (рис. 247). В ее вытянутых вверх смеющихся уголках рта и плутовских глазах говорит детская радость, гордое сознание своих умений и сияющее веселье в связи с ее блестящим триумфом в фигурном катании, где она сумела завоевать звание мировой чемпионки.

Такое радостное выражение, которое основывается преимущественно на работе мышц смеха, *zygomaticus'a* и *isorius'a*, может сохраняться на лице достаточно долго. Примером может служить — Лотта Вертера. Первое изображение (рис. 249) представляет Лотту на 29-ом году жизни — 10 лет спустя после ее совместного пребывания с Гёте в Вецларе. Рот сформирован работой *zygomaticus'a*. Ротовая щель представляет собой вогнутую по отношению к носу дугу. Уголки рта вытянуты вверх. Рот демонстрирует все признаки радостной натуры. Некоторое противоречие этому представляют собой несколько меланхолические смотрящие вверх глаза. В них художник хотел изобразить *мечтательную* Лотту, которая высказывает другу свои мысли о свидании после смерти: «О, дух моей матери постоянно витает надо мной, когда я тихим вечером сижу вместе с ней, вместе со своими детьми. Когда я в тоске и со слезами обращаюсь к небу и хочу только, чтобы она могла видеть, что я держу свое слово, которое я дала ей в минуту смерти».

Рис. 249. В возрасте 29 лет.

Рис. 250. Молодая женщина.

Рис. 251. Пожилая женщина.

Рис. 249–251. Лотта Вертера.

Но такой трактовке не соответствуют результаты исследований творчества Гёте. Сентиментальные, мечтательные и неземные черты Лотты были привнесены Гёте. *Настоящая* Лотта, согласно Герману Гримму, была всего лишь «очень простой и очень любезной немецкой девушкой, о которой нельзя было сказать ничего особенного». Если же, несмотря на это, художник изобразил Лотту мечтательной, то это произошло вследствие того огромного впечатления, которое произвел на публику роман. Однако молодые девушки, которые носили это имя, больше не хотели, чтобы их называли так, поскольку они считали, что они не достойны носить имя этой святой женщины (Герман Гримм).

Характер *настоящей* Лотты передает скорее второе, более позднее изображение (рис. 250) — это женщина, целиком погруженная в действительность, которая твердо стоит на своих ногах, которая постоянно чем-то занята и которая

все, к чему она прикасается, будь то приготовление **бутербродов** для ее маленьких братьев и сестер или установление порядка в доме, **делает ловко** и с неувядающей веселостью. Ее глаза смотрят отнюдь не на небо — **ее взгляд** вполне земной и направлен на ближайшее окружение. И ее глаза не слишком широко открыты. Ротовая щель более вытянута, отчего изначально достаточно полные губы становятся тоньше. Они, особенно верхняя губа, четко очерчены и больше не выступают вперед, но скорее прилегают к зубам. Линия рта, как и ранее, представляет собой вогнутую по отношению к носу дугу, однако уголки рта не так сильно вытянуты вверх, как на первой картине. По-видимому, Лотта не так много смеется, как перед написанием первой картины. Она познакомилась с суровыми сторонами жизни; она столкнулась уже со многими неприятностями и была вынуждена научиться справляться с ними, отчего уголки рта вытянуты наружу *buccinator*-ом, мышцей разочарования; губы прижаты к зубам, благодаря чему красная ткань губ менее видна — она становится уже. В своем предельном проявлении эти черты демонстрируют признаки даже ожесточения. Однако Лотта сохранила свою душевную веселость до позднего возраста. На изображении семидесятилетней Лотты (рис. 251) можно увидеть все ту же вогнутую дугу ротовой щели, хотя уголки рта более не вытянуты вверх. Они начинают вытягиваться скорее вниз — признак того, что достаточно часто вступает в действие *triangularis*. Нижняя губа стала толще, более выдвинута вперед и даже несколько нависает, как при выпяченной нижней губе. Четко прорезанная носогубная складка вблизи крыльев носа говорит о том, что ее обладательница часто морщит нос. Значит, в своей позднейшей жизни Лотта достаточно часто имела поводы к недовольству и упрекам. Это легко понять, если принять во внимание, что Лотта подарила своему супругу двенадцать детей. Но, все-таки, в лице этой старой женщины сохраняется остаток радости молодости. Об этом же свидетельствуют ясные и достаточно широко открытые глаза для такой пожилой женщины. Большая часть жирового слоя верхнего века отсутствует. Благодаря этому тарзальный край становится шире. Глаза несколько погрузились в глазницы и стали глубже. Натяжение ткани, тургор верхнего века, утрачен, и работа мышцы, поднимающей веко, затруднена. Уже на помощь должен приходиться *frontalis*, чтобы удерживать глазницу достаточно широко открытой; вследствие этого брови вытянуты и очаровательная дугообразная линия бровей, которую можно наблюдать на первой и второй картинах, утрачена. Все эти изменения глаз и бровей настолько незначительны, что общее впечатление радостной натуры ими существенно не искажается (рис. 251).

Лишь немногие люди способны сохранить радостную натуру до преклонного возраста. Одной из таких редких женщин была супруга Мартина Лютера (рис. 252). На картине Гольбейна в Палаццо Корзини в Риме ротовая щель у супруги Мартина Лютера представляет собой вогнутую дугу с концами, поднимающимися вверх, что придает лицу почти веселое выражение. Однако вытягивающаяся вниз морщина у уголков рта говорит о том, что ей часто приходилось напрягать и *triangularis*, мышцу страдания. Но все-таки *zygomaticus*, мышца смеха, перевешивает. Для пожилой женщины достаточно широко открытые глаза с

Рис. 252. Жена Лютера. Гольбейн (галерея Корзини, Рим).

Рис. 253. Радостная натура даже в преклонном возрасте (Эрих Рецлафф).

булавовидно-тарзальным веком показывают, что ее дух еще живой и она сохранила острую наблюдательность. Такому толкованию черт ее лица хорошо соответствует то, что нам известно о личности фрау Кэтти. Наполненные радостью и веселостью письма Лютера к своей жене показывают, что он мог ожидать от нее отклика на свои лукавые замечания. Однако понятны и опущенные вниз уголки рта. Поскольку фрау Кэтти обладала, как сообщает Кёстлин, двумя серьезными пороками — высокомерием и властолюбием. Но супружеская любовь была сильнее, и Лютер был счастлив найти в ее лице «благочестиво преданную жену».

Во многих отношениях родственную натуру представляет собой старая женщина, которая сохранила значительную часть своей радостной натуры вплоть до преклонного возраста, о чем свидетельствует вогнутая по отношению к носу дуга рта (рис. 253). Однако и она наряду с радостями жизни познакомилась и с ее теневыми сторонами. На это указывают морщины у уголков рта, резко очерченные губы и морщина борца для столь пожилой женщины, а также морщины на бровных утолщениях. На то, что ее веселое настроение убывает, указывает сравнение правой и левой половин лица. Чтобы обнаружить различие между ними, достаточно закрыть одну половину. Правая сторона отчетливо демонстрирует улыбку, которая кажется не столько не вынужденно веселой, сколько саркастичной; левая же сторона серьезна, она отражает печальные опыты ее жизни.

На мужских лицах выражение веселости можно найти гораздо реже. Серьезное отношение к жизни проявляет мужчина по большей части гораздо суровее, чем женщина. Очень хорошо проявление радостной натуры сохранилось на лице Людвиг Рихтера (рис. 254). Картина относится ко второй половине его жизни. Уголки рта несколько приподняты вверх. Линия нерезко выраженной носогубной складки говорит о том, что она сформировалась преимущественно вследствие работы мышц смеха, *zygomaticus'a* и *risorius'a*, а быстрые и интенсивные движения губ этому рту не свойственны. Ясные и дружелюбно смотрящие глаза

несколько погрузились в глазницы, если сравнивать это изображение с его юношескими рисунками дрезденского периода. Небезынтересно узнать, что сообщают о личности Людвига Рихтера. Р. Мутер пишет: «Совершенная неприязнательность, большая доброта души, невинная веселость духа составляли существенные свойства его натуры». И это то самое, о чем говорит нам его лицо.

Об аналогичной естественной веселости души говорит изображение Клаудиуса (рис. 255). Ясные, широко открытые, направленные несколько вверх глаза священника серьезны; мышцы, сморщивающие брови, уже наметили отвесные морщины на внутренних окончаниях бровей. Но форма рта уменьшает серьезное выражение глаз. Кроме того, верхняя губа представляет собой очаровательную дугу Амура. Нижняя губа немного толстая, под ней намечена небольшая складка. Из этого можно сделать вывод, что Клаудиус часто выпячивал нижнюю губу; о том же говорят следы морщин у уголков рта. Хотя уголки рта вытянуты вверх и носогубная складка свидетельствует в пользу того, что Клаудиус часто смеялся. Но носогубная складка сформировалась не только под влиянием мышц смеха, *zygomaticus*'а и *risorius*'а. Поскольку она достигает крыльев носа и в ее возникновении участвовали, по-видимому, мышцы верхней губы и носа — а они являются мышцами недовольства.

Общее впечатление, которое оставляет у нас портрет — это радостный, жизнеутверждающий, добродушный умный человек. «Взошла Луна, золотые звезды сияют на синем небесном шатре...» Но и на эту жизнь падали свои тени. Его линия жизни была очень беспокойной и часто его преследовали заботы о хлебе насущном. Только датский кронпринц избавил от них тогда уже 45-летнего поэта, назначив ему небольшую пенсию. Так мы понимаем появились морщины у уголков рта, выпяченная нижняя губа и легкое выражение недовольства. Однако радость его натуры была сильнее.

Чем старше становятся мужчины, тем реже можно найти на их лицах выражение радости. Иногда на лицах мужчин в возрасте еще можно найти легкий намек на то, что серьезный рот еще может улыбаться, но эта улыбка не такая непринужденная, как у Людвига Рихтера.

Особого рода радостная натура *старого монаха*, чье изображение принадлежит Филиппино Липпи (рис. 256). По-видимому, он много смеялся в своей жизни, поскольку уголки рта отчетливо вытянуты наружу и вверх. Также и расположение верхней половины носогубной складки говорит о том, что она образована мышцами смеха, *zygomaticus*'ом и *risorius*'ом. Но в формировании ее нижней половины явно принимали участие *buccinator* и *triangularis*. И еще на носу располагаются косые морщины, о значении которых мы говорили ранее. Это означает, что обладатель этих морщин часто морщил нос. И, наконец, несколько прижатые и в то же время выпяченные губы говорят о том, что его дух не был свободным и радостным. Старик наверняка охотно смеялся над другими и мог при этом быть, несмотря на определенное добродушие, злобным и саркастичным.

Такую же натуру имел и *старый моряк*, чье изображение приводится на рисунке 257. Он прожил трудную жизнь, на что указывает морщина борца, находящаяся у основания носа, и морщины, порожденные мышцами, активными

Рис. 254. Людвиг Рихтер.

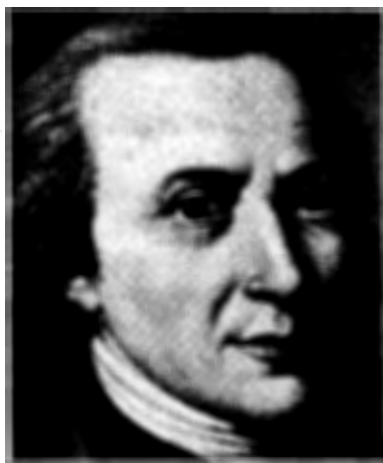

Рис. 255. Маттиас Клаудиус.
Поэт с лицом священника.

Рис. 256. Старый монах. Филиппино Липпи, Флоренция.

Рис. 257. Лукавый старик.

Рис. 254–257. Радостные натуры.

при сморщивании бровей. Но он все-таки остался радостной натурой, но, вероятно, как и монах Филиппино Липпи, отличался лукавством и хитростью.

Когда выше я говорил, что у пожилых мужчин редко можно встретить улыбающийся рот, нужно заметить, что это утверждение не совсем справедливо в отношении американских мужчин. Американские женщины требуют от своих мужчин, чтобы они при общении лицом к лицу сохраняли на лице дружественную улыбку. И эта привычка может сохраняться у американских мужчин до глубокой старости. Но можно заметить, что эта улыбка не исходит из порывов души. В голову приходит «faux rige» («ложный смех») Дюшена. Физиогномисту американские мужчины затрудняют работу. Нечто похожее мы находим на бюстах римских императоров. Возникают сомнения, были ли эти господа действительно

Рис. 258. Кардинал Тривульзио. Рафаэль. (Прадо, Мадрид),

Рис. 259. Картина неизвестного (Галерея Корзини, Рим).

столь дружелюбно настроены или такими их изобразил художник. Создается впечатление, что известное «улыбка в камеру» современных фотографов было хорошо известно скульпторам римских времен.

Под конец я привожу изображение одного кардинала, которому свойственно нечто таинственное и загадочное (рис. 258). Раньше принято было считать, что это изображение кардинала Бибьены, который стал знаменит — или приобрел дурную славу — благодаря своим легкомысленным комедиям. Затем всплыли другие имена — Алидози, Алибандри и Тривульзио. Но все это не вполне достоверно, так что в настоящий момент мы вынуждены ограничиться только физиогномическим толкованием этой личности.

Прекрасные, широко открытые тарзальные глаза, умный и жесткий взгляд совершенно ясно обнаруживают высокое духовное развитие этого человека. Бросается в глаза красивая форма рта. Верхняя губа по форме напоминает верхнюю губу Флоры Тициана. Нижняя губа тоже узкая. У этого человека не было привычки недовольно выпячивать нижнюю губу. Поэтому нет никакого намека на складку между нижней губой и подбородком. Губы прилегают друг к другу плотно, но без ожесточения, ротовая щель почти прямая, лишь уголки рта незначительно приподняты вверх, как бы намечая тихую улыбку.

Красивая форма рта обусловлена, конечно, наследственно. Но то, что она так хорошо сохранилась, связано, по видимому, с тем *самообладанием*, которое кардинал смог развить в себе в течение своей жизни. Самообладание обладает определенным характером. В следующем разделе мы обсудим различные виды самообладания. Сравним рот кардинала со ртом Якоба Фуггера, где самообладание граничит почти с ожесточенностью. Наш кардинал в своем самообладании умерен и сдержан. Подобные формы рта я наблюдал преимущественно у красивых женщин, которые от природы были любезны и веселы, но при этом сознательно овладевали собой, чтобы сохранить у себя

красивую форму рта. Я думаю, что нечто подобное можно предположить и относительно нашего кардинала. Он знал, что он красивый мужчина и, вероятно, он хотел таким и оставаться. Но при всем своем самообладании он оставался одновременно радостной натурой и наслаждался жизнью. Об этом говорят направленные вверх и наружу уголки рта и выраженная носогубная складка. Это единственная морщина на его лице! Никаких морщин в районе бровей, хотя можно предположить, что он, будучи умным человеком, часто предавался размышлениям; никаких морщин недовольства или досады. И тем в большей мере обращает на себя внимание носогубная складка. Сравним эту складку с аналогичной у мужчины, изображенным Лефевром (рис. 259). Здесь мы обнаруживаем глубоко прорезанный отрезок этой складки вблизи носа, что связано с интенсивной работой мышцы недовольства (мышцы носа и верхней губы) — у кардинала же в формировании носогубной складки мышцы недовольства не участвуют. У него задействованы мышцы смеха и *buccinator*, щечная мышца. То есть кардинал, несмотря на все свое самообладание, должен был очень часто и интенсивно смеяться. Этим объясняется не только носогубная складка, но и направленные вверх уголки рта. И тут возникает вопрос: чем был обусловлен этот смех? И в этом состоит таинственность картины. Эта улыбка не имеет никакого отношения к приемам наших фотографов или постоянной неискренней улыбке американских мужчин — она отчетливо отпечаталась на его лице. Пусть читатель попробует перед зеркалом повторить форму рта кардинала. Скорее всего, эта попытка не удастся, во всяком случае, если часто вступает в действие *triangularis* и сформировалась морщина у угла рта. Если на картине действительно изображен кардинал Бибьена, который писал «легкомысленные» комедии, то эта тихая ироническая усмешка хорошо объясняется. При всех обстоятельствах кардинал был очень образованным, хорошо владеющим собой, дипломатичным, отличающимся очаровательной завораживающей любезностью — для своих друзей. Для своих противников он был опасен своими одухотворенными острыми замечаниями, и, конечно, такой красивый мужчина, отличающийся к тому же каким-то таинственным шармом, почти как у Моны Лизы, должен был быть опасен для женщин. Картина была написана в последние годы жизни Рафаэля. Даже тот, кто не считает обязательным восторгаться любой картиной Рафаэля, здесь чувствует, что это — выдающееся художественное произведение, которое, при всех остальных его достижениях, занимает в его творчестве одно из первых мест.

2. Бесстрастные люди, владеющие собой

Вначале я попытался охарактеризовать радостные натуры; в третьем разделе я опишу лица, на которых свои знаки оставили заботы, печали и боль. Между этими двумя разделами располагается группа людей, на лицах которых мы не находим ни следов радости, ни следов страдания. Общим для всех этих лиц является то, что линия ротовой щели представляет собой почти прямую линию, а уголки рта не вытянуты ни вверх, ни вниз, а только наружу.

Каждый человек, достигший возраста 40–50 лет, в достаточной мере испытал в своей жизни радость или страдание. И если эти возбуждения никак не отразились на его лице, то это является доказательством того, что эти настроения и переживания не слишком его захватывали. Ни мышцы смеха, ни мышцы страдания не были у этих людей слишком активны.

Все эти лица можно разделить на две группы. У представителей первой все раздражения, которые затрагивают человека, сознательно подавляются. Это — *люди, умеющие владеть собой*. Я уже упоминал ранее, что овладение профессией требует значительного самообладания. Мышца, которая при этом бывает активна чаще всего, и которая активна в наибольшей мере — *buccinator*, мышца отказа и разочарования, которая покрывает всю область рта как повязка для усов, которая прижимает губы к зубам, вытягивает углы рта наружу, благодаря чему ротовая щель удлинняется, а губы при сильном сокращении становятся уже, так что на лице может сформироваться ожесточенное выражение.

У представителей второй группы работа мышц не играет большой роли, хотя *buccinator* при этом также часто несколько сокращается. Но главное у них заключается в том, что *люди этой группы не обладают темпераментом*; это, по большей части, холодные натуры, которым одинаково чужды выраженные эмоции, будь то радость или страдание.

Очень характерным для самообладания ртом обладает *неизвестный*, изображение которого находится в галерее Корзини в Риме с обозначением «Произведение Клаудио Лефевра» (рис. 259). Это суровый, а может быть, даже недружелюбный человек. Поскольку он владеет собой, изначальная форма губ и тонко очерченная дуга Амура сохранились. Достаточно плотно сжатые губы прижаты к зубам. Ротовая щель прямая. Хотя этот мужчина, как можно судить по его волосам, уже немолод, морщин на его лице немного. Присутствуют морщины у уголков рта. Также выражено начало носогубной складки. Она, очевидно, сформирована в результате деятельности мышц носа и верхней губы. А это является признаком того, что этот мужчина, несмотря на владение собой, часто выражал недовольство. В области его внимательных, глубоко посаженных, глаз морщин также немного. Никаких «гусиных лапок», никаких морщин в области бровей. Конечно, мы не знаем, так ли это, или художник намеренно отказался от изображения морщин или преуменьшил их количество. Но мы исходим из того, что мы видим, и анализируем то впечатление, которое производит на нас это лицо.

Я знаю достаточно много мужчин, которые обладают такими же узкими и тонко очерченными губами, как у этого неизвестного. Все они умны, владеют собой и все имеют привычку говорить не слишком громко, медленно и по делу. Я думаю, что такую же манеру речи можно предположить и для нашего неизвестного; и именно эта привычка сыграла решающую роль в сохранении очаровательной детской формы его губ. Конечно, узость его губ и их красивая форма обусловлены наследственно. Но если в последующей жизни человек по каким-то причинам много кричит, громко бранится, то вряд ли ему удастся сохранить эту врожденную форму губ.

Был ли этот неизвестный симпатичным человеком, который легко и с первого взгляда завоевывал сердца других людей? Я не думаю. В большинстве владеющих собой людей есть что-то холодное. Сдержанность, к которой они себя приучили, передается и другим людям, с которыми их сталкивает жизнь. Хотя бывают и исключения.

Одно из них представляет собой бюст Эзопа на Вилла Альбани в Риме.

Впервые я увидел этот бюст будучи студентом. Он произвел на меня глубокое впечатление. Позднее, когда я бывал в Риме, я всякий раз старался снова посмотреть на него. Однако ворота Вилла Альбани всегда были закрыты по распоряжению ее владельца, который до этого имел отрицательный опыт общения с посторонними посетителями. Лишь в 1928 году, благодаря стараниям одной моей любезной римской пациентки, у которой были хорошие отношения с владельцем виллы, мне удалось снова увидеть этот бюст. К этому времени я получил уже значительный опыт благодаря работе ортопеда. Самым странным при моем втором посещении было то, что я заметил, что в первый раз не обратил никакого внимания на горб. То же самое касалось и моих друзей. При этом горб был настолько тяжелым и уродливым, что мне лишь раз привелось наблюдать в своей медицинской практике нечто подобное. Как врач я констатировал, что болезненное состояние передано художником с большим мастерством. Но этого сначала совершенно не замечаешь, поскольку сразу очаровываешься завораживающей красотой этой благородной головы.

Скульптор, создавший этот бюст, должен был быть поистине великим художником. Как я говорил ранее, я обычно придаю волосам и бороде лишь декоративное значение. Но у Эзопа волосы самым решительным образом влияют на производимое впечатление. При тяжелых горбах голова и туловище прижимаются сверху вниз. Из-за этого формируется уродливая четырехугольная форма головы, которую обозначают как *sarut quadratum*. У Эзопа ничего этого не наблюдается. Волосы в несвойственной греческим головам манере подняты в высоту в виде своеобразной «уключины», а борода удлиняет голову вниз, так что от *sarut quadratum* ничего не заметно. На это обратил внимание еще археолог Х. Булле. Поверхностно расположенные глаза несколько мечтательно смотрят вдаль, как это часто бывает у поэтов и философов. Верхнее веко демонстрирует переход от детского века, напоминающего по форме кусочек персика, к булавовидному веку. Эзопу на этой скульптуре около 40 лет. В этом возрасте у думающих людей, как правило, стягиваются внутренние окончания бровей и появляются отвесные морщины, направленные от бровей к основанию носа. У Эзопа мы ничего подобного не видим. Он не ожесточился, несмотря на свою тяжелую судьбу, и не стягивает мрачно брови, но, напротив, сохранил веселость души, несмотря на все свои физические недостатки. О том же говорит его форма рта, который сохранил детскую форму. Лук Амура на верхней губе сохранился очень хорошо, а губы не такие узкие, как, например, у спондилитиков. В то время как у большинства его товарищей по несчастью уголки рта угрюмо и скорбно смотрят вниз, линия рта у Эзопа остается прямой, однако рот не вытянут в длину, как у спондилитиков. Губы покоятся друг на друге, но они не сжаты плотно или

ожесточенно прижаты. Все говорит о том, что Эзоп всегда сохраняет благородное самообладание. Красота души преодолевает неустройство тела.

На рисунках 259 и 260 передана, я считаю, самая чистая форма самообладания, какую только можно найти в моем собрании мужских лиц. И все-таки эти два лица совсем не похожи. У неизвестного четко очерченные губы плотно сжаты, тогда как у Эзопа они свободно покоятся друг на друге. Это незначительное, вроде бы, различие придает рту неизвестного более жесткое и строгое выражение, в то время как форма рта Эзопа говорит о дружеском расположении и мягкости.

Такую чистую форму самообладания, как у этих двух лиц, можно найти нечасто. Обычно примешиваются еще какие-то другие черты. Как, например, у философа Гербарта (рис. 261). Форма рта в целом и верхняя губа у него почти такая же, как и у неизвестного на рис. 259. Но нижняя губа толще. Если здесь речь идет не о наследственности, то Гербарт должен был часто «кривить рот», выдвигая нижнюю губу вперед, т. е. выражать презрение. Но, как правило, он, очевидно, этого не показывал. Он настолько хорошо владеет собой и корректен, что в голову приходит мысль о педантичности. И этому соответствует то, что известно о его личности. Прантль приписывает ему «доходящую до расщепления волоса» логическую чистоту в сочетании со скрупулезным «школьным» мастерством.

Другое изменение описанная выше изначальная форма рта при самообладании претерпевает благодаря более интенсивному напряжению *buccinator'a*. В качестве примера я привожу на рис. 262 лицо Якоба Фуггера, основателя фонда Фуггера. Ротовая щель сильнее вытянута в длину, чем у Эзопа и Гербарта. Намечена морщина у уголков рта, которая возникает в результате деятельности *buccinator'a*. Губы у Фуггера сжаты плотнее, чем у Гербарта, и нижняя губа от этого становится уже. Это рот, который говорит об очень большой степени самообладания. Ни радость, ни страдание не могут сдвинуть прямую линию его рта вниз или вверх. Хочется предположить, что он сдержанно оценивает перспективы принадлежащего ему большого дела. Взгляд холодный и трезвый; глаза смотрят, избегая какой-либо мечтательности; они, как и рот, выражают высокую степень самообладания. Наверняка он много и напряженно размышлял, однако его лоб и брови мало говорят об этом. Лишь внутренние окончания бровей несколько стянуты внутрь и вниз, что говорит о частой работе мышцы, сморщивающей брови.

Его биограф Якоб Штридер говорит о нем: «Душевное настроение взвешенной объективности, холодный расчет, с которым он приступал ко всем своим делам, сохранялось у него на протяжении всей жизни и предохраняло его от отчаянных спекулятивных предприятий». Об этом же говорит и его изображение.

В значительной мере мы находим особенности фуггеровского рта на изображении маркграфа Кристофа фон Бадена Ганса Бальдунга (Старая пинакотeka, рис. 263). Ротовая щель представляет собой прямую линию, видна лишь незначительная часть красной ткани губ. Его рот говорит о самообладании, возрастающем вплоть до ожесточения.

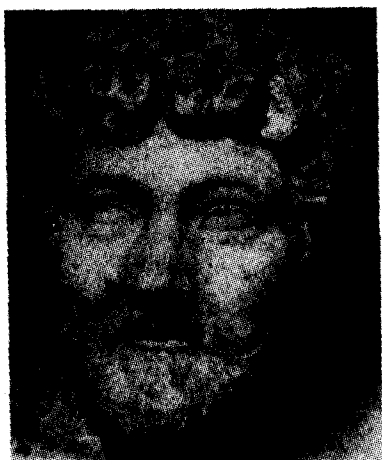

Рис. 260. Эзоп (Вилла Альбани, Рим).

Рис. 261. Герbart. Философ.

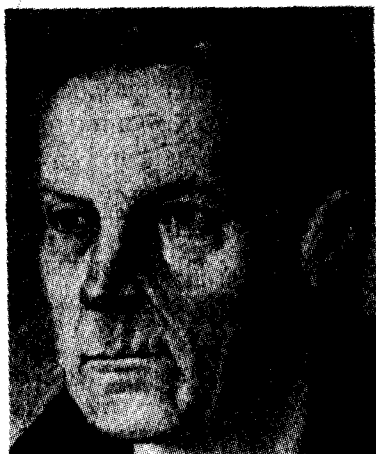

Рис. 262. Якоб Фуггер. А. Дюрер.

Рис. 263. Кристоф фон Баден.
Ганс Бальдунг.

Рис. 260-263. Мужчины, хорошо владеющие собой.

Кристоф был наследником баденского княжеского дома. Он был храбрым солдатом и опытным полководцем и сохранял верность уважаемому курфюрсту Филиппу Пфальцскому, несмотря на свою опалу. Это говорит о его прекрасном характере. Он был также благочестивым и заботливым счастливым отцом семейства (15 детей!). Со всеми этими замечательными качествами плохо согласуется ожесточенная форма рта. Но когда мы узнаем, что в конце своей жизни Кристоф заболел душевной болезнью и провел 11 лет в полном помрачении рассудка, мы поймем появление такой формы рта. Вероятно, появлению болезни предшествовали длительные периоды тяжелой депрессии, в это время его рот и приобрел выражение разочарования и ожесточенности.

Рис. 264. Эразм Роттердамский. Гольбейн (музей, Базель).

Рис. 265. Альбрехт Дюрер. Автопортрет (старая пинакотекa, Мюнхен).

Но среди владеющих собой людей нередко встречаются формы рта, при которых, хотя основную роль в их формировании играет *buccinator*, наряду с этим значительное влияние оказывают и другие мышцы. Хороший пример этого рода представляет лицо Эразма Роттердамского, черты которого Гольбейн запечатлел в целом ряде отличных картин (рис. 264). Эразм был образованнейшим человеком своего времени, и никто не мог превзойти его в ясности и остроте разума. Но о его характере высказываются не столь благоприятные суждения. Говорят, что он искал расположения сильных мира сего, а к простым людям часто был недружелюбен.

Его глаза говорят о духовной значительности и живости ума. Хотя этому ученому мужу вследствие исчезновения жирового слоя было трудно поднимать верхнее веко, поэтому он привлекал к этому мышцы лба, о чем говорят латеральные половины бровей, взгляд его ясный и твердый. Форма рта отражает его характер. Ротовая щель необычно сильно вытянута в длину. *M. buccinator* (мышца отказа и разочарования, щечная мышца) очень часто — особенно у сильных мира сего — работал активно, порождая сервильную улыбку, которую мы часто находим на лицах пожилых лакеев. Но и *triangularis* (мышца, опускающая угол рта) играл значительную роль в его мимике, что мы можем понять по морщине в уголках рта. Она сформировалась в общении с «маленькими людьми», в отношении которых Эразм не считал необходимым изображать дружеское расположение на лице. На картине, написанной 7 лет спустя (Парма, галерея) морщина у уголков рта выражена сильнее — признак того, что в течение этих семи лет Эразм выражал преимущественно недружелюбие.

Имеются, однако, примеры, противоречащие общему положению об узких губах, свойственных людям с способностью к самообладанию. Приведу изображение Альбрехта Дюрера (рис. 265) — автопортрет, написанный им, когда ему было 28 или, как считают многие исследователи его творчества, 36 лет. Нельзя

сказать, что этому лицу свойственна радость, хотя чувство юмора было не чуждо художнику, о чем свидетельствуют его письма к Пиркхаймеру из Венедига. Но и прямо противоположное состояние, тоска, нередко посещала создателя «Меланхолии». Он сам говорил о себе, что его душевная жизнь движется между «великими страхами». Маятник его настроений раскачивался между маниакальным и депрессивным полюсами. Но об этом нельзя судить по картине, если только не отметить то, что выражение широко открытых глаз необычно серьезно.

Способность к самообладанию препятствует отражению на лице очень существенных черт личности. Это относится к большинству людей, умеющих владеть собой. Поэтому для физиогномиста они гораздо менее поучительны, чем лица выражено радостных или печальных людей.

Полные губы несколько выдвинуты вперед и поэтому еще сильнее подчеркнуты. Это та форма рта, которую я ранее определил как оценивающий или проверяющий рот. И, действительно, в это время Дюрер мог смотреть оценивающим взглядом на все, что его окружало: на людей, край, и, не в последнюю очередь, на характер живописи своих товарищей по профессии. И его глаза, верхнее веко которых претерпевает переход от века, напоминающего кусочек персика, к булавовидному веку, тоже смотрят испытующим, остро схватывающим взглядом. Позднее лицо Дюрера изменилось, но картины не настолько удались, чтобы можно было сравнивать.

Форма рта Дюрера очень похожа на одно лицо, которое ранее рассматривалось как автопортрет художника Ганса фон Мелема, а сегодня считается изображением патриция, господина из Мелема (рис. 266). Художник неизвестен. Губы очерчены четче, чем у Дюрера, также отчетливее выражена и работа *buccinator'a*. Лицо в целом производит впечатление более трезвое, жесткое и практичное, чем лицо Дюрера. Конечно, определенную роль тут играют длинные волосы и борода, обрамляющие лицо Дюрера.

Новую ноту приобретает лицо человека, умеющего владеть собой, когда к нему добавляется ожесточение. Это особенно выражено на портрете неизвестного, написанного Парисом Бордоне (рис. 267).

У его рта, который обнаруживает все признаки самообладания, четко очерчены губы и, в отличие от Фуггера и Кристофа фон Бадена, вывернуты наружу. Эта форма губ, по-видимому, обусловлена не только наследственностью, но скорее активной работой мышц лица. Видна также деятельность мышц носа, что приводит к формированию прилегающей непосредственно к крылу носа носогубной складки. Сморщивание носа хорошо согласуется с ожесточенным, отталкивающим выражением губ. Также и брови, внутренние окончания которых сильно стянуты вниз и вовнутрь, усиливают мрачное выражение. Умный, волевой и деятельный господин, которому, однако, весьма трудно угодить!

Все описанные виды самообладания обусловлены работой мышц лица. Но есть, как я уже выше говорил, еще одна форма самообладания, которая не имеет с этим ничего общего. Мы находим ее у людей, которые наследственно одарены нечуткой, неотзывчивой, холодной, как лед, личностью, и которым поэтому не

Рис. 267. Самообладание и ожесточение у неизвестного, Парис Бордоне (палаццо Дория, Рим.)

Рис. 266. Патриций из Мелема. Художник неизвестен (пинакотекка, Мюнхен.)

нужно тщательно скрывать свои переживания, в той мере, в какой они переживают что-то радостное или печальное, поскольку они, как правило, остаются при этом бесчувственными и неподвижными. Часто речь идет о тупоумных и скучных личностях. В разделе о лишенных темперамента женщинах я привожу некоторые примеры. Конечно, между двумя этими группами существуют переходные формы, при которых умение владеть собой сочетается с прохладной и бесчувственной натурой.

Такой личностью был Генрих VIII Английский. Необыкновенно поучительны физиогномические исследования изображений короля на картинах, написанных мастерски рукой Гольбейна (рис. 268). Они, по словам Пауля Ганца, написаны с верностью оригиналу и, по своему художественному выражению, представляют собой высшую точку, которой не достигал ни один другой мастер по эту сторону Альп.

Как и все свои модели, Гольбейн изобразил короля с определенной сдержанностью, которая лучше передает характер этой личности, чем может показаться на первый взгляд. В то же время можно увидеть основные черты характера короля. На других картинах Гольбейна, на которых изображена вся фигура, Генрих стоит с необычно широко расставленными ногами, правая рука опирается на бедро, левая поддерживает оружие, а голова гордо запрокинута назад. Видно, что Генрих мощно сложенный, но предрасположенный к ожирению мужчина. Если сначала не обращать внимания на лицо, то по повторяющейся на всех изображениях позе можно заключить, что король — энергичный мужчина, но, в то же время, хвастун и бахвал — в этом последнем отношении он очень похож на почтенного Фальстафа.

Но рассмотрим лицо. Взгляд, направленный несколько вниз, смотрит не на непосредственное окружение, но и не вдаль. Взгляд не твердый, а несколько расплывчатый. Это часто можно наблюдать у сдержанных, недоверчивых и

Рис. 268. Генрих VIII Английский. Гольбейн (Национальная галерея, Рим).

Рис. 269. Анна фон Клеве, четвертая супруга Генриха VIII. Гольбейн (Лувр, Париж).

хитрых людей. Глаза расположены, как это и должно быть при развитом жировом слое, поверхностно. Глазницы — в сравнении с глазами Вероккио или Дюрера — раскрыты нешироко. Причина заключается, по-видимому, в развитом жировом слое. Чтобы поднять вверх верхнее веко со столь развитым жировым слоем, требуется гораздо большее напряжение мышцы, поднимающей верхнее веко, чем при худом верхнем веке. И, действительно, работы только мышцы, поднимающей верхнее веко, оказывается недостаточно для короля. В действие вступает вспомогательная для леватора мышца, *frontalis*. Это можно видеть по латеральным половинам бровей, которые вытянуты в высоту. Это одинаково отчетливо видно не на всех картинах. На картине, находящейся в Альторпе, это не так заметно. Но на картине в Риме, на копии в Виндзоре и на рисунке мелом, хранящемся в Мюнхене, можно это хорошо разглядеть. Тот, кто знает характер короля из исторических сочинений, может, вероятно, предположить, что в нешироко открытых глазницах выражается его презрение и недоверие к окружающим. Так же можно истолковать и его взгляд. Но при презрении веко активно наполовину прикрывается *orbicularis*'ом, и его нижний край представляет собой почти прямую линию. А в случае Генриха VIII это не так. Сравним нижний край века короля с таковым у изображения старика (рис. 77), где наполовину прикрытая глазница очень хорошо выражает презрение. Тот же факт, что правый глаз открыт несколько шире, чем левый, не может сообщить нам ничего существенного. Подобного рода асимметрия встречается достаточно часто.

Медиальные половины бровей стянуты вниз мышцей, сморщивающей брови; однако сокращение этой мышцы невелико, поскольку существенного смещения внутренних окончаний бровей за среднюю линию не происходит и морщины, которые образуются в результате деятельности мышцы, сморщивающей брови, не формируются, даже в виде намека. В целом его глаза говорят о том, что этот сильный, полный мужчина внимателен, хитер и умен.

Его форма рта говорит нам намного больше. Для взрослого мужчины она необычно мала. Решающую роль тут играет, конечно, наследственность, потому что у сына короля, принца Уэльского (рис. 217) рот также необычно мал. Однако можно было бы ожидать, что ротовая щель постепенно вытянется в длину, как мы это наблюдаем у большинства людей, когда мышцы у уголков рта, *zygomaticus*, *buccinator* и *triangularis* часто и интенсивно сокращаются. Но у короля совершенно определенно этого не происходит. Отсюда можно сделать вывод, что взрывы страсти не играли существенной роли в его душевной жизни. *Orbicularis*, круговая мышца рта, которая вступает в действие при испытующих, самодовольных и угрожающих чертах характера, развита сильнее, чем мышцы у углов рта.

Губы несколько выдвинуты вперед. Это особенно хорошо видно на рисунке мелом Гольбейна в Графическом собрании в Мюнхене. В жизни, возможно, губы у короля были выпячены вперед еще в большей степени, и, возможно, Гольбейн несколько сгладил эту черту. Но, в любом случае, с изображенных на картинах выдвинутых вперед и стягиваемых кольцевой мышцей губ на нас смотрит критически испытующий дух, ухмыляющееся самодовольство, не лишенное угрожающего выражения.

Я полагаю, что короля не так-то легко было вывести из себя; он должен был быть человеком, который, как правило, умеет хорошо владеть собой. О способности к самообладанию говорит также прекрасно сохранившаяся форма лука Амура на верхней губе. Нельзя, однако, исключать и того, что иногда Генрих все-таки впадал в гнев; при этом он угрожающе еще больше выпячивал губы вперед. Он мог и посмеяться, но не включая *zygomaticus*, который вытягивает уголки рта наружу и вверх. Об этом можно судить по тому, что участие *zygomaticus*'а в формировании носогубной складки едва намечено. Но грохочущий издевательский смех с преобладанием «хо-хо» возможен и при только выдвинутых вперед губах, без того, чтобы уголки рта вытягивались наружу. Этот вид смеха мне часто приходилось встречать у мужчин, говорящих басом. При таком типе смеха совершенно невозможно представить у человека проявление сердечности и теплой радости. Такой тип смеха я наблюдал особенно у хороших исполнителей Фальстафа, и похожий тип смеха мог быть, я думаю, у короля. Всегда возможен такой тип смеха у толстого, мощного мужчины, говорящего басом.

А каково изображение Генриха VIII в исторической традиции? Работу по выяснению этого вопроса очень облегчила для меня книга Френсиса Хэкетта, в основу которой легли «Письма и бумаги времен царствования Генриха VIII», (21 том, 20000 страниц!) и другие чрезвычайно богатые материалы.

То, что человек, который добился отделения английской церкви от Рима и создал фактически собственную церковь во главе с королем, был энергичен и умен, очевидно. Он должен был также обладать мужеством и храбростью. Об этом говорят многочисленные схватки, в которые он ввязывался. О темпераменте короля Хэкетт говорит следующее: «Не в привычке Генриха было в присутствии посторонних позволять себе впасть в ярость. Хотя он легко доходил до точки кипения и его захватывали мощные побуждения, которые, казалось, заставят его зайти дальше всяких мыслимых целей, но мы видим по его рту, что он всегда был

в состоянии проявлять осторожность и был способен владеть собой; многие посетители сообщают, насколько любезным и вежливым они его находили». Это очень хорошо согласуется с результатами моего физиогномического исследования. О том, насколько сильно было самообладание короля, гораздо отчетливее, чем исторические сведения, говорит его изображение. При изображении исторической личности физиогномическое исследование черт лица может оказаться очень ценным. Сообщения современников часто не вполне объективны — они склоняются в пользу соответствующей личности или против нее. Картина же может открыть нам гораздо больше.

Недоверие, хитрость, самодовольство и указание на brutality, о которых, по нашему мнению, говорит это лицо, подтверждаются историческими исследованиями. Но в полном объеме ужасный характер короля на картине не выражен. Жестокость и грубость Генриха VIII превосходили всякую меру. История шести его браков хорошо известна. Он убивал своих канцлеров и советников, которые верно служили ему, а затем забирал те роскошные подарки, которые им сам перед этим делал. Это была существенная часть его финансовой политики — убивать богатых людей или закрывать монастыри и аббатства и присваивать себе их собственность. И, несмотря на это, король не считал себя преступником. Он считал себя благочестивым, потому что ежедневно ходил к мессе; он относил известное высказывание «что Бог ни делает, все к лучшему» к себе самому. Иногда он мог даже заплакать от умиления. Если описанные качества короля не нашли выражения на картине, то это объясняется той высокой степенью его самообладания, которая была ему свойственна.

С самого начала можно было бы ожидать, что самообладание на лицах женщин выражено не так определенно и жестко, как на лицах мужчин. Большинство женщин говорят не так определенно и акцентировано, как мужчины, и поэтому моделирующее воздействие языка на них влияет гораздо менее значительно. Но встречаются все-таки и женщины, которые обнаруживают черты самообладания.

Хорошим примером способности к самообладанию у женщины при одновременной любезности является Анна фон Клеве, одна из шести жен Генриха VIII (рис. 269). Вид самообладания похож на таковой у изображенного на рис. 259 мужчины. Однако губы очерчены не так четко, поскольку женщины, как правило, говорят не так определенно, как мужчины, но тихо и медленно. Анна фон Клеве была умной женщиной. Об этом говорит дипломатическая ловкость, с которой она входила в роль супруги после отставки предыдущей королевы и как умело сохраняла свое положение при английском дворе. Согласно картине и имеющимся историческим сведениям, она вряд ли была несимпатичной женщиной. Было бы совершенно неверным интерпретировать опущенное верхнее веко ее глаз как указание на чувственность или сексапильность. Во время бракоразводного процесса были преданы гласности все ее интимные тайны, и они свидетельствуют об обратном. Брак был расторгнут потому, что Анна не соглашалась в полной мере удовлетворять чувственность короля. Опущение верхнего века объясняется слабым напряжением мышцы, поднимающей верхнее

веко, что, в свою очередь, обусловлено преждевременным исчезновением жирового слоя на тарзальных глазах.

Чем менее выражен темперамент женщины, тем легче ей дается стремление к самообладанию. Такой женщиной была и Монтефельтро, герцогиня Урбинская (рис. 270, Флоренция). Губы сжаты неплотно, как у Анны фон Клеве, но полная верхняя губа расслабленно покоится на узкой нижней губе. Хорошая сохранность детской формы губ говорит о том, что мышцы рта в течение ее жизни были не слишком активны, и поэтому можно предположить, что дама обладала привычкой к мягкой и дружелюбной речи, как у Корделии: «Ее голос был всегда мягким и нежным; ценная вещь для всякой женщины». Однако у нее были и тяжелые времена в жизни, на что указывает сформированная мышцами носа и верхней губы короткая носогубная складка. О глазах можно сказать то же самое, что и о глазах Анны фон Клеве.

Урбинский двор представлял собой высшее утонченное общество, и, согласно Й. Буркхардту, княгиня была высокообразованной женщиной. Однако следует заметить, что, согласно сообщению, полученному мной от проф. Брунса из Рима, нет полной уверенности в том, что изображенная на находящейся в Уффици картине женщина действительно герцогиня Урбинская.

Способность к самообладанию, подобное тому, которое мы находим у предполагаемой герцогини Урбинской и Анны фон Клеве, решающим образом способствует сохранению вплоть до пожилого возраста детского очарования губ. Я часто встречал женщин, которые и в возрасте 50 лет обладали четко очерченным «ртом Флоры». Но для того, чтобы сохранить детскую красоту формы рта, самообладание должно быть связано еще с действительной внутренней любезностью. В то же время избыточное самообладание легко формирует ожесточенный рот. Границу в этом отношении демонстрирует как раз форма рта Анны фон Клеве.

Трогательный пример самообладания представляет собой лицо фрау Гольбейн (рис. 271). Супруга Гольбейна была простой горожанкой, которая в полной мере была знакома с жизненными заботами. На базельской картине она скромно смотрит вниз. Гольбейн на многих картинах сумел захватывающе передать красоту глаз мужчин и женщин. Почему же он не сделал это в отношении собственной жены? Я предполагаю, что этот усталый взгляд, направленный на детей и дом, был настолько характерен для женщины, что Гольбейн правдиво передал его, без оглядки на общую красоту картины. Глаза выглядят так, как будто их обладательнице приходилось много плакать.

Финансовые отношения Гольбейна были в эти годы не слишком благоприятны. В 1526 году он отправился в Англию, поскольку в Базеле у него было мало заказов. Благодаря заказам в Англии он несколько улучшил свое положение, но, когда он в 1528 вернулся в Базель, его дела пошли еще хуже. Адресованные ему обвинения в рамках иконоборчества подготавливались уже с 1528 года, но были предъявлены в 1529-ом. Сколько и какие именно картины стали причиной этого, мы не знаем, однако предписание совета, который под угрозой тяжелого наказания запрещал церковные изображения и изображения

Рис. 270. Э. ди Монтефельтро, герцогиня Урбинская (галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 271. Мать с двумя детьми. Гольбейн (музей, Базель).

Рис. 272. Джейн Сеймур, 3-я жена Генриха VIII. Гольбейн (собрание картин в Вене).

Характерную для способности к самообладанию форму рта создает толстая нижняя губа.

Рис. 273. Изображение женщины (Гарлемская школа, около 1617, пинаотека, Мюнхен).

святых, показывает, что у Гольбейна были основания для серьезных опасений. Эти заботы отчетливо проявились на портрете его жены. К этому добавились ее печаль — она знала о супружеской неверности мужа, поэтому и в целом можно предположить, что фрау Гольбейн не могла в это время быть довольна своей жизнью.

Лицо выражает усталость, губы свободно покоятся друг на друге, очаровательная линия дуги Амура на верхней губе почти утрачена, линия губ очерчена нечетко. Форма рта выражает разочарование и бессилие. Ко времени

написания картины фрау Гольбейн наверняка научилась уже владеть собой и предположительно переносила все молча, видимо она старалась выполнять свой долг, но вернуть в дом радость и веселье ей было уже не под силу. Об этом говорят и серьезные лица ее детей. Согласно Паулю Ганцу, Гольбейн написал эту картину для самого себя. Она не была предназначена для чужих глаз. Эта картина Гольбейна, по-человечески, наверное, самая захватывающая из всех его творений, была, вероятно, создана в час самоуглубления и раскаяния.

Разумеется, на лицах женщин, хорошо владеющих собой, мы находим те же сочетания с ожесточенными или толстыми губами, как и у мужчин. Я приведу два примера: выпяченная нижняя губа у Джейн Сеймур (рис. 272) и изысканное изображение Гарлемской школы женщины, волевой, с чертами ожесточения и носогубной складкой недовольства (рис. 273) — основные черты ее лица в точности соответствуют недовольному господину на рис. 267.

В заключение немного поговорим о женщинах, не обладающих ярко выраженным темпераментом. Сюда можно отнести большую часть изображений Мадонны. Это легко понять. Богоматерь должна быть выше радости или страдания. Также и многие женские головы греческой и римской пластики являют рот, лишенный темперамента. Сказать, что они очень уж привлекательны, нельзя. Иногда отсутствие у них темперамента возрастает до скуки. Это относится, например, к изображению Лукреции Панкиатици, придворной дамы супруги Козимо I (рис. 274). Большие глаза с прекрасными булавовидно-тарзальными веками выглядят пусто. Лицо обладает хорошей формой губ, хотя губы очень полные. Если бы мы, опираясь на форму ее губ, сделали вывод о радостной или даже чувственной натуре, как это часто бывает, мы впали бы в заблуждение. Бронзино, который написал эту картину, впоследствии восхваляли за то, что он хорошо сумел передать надменную, высокомерную, «испанскую» сущность оригинала. Насколько можно судить по этой картине, жизнь при дворе Великого герцога Тосканского не была слишком интересной и занимательной. Об этом же говорит и изображение самой Великой герцогини (рис. 291).

3. Лица, отмеченные страданием

Способность к самообладанию редко сохраняется до позднего возраста. Как правило, с годами накапливаются разочарования, и это отражается на лице. Причем в первую очередь это проявляется в форме рта. Уголки рта больше не смотрят наружу, но угрюмо вытягиваются вниз. Triangularis, мышца страдания, скорби, заботы и презрения, напрягается чаще всего и становится определяющей для выражения лица.

Универсальное начало проявления работы triangularis'a показывает лицо юноши из Уффици, которого запечатлел Перуджино (рис. 275). Глаза с красивыми булавовидно-тарзальными веками располагаются поверхностно. Глазницы у молодого человека широко открыты; это значит, что он принимает участие в своем окружении. Но рот говорит о том, что он печален. Уголки рта направлены

несколько вниз. Однако до образования морщин у уголков рта не доходит, поскольку работа *triangularis* для этого еще недостаточна; однако нижняя губа несколько отвисает — можно говорить о начинающемся выпячивании нижней губы. Губы полные и мягко обрисованы; они свободно покоятся друг на друге. Есть ли у молодого человека серьезные основания для уныния? Был ли он религиозным мечтателем? Или же художник передал то его состояние, которому он особенно симпатизировал? Это кажется наиболее вероятным, поскольку это выражение меланхолии часто повторяется на картинах Перуджино.

Несколько сильнее запечатлелась работа *триангулариса* на лице мастера алтаря — Ганса Лейкмана (Мюнхенской пинакотекы, рис. 276). Ротовая щель, вытянута в прямую линию, но небольшая морщина у уголков рта, указывающая вниз, уже сформировалась — признак того, что мышца страдания, *триангуларис*, активна уже длительное время. Одновременно при этом могла возникнуть и толстая нижняя губа. Также и глаза говорят о том, что вряд ли молодой человек обладает радостной натурой. На верхнем веке, а именно в области внутренних углов глазниц можно заметить необычное для этого возраста исчезновение жирового слоя. Вероятно изначально глаза располагались более поверхностно и позднее погрузились глубже вследствие исчезновения защитного жирового слоя. Молодой человек не проявляет слишком большого интереса к миру, иначе мышца, поднимающая верхнее веко, у него была бы напряжена в большей степени и глазницы были бы раскрыты шире. Возможно, выражение страдания на этом лице обусловлено болезнью.

Совершенно иное впечатление производит лицо т. н. Кристофа Фуггера (Кристоф Амбергер, Пинакотекы, рис. 277). Это молодой мужчина, который твердо стоит на почве действительности. Глаза широко открыты, но, несмотря на это, они ни о чем не говорят. Жировой слой хорошо сохранился, что показывает веко, по форме напоминающее кусочек персика. Вообще, вся верхняя часть лица могла бы принадлежать ребенку. Этому впечатлению существенно способствует широкое расположение глаз. Расстояние между внутренними углами глазниц почти такое же, как между углами рта. Это свойственно большинству детских глаз. Но в выпяченных вперед губах запечатлелось развитие brutального и презрительного выражения, хотя уголки рта к этому времени вытянуты вниз незначительно. По поводу того, что изображенный на картине мужчина является Кристофом Фуггером, в новейшее время высказываются сомнения, но изображенный на картине тоже должен был быть сыном богатых родителей — он чванлив и, вероятно, любит кричать и браниться.

Неприятным и хвастливым человеком должен был быть и Пьетро деи Медичи (рис. 278). Губы ожесточенно сжаты, благодаря чему они становятся узкими, четко очерчены. Уголки рта более отчетливо вытянуты вниз, чем на рис. 277, также и морщина у уголков рта более выражена. Это означает, что *триангуларис* сокращался достаточно часто. Вряд ли Пьетро был симпатичной личностью. Об этом говорит и то, что однажды он — когда во Флоренции был сильный снегопад — потребовал от Микеланджело, чтобы тот изготовил во дворе Палаццо Медичи снеговика (Э. Хейк). Как сын Лоренцо Великолепного он получил богатое

Рис. 274. Лукреция Панкиати. Бронзино.

Рис. 275. Изображение неизвестной работы Перуджино.

Рис. 276. Ганс Лейкман. Мастер алтаря Бартоломеуса.

Рис. 277. Кристоф Фуггер. Кристоф Амбергер.

наследство, но оказался совершенно несостоятелен. В конце концов он был изгнан из Флоренции и умер в изгнании.

Гораздо более симпатичное лицо было у Вероккио (рис. 279). Его достаточно широко открытые, ясно и критично смотрящие глаза, плотно прижатые друг к другу узкие губы и вытянутые наружу и несколько вниз уголки рта говорят о серьезности, энергии и упорстве. Лица Рафаэля и Дюрера указывают на мощную художественную интуицию, тогда как лицо Вероккио говорит скорее об исследовательской активности и работе разума. Если сравнить лица Рафаэля и Дюрера с лицом Вероккио, то он предстает трезвым рассудочным человеком, в то время как они — обласканные Богом творцы. Стянутые вниз внутренние окончания бровей у Вероккио указывают на то, что он много размышлял. Рот

Рис. 278. Пьетро деи Медичи. Мино да Фьезоле (Национальный музей, Флоренция).

Рис. 279. Андреа Вероккио. Лоренцо ди Креди (галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 280. Граф Вольфганг фон Оттинген. М. Шаффнер (Старая Пинакотека, Мюнхен).

Рис. 281. Портрет мастера строительного дела. Кёльн, около 1490 г. (Старая Пинакотека, Мюнхен).

говорит о том, что он не был избавлен от горьких опытов жизни и часто вынужден был подавлять свою досаду.

Мы немного знаем о жизни Вероккио, но то немногое, что сообщает о нем Вазари, хорошо соответствует такому выражению его лица. Согласно Вазари, Вероккио был «самым блестящим педагогом своего времени, универсальным умельцем Возрождения. Не бьющий ключом гений, но упорный работник, труды и прилежание которого охватывали все. При этом непреклонно, жестко и резко, как все преданные труду натуры, он выражал свое мнение. Наконец, он — человек огромной самокритичности!»

Очень явно выражены пессимистические черты на лице графа Вольфганга фон Оттингена (Старая Пинакотека, рис. 280). Из созданной В. фон Лёффельхольцем Оттингианы (1883) я узнал, что мать графа была итальянкой из Вероны. Это смешение немецкой и итальянской крови определенным образом отразилось в его лице. Развитое булавовидно-тарзальное веко и четкие очертания губ у потомков итальянских племен мы находим чаще, чем у представителей немецкого народа. Фон Лёффельхольц сообщает, что граф был усердным турнирным бойцом, а также проявил верность и храбрость на войне. Император Максимилиан за его военные заслуги присвоил ему право чеканить монету. Граф был болезненно озабочен тем, чтобы сохранить честь семьи Оттинген и принадлежащие ей блага. Из всего сказанного можно заключить, что граф был храбрым воином и его жизнь была богата успехами. Об этом и говорит нам его лицо. То, что он не был скрупулезным исследователем, видно сразу. Взгляд направлен скорее вдаль, чем на ближайшее окружение. Мышцы, сморщивающие брови, бывали активны у него нечасто, поскольку соответствующие морщины не сформировались.

Я часто наблюдал такие глаза у помещиков, которые смотрели на свои поля, критически оценивая состояние посевов. Все они демонстрировали приверженность семье и роду; в своих торговых предприятиях они проявляли последовательность и постоянство, надежность и порядочность; они были заслуженными и почетными гражданами. Но все они были немного чересчур будничны и просты. Я предполагаю, что граф обладал похожей личностью. Поражает то, что военная деятельность графа не слишком сильно запечатлелась на его лице. Но при этом нельзя забывать о различии времен. У сегодняшних военных, которые, склонившись над штабными картами, в тщательнейшей мыслительной работе на основании бесчисленных поступающих известий разрабатывают план сражения, мы почти всегда увидим глубокие бровные морщины. Но в те времена способ ведения войны был иным. Врага старались заметить еще издали, а затем в приподнятом воодушевленном настроении устремлялись навстречу схватке, как это описывает Гёте в одном из своих романов. Ротовая щель вогнута по отношению к подбородку, уголки рта опущены, т. е. проявляется типичное воздействие *triangularis*'а. Губы плотно прижаты друг к другу и несколько выпячены наружу, так что видна значительная часть слизистой. В этой форме рта проявляется жесткость, даже ожесточение. И с этим очень хорошо сочетается форма носогубной складки, которая наиболее глубоко и отчетливо прорезана вблизи носа. Мышцы смеха, в частности, *zygomaticus*, не принимали значительного участия в ее формировании; по преимуществу она обязана своим возникновением мышцам носа и верхней губы.

Рот плохо согласуется с тем немногим, что мы знаем об успешной жизни этого храброго человека. Конечно, может быть, что на его жизнь падали и тяжелые тени; но мне кажется более вероятным, что появление угрюмости и ожесточения, проявляющиеся в форме рта, обусловлено влиянием болезни.

На двух следующих лицах (рис. 281 и 282) мы не находим признаков большой духовной значимости. Но на этом основании еще нельзя исключить, что речь идет

Рис. 282. Граф цу Ринек. Матиас Грюневальд (Вальраф-Рихартц-музей, Кёльн).

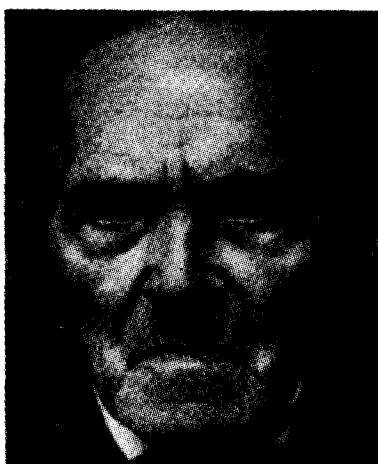

Рис. 283. Швальмский строитель мельниц (снимок Э. Лендвай-Дирксен).

об умных людях. Духовная сущность личности не всегда четко отражается на лице. У строительного мастера впечатление от глаз определяется преимущественно развитым жировым слоем век. Рот характеризуется работой триангулариса, мышцы страдания, и выдвинутой чуть вперед толстой нижней губой. У графа жировой слой в области глаз почти совершенно исчез. Намеченные «брови Лаокоона» придают лицу озабоченное выражение. Триангулярный рот с втянутыми губами говорит о сдержанности и ожесточении, однако на форму рта могло повлиять выпадение зубов верхней челюсти.

Я намеренно привожу здесь два обычных лица. Такие лица, как на рис. 281 и 282 можно увидеть в большом количестве, если вы несколько часов прогуливаетесь по улицам большого города. А то, что знаки, которые оставляет жизнь на лицах работников физического труда, те же, что и у работников труда духовного, показывает рис. 283. На нем изображен швальмский строитель мельниц. Великолепным снимком мы обязаны Эрне Лендвай-Дирксен. Выраженный триангулярный рот! Нижняя губа несколько утолщена. В остальном форма легко покоящихся друг на друге губ хорошо сохраняется. Вряд ли этот пожилой человек пережил много радости в своей жизни. Это показывает круто спадающая вниз серьезная носогубная складка, наиболее глубокая вверху, в области крыльев носа. О том же говорят и глаза. Складка борца и стянутые вниз брови, как и бровные морщины, повествуют нам о тяжелой жизни.

Лицо Иоганна Себастьяна Баха (рис. 284) поведает нам о тяжелой борьбе за признание и за ежедневный кусок хлеба. Он, как Вероккио, не проглатывал то горькое, что ему говорили или делали другие, но защищался и высказывал свое мнение громко и отчетливо. Об этом говорят необычайно развитые мышцы нижней половины лица. Об этом же говорят полные, угрожающе выдвинутые чуть вперед губы, выраженная морщина у уголков рта, вытянутые вниз уголки рта, пессимистически вытянутая в длину ротовая щель.

По сравнению с нижней половиной лица область глаз проигрывает в силе выражения. Сравним широко открытые, решительно смотрящие глаза Генделя с наполовину прикрытыми глазами Баха. Выражение этих глаз объясняется тем, что Бах с детства страдал сильной близорукостью — в последние годы своей жизни он совсем ослеп — и поэтому, вероятно, что он привык наполовину прикрывать глаза, чтобы лучше видеть. О том, что Бах серьезно и много работал, говорят стянутые вниз и к середине брови, и морщины, образованные мышцей, сморщивающей брови. И, если убрать декоративную рамку белого парика, мы получаем впечатление значительной личности, полной сил натуры борца и вождя. Но разве это лицо говорит о том, что Бах был одним из величайших немецких музыкантов?

Под конец я хочу обсудить лицо Роберта Майера, гениального первооткрывателя закона сохранения силы (рис. 285). В острых глазах исследователя ясно выражается духовное значение этой личности. Но форма рта представляет собой загадку. Правильное решение можно найти только тогда, когда становятся известны подробности жизни ученого. Роберт Майер страдал от маниакально-депрессивного помешательства. Поэтому он снова и снова попадал в психиатрические лечебницы, где его — в соответствии с уровнем психиатрии того времени — одевали в смиренную рубашку. В периоды возбуждения он, как сообщает его друг Рюмелин, громко крича, днями и ночами суетливо бегал по дому. При этом его губы угрожающе выпячивались, а рот приоткрывался. У него мог бы сформироваться рот с толстыми, вздутыми губами, как у французского парламентария (рис. 233). Но этого не произошло, поскольку в периоды депрессии он плотно сжимал губы, прижимая их к зубам, в то время как буккиратор вытягивал ротовую щель в длину, примерно как у маркиза Кристофа фон Бадена (рис. 263). Так возник рот, на который оказывали формообразующее влияние две противоположно направленные силы, маниакальное и депрессивное состояния.

Среди женщин 15-го и 16-го столетия интересные лица, в которых ярко отразилась жизнь, мы находим значительно реже, чем среди мужчин. Это можно, вероятно, объяснить тем, что женщины, после того, как очарование юности прошло, не видят уже смысла в том, чтобы запечатлеть свои лица на картине. Возможно, их мужья думают так же. Кроме того, следует добавить, что только богатые и знатные женщины могли позволить себе роскошь позировать перед знаменитым художником. Жены простых бюргеров, на лицах которых жизнь оставляла, как правило, гораздо более глубокие следы, чем на лицах аристократок, редко изображали художники, если только сам супруг не был художником. Образцовую картину жены художника оставил нам Дюрер (рис. 286). О жене Дюрера Агнес мы знаем, что она была преданной женой и хорошей экономкой, что она была болезненно озабочена тем, чтобы сохранить и преувеличить заработки своего мужа. На Нюрнбергской ярмарке она вместе с матерью Дюрера в рыночной палатке продавала гравюры по дереву, сделанные ее мужем. На рисунке из Вены, исполненным в серебристых тонах, мы видим грубоватую энергичную женщину с широко открытыми умными глазами. Так она могла,

Рис. 284. Иоганн Себастьян Бах.

Рис. 285. Роберт Майер.

наверное, выглядеть, когда высматривала покупателей в своей палатке на рынке; наверняка очень прилежная, проворная и бдительная коммерсантка, целиком нацеленная на действительность и желание заработать, но без какого бы то ни было следа романтики и мечтательности. Плотны сомкнутые и четко очерченные губы позволяют предположить определенный и решительный способ речи. Вытянутая в длину ротовая щель говорит о том, что разочарования не были для нее редкостью, а несколько вытянутые вниз уголки рта свидетельствуют о частой работе *triangularis*'а. Когда один из друзей Дюрера называет ее бранчливой и недоверчивой (по Х. Ветцольду), то, рассмотрев гравюру, можно согласиться с этим недружелюбным суждением.

В Парижской национальной библиотеке находится картина молодой женщины, которая многими исследователями признается как изображение фрау Агнес Дюрер (рис. 287). Учитывая полное соответствие рта и глаз в изображении молодой и пожилой женщины, я бы тоже согласился с тем, что на парижской картине изображена молодая фрау Агнес. Такие заканчивающиеся словно бы острием узкого кинжала четко очерченные губы встречаются не так часто, это наиболее вероятное совпадение. Если я не ошибаюсь в этом отношении, то фрау Агнес уже в юности была резкой и своевольной, потому что такие губы могли сформироваться только при частом проявлении недружелюбия и своеволия. Что же касается остро вытянутых уголков рта, то они возникли в результате интенсивных и, хотя и преходящих, но очень определенных сокращений *buccinator*'а (щечная мышца).

Я часто наблюдал у молодых женщин и девушек, особенно в обществе, это молниеносное сокращение *buccinator*'а, когда им говорили что-либо неприятное. И хотя затем ротовая щель сейчас же снова укорачивалась и на губах появлялась дежурная дружелюбная улыбка, я всегда относился с недоверием к этому равномерному, внутренне обусловленному дружелюбию. И, если у меня была возможность, наблюдать за этими дамами дальше, то я находил подтверждения

Рис. 286. Фрау Агнес Дюрер, 1520 г. (Альбертина, Вена).

Рис. 287. Фрау Агнес Дюрер. Молодая женщина (Национальная библиотека, Париж).

Рис. 288. Леди Маргарет Баттс. Гольбейн (Гарднер-музей, Бостон).

Рис. 289. Элеонора Дузе.

своим предположениям. Эта черта запечатлевается на лице очень рано. Форма рта, как у фрау Агнесс, должна послужить для молодых девушек предостережением. При возникновении недружелюбного выражения лица сначала активен один только буккинатор. Уголки рта вытягиваются прямо наружу и ротовая щель представляет собой прямую линию. Эту стадию демонстрирует вызывающее все-таки сомнения молодое изображение фрау Агнес. Но, по мере того, как, с течением времени, заботы и досады прибавляются, в действие вступает и *triangularis* (мышца страдания), и вытягивает уголки рта вниз. Эту конечную стадию показывает изображение пожилой женщины.

Необычайно выразительна портрет леди Маргарет Баттс, написанный Гольбейном (рис. 288). Это была, должно быть, умная и энергичная женщина. Глаза или были глубоко посажены с самого начала, или же запали вследствие

исчезновения жирового слоя в ретробульбарной ткани; но мышца, поднимающая верхнее веко еще достаточно сильна, чтобы удерживать глазницу открытой, и не требуется вытягивать брови вверх. На лбу намечены фронтальные морщины. Присутствуют также морщины, создаваемые мышцей, сморщивающей брови, морщины напряжения, и, на том изображении, которым я располагаю, присутствует, как кажется, даже морщина борьбы, что для дамы, занимающей такое высокое положение, можно считать редкостью. Этому вполне соответствует и рот. Полные губы плотно сомкнуты и незначительно выдвинуты чуть вперед. Буккинатор несколько вытягивает рот в длину. Триангуларис не так активен, как буккинатор, но о том, что и он часто бывал активен, свидетельствует морщина у уголков рта. Вероятно, с течением времени триангуларис вытягивал уголки рта вниз все сильнее. Носогубная складка сформирована преимущественно в результате деятельности мышцы недовольства. Если у нас еще есть какие-то сомнения о характере этой дамы, то стоит закрыть изображение листом бумаги таким образом, чтобы было видно только лицо. Тогда становится очевидным, что леди Баттс была абсолютно мужественной личностью. «Вечно женственного» в этом лице нет ничего. Ее муж был лейб-медиком Генриха VIII. В те времена врач зависел от сотрудничества и поддержки своей жены гораздо больше, чем сегодня. И это видно при взгляде на леди Баттс. Она была, по-видимому, очень энергичной и умной докторшей, преданно помогавшей своему мужу, но женский шарм у нее отсутствует совершенно.

Рисунок 289 представляет изображение Элеоноры Дузе. Ее рот — это типичный триангулярный рот. Ротовая щель образует вогнутую по отношению к подбородку дугу и уголки рта указывают вниз. Триангуларис оказывает явное влияние на плотные, мясистые и красиво очерченные губы, которые немного выдвинуты вперед; от этого возникает выражение трагической боли, которое хорошо соответствует профессии и переживаниям артистки.

Подобное воздействие триангулариса наблюдается нечасто. По большей части его работа придает лицу угрюмое выражение, но у Элеоноры Дузе рот отражает ее духовную сущность. Также и ее прекрасные глаза говорят о том, что она духовно находится существенно выше уровня обычного обывателя. Жир в области глаз почти совершенно исчез, как это обычно происходит в пожилом возрасте. Но, несмотря на это, глаза Элеоноры не производят впечатления глаз пожилой женщины. Необычайно интенсивная работа мышцы, поднимающей верхнее веко, и лобных мышц говорит о том, что интерес к миру еще очень велик.

МОЛОДОСТЬ И ВОЗРАСТ

Я постарался показать, что при формировании черт лица совместно действуют разные силы: наследственность, переживания, работа и профессия, темперамент и характер. Задачей будущего должна стать констатация воздействия на формирование личности человека этих различных сил по отдельности, т. е. отграничение их друг от друга. Сегодня материал, которым мы располагаем, невелик; но во времена фототехники, когда каждого ребенка будут часто фотографировать, начиная с младенчества, и когда во многих семьях жизнь отдельных членов этих семей будет запечатлена в фотографиях как в своеобразном дневнике, можно будет в течение 20-30 лет собрать материал, который сможет отразить становление человеческого лица, чем это сегодня возможно для меня.

Весьма многообещающее начало в семейных исследованиях положено В. Шайдтом, Венингером и их учениками Гейером и Харрассером. Если семейные исследования и дальше будут строиться по этому образцу, то, вероятно, в конце концов удастся ясно отделить влияние наследственности от воздействия окружения и жизненной судьбы.

В настоящее время для большинства людей это невозможно, и я поэтому вынужден ограничиться лишь небольшой выборкой. Вначале я хотел бы привести очень простой пример лица красивой женщины, на котором можно констатировать возрастные изменения. Это две картины Бронцино, изображающие Элеонору Толедскую, в юности и в более позднем возрасте (рис. 290 и 291).

Первая картина, где Элеонора изображена в возрасте 32-х лет, демонстрирует очаровательное по форме лицо с достаточно хорошо сохранившимся персиково-тарзальным веком. Глазница открыта не так широко, как у Флоры или Ульрики фон Леветцо или у Шарлотты Хаген, но немного шире, чем у Моны Лизы. Мона Лиза несколько прикрывает глаза, Элеонора же недостаточно напрягает мышцу, поднимающую верхнее веко. Это отчетливо видно, если сравнить края нижнего века на обоих лицах. У Моны Лизы линия края нижнего века приближается к прямой, у Элеоноры же образует очаровательную дугу. Рот похож на «рот Флоры», но нижняя губа несколько толще и незначительно отвисает. Это пробуждает подозрение, что Элеонора уже в молодые годы была склонна выпячивать нижнюю губу. Кроме этого, воздействия интенсивных сокращений мышц рта незаметно. Рот говорит о том, что дама не слишком темпераментна, и незначительный подъем верхнего века это, кажется, подтверждает.

Еще более это впечатление усиливается при взгляде на ее более позднее изображение (рис. 291). Здесь нижняя губа отвисает сильнее, вследствие чего начинает формироваться складка между нижней губой и подбородком. Уголки рта смотрят прямо наружу, в то время как на первой картине они направлены несколько вверх и намечают как бы тихую улыбку. Губы на второй картине сомкнуты более плотно, чем на первой. Все это говорит о том, что фрау Элеонора

приобрела привычку выпячивать нижнюю губу. Но в остальном ей вряд ли свойственны энергичные движения рта, хотя абрис губ — как это обычно и бывает с возрастом — четче и резче, чем на ее изображении в молодости. О том, что она стала старше, говорит и уменьшившийся жировой слой. Выше и ниже скуловой кости жир исчез, вследствие чего под глазами скуловая кость отчетливо выступает, в то время как на первом изображении лицо очерчено равномерной, нежно изогнутой дугой. Начинает развиваться второй подбородок. Это не слишком любезная причуда природы, с возрастом убирать жир с тех мест, где он необходим для впечатления молодости, и, напротив, помещать его на подбородке, где большинство дам предпочли бы обойтись без него. Красота ее глаз также понесла тяжелые убытки. Персиково-тарзальное веко превратилось в булавовидно-тарзальное, поскольку жир на медиальных половинах глазниц почти полностью исчез. У Элеоноры это выраженное возрастное явление. Мышца, поднимающая верхнее веко, утратила свое напряжение и силу, вследствие чего верхнее веко заметно опустилось. Она могла бы шире раскрыть глазницу, подтягивая брови выше, но для этого она недостаточно темпераментна.

Ее рот и глаза говорят о некотором равнодушии и флегматизме. И, если еще знать, что она была замужем за Козимо I деи Медичи, что при дворе она поддерживала строгий испанский церемониал, и, если еще посмотреть на изображение ее придворной дамы Лукреции Панкиатичи (рис. 274), то можно смело предположить, что жизнь при дворе Козимо была не слишком веселой.

Но тут мы сталкиваемся с границами физиогномического исследования. Темперамент или его отсутствие по большей части отчетливо отражается на лице, в то время как духовная сущность нередко остается неясной. Для того чтобы получить полную картину личности, нам необходимо дополнительно привлечь к исследованию исторические сведения.

Я благодарю за сообщения об Элеоноре Толедской профессора Брунса в Риме и его сотрудника д-ра Брутцера. Результаты их исследования я передаю дословно. (Источники: F. Young, *The Medici*, London 1909, Bd. 2, S. 286; Cecily Booth, *Cosimo I., Duce of Florence*, S. 188.)

«Элеонора Толедская (1521–1561 гг.) была единственным ребенком маркиза фон Виллефранка, дона Педро ди Толедо, вице-короля Неаполя. С 1539 замужем за Козимо Медичи. Имела от него восьмерых детей. Портрет Бронцино в галерее Уффици датирован примерно 1553 годом; на нем она изображена со своим сыном Фердинандом. Она научилась справляться с мрачной сущностью своего мужа и смягчать бурные порывы его гнева. Она была прочно связана с ним и за все 23 года своего брака никогда не теряла своего влияния на него. Она одна всегда пользовалась его благосклонностью и была его постоянным тонким советчиком.

У нее были причуды и иногда она бывала надменной; она не была удобной госпожой для своих слуг, обладала страстью к игре, особенно, когда у нее не было возможности выходить. Однако придворным было известно, что она заступает перед герцогом за своих людей, когда его посещали приступы гнева. Согласно ее желанию двор жил по строгому испанскому церемониалу. Ее гармоничный брак с Козимо можно рассматривать как похвальное исключение.

Элеонора Толедская

Рис. 290. В возрасте 32-х лет
(галерея Уффици, Флоренция).

Рис. 291. В пожилом возрасте
(Берлинский музей).

Мария, королева Английская

Рис. 292. Принцесса 28 лет.

Рис. 293. В возрасте 38 лет.

Шопенгауэр

Рис. 294. В молодости.

Рис. 295. В преклонном возрасте.

Рис. 290-295. Юность и возраст.

Вскоре после того, как она в последние годы стала страдать от легочных кровотечений, она вдруг внезапно умерла от малярии».

Сравнение исторических сведений с физиогномическим рассмотрением показывает, что духовная сторона личности не отразилась в лице Элеоноры. С другой стороны, этот отдельный случай показывает, насколько необходимо сотрудничество физиогномики с историческим исследованием. О флегматичности и бесстрастности Элеоноры история не говорит ничего. И, тем не менее, может быть, именно в этом ключ к объяснению ее счастливого брака с Козимо. Если бы фрау Элеонора была такой же темпераментной и вспыльчивой в своем гневе, как ее супруг, то, весьма вероятно, их брак развалился бы с самого начала; но все приступы гнева ее супруга разбивались о ее флегматичность. У фрау Элеоноры возрастные изменения вполне понятны и легко поддаются истолкованию.

Редко, однако, лицо человека в пожилом возрасте представляет собой загадку, которую почти невозможно решить без точного знания истории жизни. В качестве примера приведу две картины «Кровавой Мэри», дочери Генриха VIII (рис. 292 и 293). Она — ребенок от его первого брака с Катариной Арагонской. Король обращался с ней очень плохо, как и с ее матерью, подвергая ее различного рода унижениям. Такое воздействие окружения отражается на ее изображении в молодости. Ротовая щель значительно вытянута в длину букинатором, мышцей отказа и разочарования, и представляет собой прямую линию. Губы ожесточенно сжаты и указывают на длительную оборонительную позицию; особенно картина Антониса Мора (рис. 293, Прадо, Мадрид). Она была написана в 1553-м, самое позднее — в 1554-ом году, через десять лет после первой картины. От той жесткой и трудной жизни, которую она сама себе и создала, королева быстро состарилась. Костный остов головы покрылся тонким слоем жира, что отчетливо видно по состоянию скуловой кости и нижней челюсти. Глаза выглядят более живо, чем на первой картине. Они широко открыты и показывают, что королева была очень внимательна относительно всего, что происходило вокруг нее. Взгляд настороженный и направлен на ближайшее окружение. Для женщины ее взгляд необычайно твердый. В нем есть что-то жесткое. В верхнем веке можно заметить исчезновение жирового слоя. Первоначальное веко, напоминающее по форме кусочек персика, превратилось в булавовидное. Глаза в целом показывают нам умную, внимательную, деятельную женщину, которая, несмотря на всю свою духовную значимость, производит скорее отталкивающее впечатление.

Это впечатление усиливает форма рта. Хотя на нем больше нет той ожесточенности, которая свойственна ее молодому изображению. Ротовая щель представляет собой незначительно вогнутую по отношению к носу дугу, которая могла бы возникнуть при тихом смехе. Нижняя губа стала несколько толще. Это следует понять. После того, как королева пришла к власти, она больше не нуждалась в том, чтобы терпеть унижения, как было в ее юности и молодости. Поэтому, возможно, у нее возникла привычка в случаях, когда у нее бывали основания для дурного настроения, выпячивать нижнюю губу. Также и ставшие более отчетливыми морщины у уголков рта говорят о том, что теперь королева могла открыто выражать свои дурные настроения. Однако одновременно она

старается придать своему лицу дружелюбный оттенок — или, правильнее, вероятно научилась симулировать дружеское расположение. На картине, написанной Антонисом Моором, придворным художником Филиппа II Испанского, это искомое дружеское выражение, вероятно, еще сильнее, чем оно было в действительности в ее повседневной жизни. Поскольку оно адресовано королю, с целью пробудить в нем симпатию и заинтересовать его, чтобы он, возможно, предложил ей, рано отцвешей английской королеве, свою руку и испанский трон. При всех обстоятельствах ее улыбка какая-то ненастоящая. Это типичный «ложный смех» в смысле Дюшена. С этими жёсткими глазами искренняя улыбка никак не вяжется.

Наиболее выраженные возрастные изменения на лице у мужчины я обнаружил на портретах Шопенгауэра (рис. 294 и 295). Портрет, написанный в период его юности, изображает необычайно прекрасного молодого человека с полными пухлыми губами, которые испытующе и придиричливо-сибаритски выдвинуты вперед. Я уже указывал на то, что полные губы часто без дальнейших оговорок интерпретируют как признак чувственности, и предупреждал против ошибочности подобного подхода. Однако при взгляде на молодого Шопенгауэра у меня действительно всегда создавалось впечатление, что в его полных губах выражается его чувственность. Умные относительно глубоко посаженные глаза с четко очерченным тарзальным веком потерянно смотрят вдаль.

И вот более позднее изображение! Глаза погрузились глубоко в глазницы, они не смотрят больше меланхолично и мечтательно, но неподкупно критическим взглядом устремлены на окружение. Брови по сравнению с изображением его в юности значительно сдвинуты и в целом смещены вниз. От этого возникают «бровные морщины». Еще больше фиксирует возрастные изменения форма рта. Он очень сильно вытянут в длину буккинатором и показывает, что старик вынужден от многого отказаться; верхняя губа ожесточенно втянута внутрь, углы рта указывают вниз. Рот старика представляет собой полную противоположность рту юноши. Мечтательный и наслаждающийся жизнью юноша превратился в фанатичного и ожесточенного пессимиста. Эти столь сильные изменения можно понять лишь в том случае, если познакомиться с историей его жизни.

Когда Шопенгауэру было 17 лет, его отец покончил с собой. Хотя из-за жесткости отца, он не смог с ним сблизиться при его жизни, он стал почитать его после его смерти. Мать же, которую он до этого любил, лишилась его привязанности. При этом существенную роль сыграла та не вполне безупречная жизнь, которую она вела в Веймаре. Отец Шопенгауэра заставил его овладеть профессией торговца. После его смерти он сначала, движимый определенным пиететом к отцу, продолжал обучение, хотя с юности его тянуло к совсем другому. Роковым для его развития было, далее, то, что его родители вместе с сыном годами разъезжали по Европе, поэтому регулярные школьные занятия, которые посредством общения со сверстниками могли бы, вероятно, придать большую твердость и определенность его характеру, были для него невозможны. И, наконец, Шопенгауэр был наследственно отягощен. Липман указывает, что у него наблюдалась наследственно обусловленная нестигаемая сила воли, но в то же время

и болезненная горячность, которая у многих членов семьи проявлялась вплоть до сумасшествия. Эта проблемная наследственность уже в юности выражалась у Шопенгауэра в необычайной восприимчивости, которая могла приводить к тяжелейшим приступам страха. Становится ясно, почему на юношеской картине его глаза, полные меланхолии, так мечтательно смотрят вдаль. Наслаждающийся чувственный рот можно понять, если знать, что в юности Шопенгауэр в тяжелейшей степени был одержим демоном чувственности. Эйхлер рассказывает о нем, что он «был сердит на женщин и не чурался посещения борделей». Его позднейшая неприязнь к женщинам, согласно Эйхлеру, основывалась на присущем ему страхе из-за своей сильной чувственности попасть в полную зависимость от женского пола. Особенно роковым для его развития оказалось то, что он никогда не сближался с умной и духовно равноценной ему женщиной, которая оказалась бы в состоянии привить ему более высокие понятия о женском поле.

После годов «бури и натиска» в жизни Шопенгауэра наступило время тяжелой работы. Появляется его главный труд «Мир как воля и представление». Но ожидаемый и гарантированный, казалось бы, успех не приходит. Большая часть экземпляров первого издания была переработана в макулатуру. Ему не удалось также стать академическим преподавателем. При замещении гегелевской кафедры его обошли. И, наконец, вследствие этой, как сегодня полагают, несправедливой участи он тяжело заболел и ожесточился. Некую фрау Маргет, которую он обнаружил однажды в передней своей квартиры, и которая не подчинилась его требованию покинуть его жилище, он выставил наружу, применив силу. Она подала на него жалобу в нанесении телесных повреждений и добилась того, что он был осужден. Сотни талеров были растрочены на судебные процессы, а в результате он должен был в течение 20 лет, вплоть до ее смерти, выплачивать фрау Маргет ежегодно по 60 талеров.

Он начал презирать род человеческий и стал проповедником бесстрастия. Он отвернулся от общества и в течение 30 лет жил исключительно уединенно. В эти годы одиночества и ожесточения и сформировалось это старческое лицо — чувственный юноша превратился в аскетичного старика. Наследственность не играла никакой роли в этом превращении. Оно зависело от жизни, которую он вел и тех опытов, которые он проделал. Именно поэтому его лицо имеет для наших исследований такое большое значение.

Изображение человека в юности и в пожилом возрасте весьма существенно различаются, что, впрочем, давно известно. Но для наших целей было бы желательно исследовать на основании соответствующих изображений все развитие человека, всю его историю. К сожалению, только относительно одного известного человека мы обладаем надлежащим количеством надежных изображений. И поистине счастье, что этим единственным человеком является Гёте. В Национальном музее Гёте в Веймаре собраны воедино все картины, изображающие Гёте, а исследователи изучили его жизнь настолько основательно, что изображения и слова счастливым образом дополняют друг друга.

У нас есть портрет Гёте, на котором он изображен в возрасте 16 лет (рис. 296). Мы видим хорошо сформированное лицо юноши с бросающимися в глаза красивым ртом и живыми глазами с мягкими веками, по форме напоминающими кусочки персика. В целом картинно-красивая голова пажа, превосходно отражающая время рококо, но мало что говорящая о великом поэте и мыслителе. Через 20 лет Тишбайн написал портрет Гёте в Италии (1786 г., рис. 297). Поверхностно расположенные на юношеском изображении глаза очевидным образом погрузились в глазницы. Пространство между бровью и верхним краем века сообразно более глубокому расположению глазного яблока уменьшилось. Намечены бровные морщины. Верхнее веко поднято значительно выше, чем на юношеском изображении. По одним только глазам ясно, что они принадлежат человеку одухотворенному, наблюдательному и много размышляющему. Рот обнаруживает ту же красоту формы, что и на юношеском изображении. Но ротовая щель удлинилась, углы рта более удалены друг от друга, поскольку мышцы у уголков рта, прежде всего мышца самообладания и отказа и разочарования (*buccinator*) вытянула уголки рта наружу. Активен также и *triangularis*. Это видно по наметившейся морщине у уголков рта. И, наконец, вплотную к крыльям носа обнаруживается складка, которая сформировалась в результате деятельности мышцы недовольства (мышцы носа и верхней губы). То есть годы работы, досад и забот в Веймаре, которые вынудили Гёте уехать в Италию, не прошли бесследно. Несмотря на это лицо на картине Тишбайна отличается почти что аполлоновской красотой.

В 1789 году Гёте с тяжелым сердцем вернулся в Веймар. Позже он однажды сказал канцлеру фон Мюллеру: «С тех пор, как я пересек Понт и вернулся домой, у меня не было еще ни одного счастливого дня». Позже Гёте нашел новое счастье с Кристианой, но веймарское общество осуждало эти отношения. Учение Гёте о цветах, на которое он затратил столько сил и времени, не нашло признания у ученых. Театр, которым он стал руководить после возвращения, приносил одну лишь досаду. Гёте познает, что злые языки могут серьезно отравить жизнь. Это

Рис. 296. Гёте в юности, 16 лет (Мюзей Гёте, Франкфурт на Майне).

нашло отражение в изображениях Гёте с 1790-го по 1810-й годы. Можно сомневаться в том, рассматривать ли впечатление от отдельной картины как свидетельство душевного состояния человека. Художники, которые запечатлели Гёте в своих картинах, не были равны в своих художественных возможностях. Сегодняшняя фотография с точки зрения правдивости изображения значительно превосходит, вероятно, тогдашние картины. Но, с другой стороны, сегодняшний фотограф запечатлевает короткое мгновение, длящееся доли секунды, тогда как художник наблюдает свой объект часами и старается передать на своей картине впечатление от всей личности. И если на

написанных различными художниками и через значительные промежутки времени картинах мы находим одно и то же выражение, то оно не может вызывать сомнения в своей истинности. И это справедливо в отношении многих картин и бюстов Гёте.

После возвращения Гёте из Италии Мартином Готтлибом Кнауером был выполнен глиняный бюст, глаза, рот и морщины, запечатленные на лице Гете, обнаруживали значительное сходство с картинами Тишбайна. Но нижняя губа толще, чем на римских полотнах. Еще более развитую нижнюю губу мы находим на рисунке Липса 1791 года (рис. 298). (Глаза на рисунке Липса пустые, они не переданы правильно, как показывает сравнение с бюстом Кнауера.) Между 1792 и 1795 годами Йоханн Генрих Мейер написал картину акварелью, на которой основные формы лица хорошо согласуются с картинами Тишбайна и рисунком Бари, что особенно ценно с точки зрения нашего исследования. Толстая нижняя губа также подчеркивается на этой картине. Еще отчетливее эта толстая нижняя губа просматривается на рисунке Бари 1800 года (рис. 299) и на написанной в 1806 году картине Ягеманна (рис. 300). Здесь нижняя губа в два раза шире, чем верхняя. Не вызывает сомнений, что Гёте с 1790 года приобрел привычку поднимать и выпячивать нижнюю губу, как это делают дети. Вследствие этого, как показывает рисунок Бари, к ранее описанным морщинам прибавилась складка между нижней губой и подбородком. То есть Гёте после возвращения из Италии должен был часто выражать досаду и раздражение. Иначе *quadrat. lab. infer.* не мог бы так сильно изменить форму рта. Красота Гёте значительно проиграла от этого. Также и возрастающая склонность к накоплению жира, которая выразилась в формировании двойного подбородка, что видно на картине Ягеманна, не способствовала благородству общего выражения. И глаза обнаруживают увеличение жирового слоя. Вследствие этого они смещаются из глубины глазниц на поверхность.

Первое изменение к лучшему демонстрирует картина Кюгельгена 1810 года (рис. 301). Нижняя губа снова становится несколько уже и общее выражение более дружелюбно, но все-таки нижняя губа несколько отвисает и углы рта направлены вниз. Глаза, которые на картинах Бари и Ягеманна кажутся вялыми и уставшими, у Кюгельгена снова большие и внимательные, чем они схожи с глазами на картинах Тишбайна. Они позволяют предположить пробуждение нового жизненного интереса и новой радости. И это ожидание сбывается. Картина Раабе 1814 года показывает совсем другого Гёте, чем картины 1791–1810 гг. (рис. 302). Сразу видно, что Гёте снова начал улыбаться. Нижняя губа снова стала узкой, она больше не отвисает вниз. Уголки рта снова дружелюбно поднимаются несколько вверх, хотя морщина у уголков рта, сформировавшаяся в течение последних двух десятилетий, осталась неизменной. И, все-таки, в последние годы Гёте должен был пребывать по большей части в радостном настроении. Об этом говорит и расположение носогубной складки. Она не ограничивается больше областью носа, но спускается чуть ниже. Вновь возникшая нижняя часть сформирована мышцами смеха (*zygomaticus*). Исчезло выпячивание нижней губы. Верхняя и нижняя губа снова развиты одинаково, что возвращает красивую форму

рта. Лицо в целом в большей мере производит впечатление юношеской радости, хотя на нижних веках и в большей резкости нижнего края глазниц возрастные явления отчетливо видны, как и появившаяся седина. Но все-таки эти изменения можно считать почти чудесными. Если поставить рядом картины Бари и Раабе, трудно предположить, что на них изображен один и тот же человек.

Но объяснение очень по-человечески простое. Новая любовь, новая жизнь! Сердце шестидесятилетнего Гёте снова бьется бурно. Сначала это была дочь Йенского книготорговца — Вильгельмина Херцлиб, которая пробудила в Гёте чувства в 1807 году; за ней последовала Марианна Мейер из Карлсбада. А если у Гёте возникала потребность в разнообразии, он мог направиться во Франценсбад к темпераментной Сильвии фон Цигезар. Можно назвать и другие имена. Во всяком случае, наверняка можно сказать, что в те 4-5 месяцев, которые он с 1810 по 1812 ежегодно проводил на божемских курортах, он был окружен красивыми, веселыми и женщинами, обладающими большим светским опытом, которые баловали его, как никогда ранее в его жизни. Но наиболее сильным переживанием была для него встреча с Марианной фон Виллемер в 1814 году. Вскоре после этого и была написана картина Раабе, как я узнал из любезного сообщения директора Национального музея Гёте проф. Валя. Ни одно другое изображение Гёте не наполнено такой радостью и счастьем жизни; оно лучше, чем любые слова, говорит нам о том, какое значение имела для 65-летнего Гёте любовь Марианны.

И Гёте остается прекрасным. Он научился побеждать, он борется и обретает зрелую радость. Его лицо становится лицом олимпийца. Смерть Кристианы, досада по поводу образа жизни его сына и смерть Августа не могут более повредить его благородным старческим чертам. Об этом говорят картины Кольба 1822 года (рис. 303), графини Эглофштайн 1825 года и, в особенности, картина Штилера 1828 года (рис. 304). На картине в новой пинакотеке и на наброске красками того же времени Гёте, несомненно, изображен более молодым, чем он был в действительности. Рисунок Зебберса 1826 года показывает морщины и возрастные изменения, которых нет на картине Штилера 1828 года. В положении тела и во взгляде есть некоторая поза, на что справедливо могли бы указать критики. И, все-таки, я думаю, что личность Гёте в целом на картинах Штилера передана совершенно правдиво. Лучистые глаза мы наблюдаем на всех картинах его счастливых времен — как юности, так и позднего возраста.

Граф Бодиссан говорит о глазах Гёте: «Когда он начинал живо, активно жестикулируя, рассказывать о чем-то, его глаза становились такими большими и божественно сияющими, что, если он сердился, сносить вылетающие из них молнии было совершенно невозможно».

Такие глаза и изображены на картинах Штилера. Глазное яблоко упругое, напряженное, глазница широко открыта, что достаточно редко можно встретить у человека на восьмом десятке. Эти большие, широко открытые и ясно смотрящие глаза и придают всему лицу обций юношеский отпечаток. Гёте как исследователь природы часто сосредотачивал взгляд на ближних объектах — костях, растениях, минералах. Но в большей степени его глаза устремлены все-таки вдаль и вверх, иначе мышцы, поднимающие верхнее веко, не сохранились бы у него настолько

развитыми до 79 лет. Песнь одного из его героев о его способе смотреть на мир могла бы быть отнесена к самому Гёте.

*Рожденный видеть,
кому назначено смотреть,
я смотрю на мир словно с баини,
и это — моя радость.
Я смотрю вдаль
и я смотрю перед собой,
я вижу луну и звезды,
лес и оленей.
И во всем я вижу вечную красоту.
И сам я — в этом ряду.
Твои счастливые глаза,
которыми ты смотришь на меня,
Пусть будет, как тебе хочется
хотя, по моему, и так хорошо.*

Форма рта хорошо дополняет выражение глаз — выражение владеющего собой человека. В течение его жизни был активен *buccinator* (щечная мышца) — поскольку жизнь при Веймарском дворе давала много поводов для отказа и разочарования — и рот более вытянут, чем на его юношеском изображении. Но уголки рта для 79-летнего человека направлены вниз очень незначительно. Гёте не выказывал презрения. Его рот не искажался существенно при взрывах его темперамента, иначе форма не сохранилась бы в 79 лет так хорошо. Его рот выражает рассудительность и вдумчивость, которые определяли образ жизни старого уже человека.

Возрастные изменения, отразившиеся на лице Гёте, характерным образом свидетельствуют об изменчивости черт лица под влиянием жизни и переживаний, страстей и настроений. Причем в тех изменениях его лица, которые можно констатировать с 1790-го по 1810-й годы, наследственность не играет никакой роли. Именно поэтому наблюдения за этими переменами имеют такое большое значение для нашего исследования. Особый интерес вызывает тот факт, что раздраженно выдвинутая вперед нижняя губа, которая возникла у него в возрасте 40 лет и которую затем можно было наблюдать в течение еще 20 лет, исчезла благодаря появлению в его жизни нового счастья.

От природы (т. е. наследственно) Гёте получил необычайно красивые черты лица. На картине его итальянского периода мы находим прекрасное лицо Аполлона (рис. 297), несмотря на то, что досадные времена в Веймаре оставили на нем черты недовольства. После возвращения из Италии его лицо меняется. Тихое счастье с Кристианой пробуждает недовольство фрау фон Штайн и всего прочего придворного общества. Раздраженный Гёте начинает выдвигать вперед нижнюю губу, которая несколько отвисает. Это выражение раздраженного состояния становится с каждым годом сильнее и достигает высшей точки в 1806. Нижняя губа по меньшей мере в два раза толще, чем верхняя (рис. 300). Однако

затем прекрасные женщины снова начинают радовать Гёте. Первое указание на эту перемену в его жизни мы находим на картине 1810 года (рис. 301), а в 1814 году эта некрасивая черта исчезает с его лица (рис. 302). За это мы должны благодарить Марианну фон Виллемер. И появляется лицо зрелого Гёте, олимпийца (рис. 303–304).

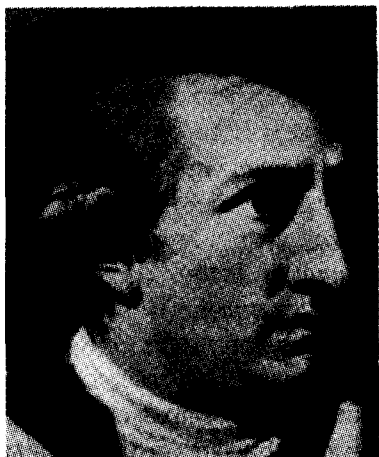

Рис. 297. 1786 г., картина Тишбайна (городской музей искусства, Франкфурт).

Рис. 298. 1791 г., после возвращения из Италии, рисунок мелом Липса.

Рис. 299. 1800 г., картина Бари.

Рис. 300. 1806 г., картина Ягеманна.

То, что подобные изменения лица возможны и для обычного человека, должен показать последний пример. Одновременно представленные фотографии являются своеобразным дополнением к картинам Гёте, потому что они показывают линию развития формы лица как в детстве, так и в юности. Это изображения одного молодого врача, которыми я располагаю и историю развития которого я хорошо знаю.

Рис. 301. 1810 г., картина Кюгельгена (музей Гёте, Франкфурт на Майне).

Рис. 302. 1814 г., картина Раабе (Вальраф-Рихартц-музей, Кёльн).

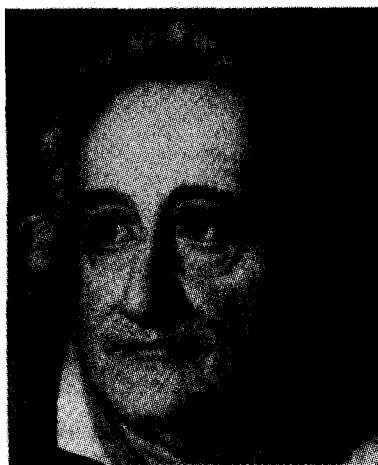

Рис. 303. 1822-1826 гг. Картина Кольбе (Национальный музей Гёте, Веймар).

Рис. 304. 1828 г., картина К. Штиллера (Государственное собрание, Мюнхен).

Рис. 297–304. Изменения в облике Гёте.

Первая фотография была сделана, когда ему было 3 или 4 года (рис. 305). Ребенок был тогда слабым, часто болел и мы не находим на его лице дружеского расположения к миру. С этим согласуются выдвинутая вперед нижняя губа со складкой между нижней губой и подбородком, плотно сомкнутые губы и направленные вниз уголки рта. *Triangularis, quadrat. lab. inf. и mentalis* уже часто вступали в действие. В глазах мы видим усталость. Верхнее веко, особенно на правой (от наблюдателя) стороне значительно опущено, поэтому видна большая

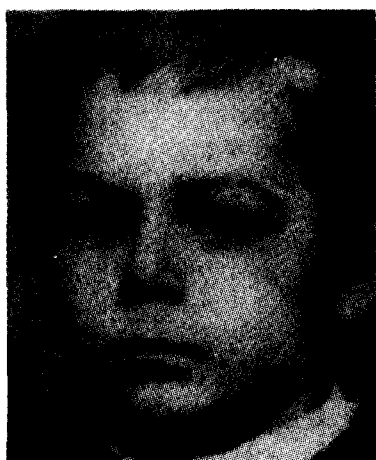

Рис. 305. 3-4-х-летний ребенок.

Рис. 306. 14-летний мальчик.

Рис. 307. 18 лет.

Рис. 308. На 30-м году жизни.

Рис. 305-308. Врач.

часть тарзального края. Мышца, поднимающая верхнее веко напряжена не очень значительно. Т. е. интерес ребенка к своему окружению не может быть очень большим. Внутренние окончания бровей уже стянуты вниз. Чтобы бровные мышцы у 3-х-4-х-летнего ребенка были активны в столь сильной мере, не совсем обычно. Речь идет именно не о каких-то случайных сокращениях, одно из которых и запечатлел фотоаппарат, но об устойчивом длительном состоянии. Это можно видеть по состоянию верхнего века. Изначально верхнее веко, как можно предположить с большой вероятностью, представляло собой очаровательное веко, по форме напоминающее кусочек персика; но длительные сокращения мышц, сморщивающих брови, привели к частичному исчезновению жирового слоя на медиальных половинах верхних век. Ребенок по большей части пребывает — как

можно предположить на основании этой фотографии — в состоянии раздражения, и вряд ли его можно назвать счастливым. Это совпадает с тем, что мне известно об этом времени его жизни. Его отец был служащим, подверженный частой смене настроений, которые носили иногда скорее маниакальный, а иногда депрессивный характер. Поэтому на семейной жизни всегда лежала определенная тень, хотя мать старалась, жертвуя собой, заботиться о своих шестерых детях. Однако у нее не было много времени, чтобы в достаточной мере посвящать себя ребенку, поэтому он рос в состоянии внутреннего одиночества. В этой безрадостной жизни, когда мальчику исполнилось 12 лет, наступили определенные изменения. О мальчике начал заботиться его дядя, который каждый год приглашал его к себе в дом, где тот попадал в общество толпы озорных мальчиков и задорных девочек. В этом кругу мальчику открылся новый мир — мир радости и детского счастья.

Это видно по фотографии, изображающей 14-летнего мальчика (рис. 306). В наибольшей степени перемена мрачного окружения на веселое отразилась на форме рта. Исчезла выдвинутая вперед нижняя губа, уголки рта больше не указывают вниз, но, скорее, даже вверх. Губы покоятся друг на друге спокойно, их форма достаточно привлекательна. Верхняя губа представляет собой четко выраженную дугу Амура. На то, что часто бывает активен *buccinator*, указывает вытянутая в длину ротовая щель и то, что, соответственно, уголки рта более удалены друг от друга, чем на предыдущей фотографии. В отношении глаз кроме свежего и внимательного взгляда обращает на себя внимание прежде всего то, что глаза располагаются глубже, чем на предыдущем изображении. Это объясняется тем, что мальчик похудел, и большая часть защитного жирового слоя исчезла. От века, напоминающего по форме кусочек персика, осталась узкая полоска, поскольку погрузившееся внутрь глазное яблоко затянуло верхнее веко в глубину. Брови вследствие этого существенно сместились вниз.

Активность мышц, сморщивающих брови, не так сильно бросается в глаза, как раньше, но она продолжается. Поскольку внутренние окончания бровей существенно ближе друг к другу, чем на первой фотографии. Это говорит о том, что на жизни мальчика, хоть и наполненной задором и весельем, все-таки лежат некоторые тени. И это действительно так и было. У мальчика были проблемы в школе.

В школе, которую он посещал, преподавали не слишком хорошо, большинство учителей не могло похвастаться высоким уровнем. Поэтому мальчик не проявлял интереса к учебе. Хотя его нельзя было назвать бездарем, в школе он учился плохо. Как правило, в первой половине учебного года он сидел на задней парте; однако затем он начинал работать достаточно для того, чтобы можно было перевести его в следующий класс. В старших классах этот метод не оправдался. Молодой человек остался на второй год. Это произвело на него глубокое впечатление, что послужило толчком к появлению честолюбивых порывов, и вскоре он стал лучшим учеником.

К этому времени, когда «Савл превратился в Павла», и относится следующая фотография (рис. 307). Глазница открыта шире и глаза смотрят гораздо тверже, чем раньше. Жировой слой снова увеличился, поэтому верхнее веко стало шире.

Мышцы, сморщивающие брови, все еще напряжены. Наибольшие изменения претерпела форма рта. Четыре года назад он постоянно был готов улыбаться; теперь же губы сильно стиснуты. Перевес среди мышц, контролирующих уголки рта, приобрел orbicularis. Губы испытующе выдвинуты вперед, отчего они стали полнее. Уголки рта указывают теперь не вверх, но скорее вниз. Молодой человек становится серьезным и критичным. Он посещает университет, изучая там медицину.

К этому времени относится много снимков, которые в основном передают то же выражение, что и фото на рисунке 307, но, в то же время, видно, что взгляд с каждым годом становится тверже и яснее, а рот — все определеннее и активнее. Наиболее отчетливо это выражение заметно на фотографии 30-го года жизни. Врач уже стал хирургом и находил много радости в своей успешной работе. Глазница открыта широко, как только возможно. Вследствие этого край верхнего века максимально приблизился к бровям. От верхнего века видна только незначительная часть — в сравнении с детской фотографией. Взгляд очень ясный и определенный. По его глазам можно предположить, что молодой человек должен быть очень целеустремлен и энергичен (рис. 308).

Брови представляют собой красивые дуги, приблизительно соответствуя нормальному положению, но их внутренние окончания, как и ранее, несколько стянуты друг к другу. Уже около корня носа начинают формироваться вертикальные бровные морщины. Но теперь, по всей вероятности, деятельность мышц, сморщивающих брови, связана более не с раздраженным состоянием, а с тяжелой духовной и физической работой, которую предполагает врачебная профессия.

К несчастью позднее хирург отпустил бороду, вследствие чего толкование всей нижней половины лица стало невозможным. По этой же причине нельзя использовать в нашем исследовании и более поздние фотографии. Но те представленные фотографии, которые мы смогли проинтерпретировать, однозначно и точно, как и в случае изображений Гёте, показывают влияние окружения. Как и у Гёте, у нашего молодого врача при изменениях его лица наследственность играла лишь незначительную роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение должно содержать объединяющее представление тех знаний, которые мы получили в результате нашего исследования.

Изучение костей черепа может оказаться не столь плодотворным. Расово определенная форма черепа у отдельного индивидуума, будь то короткий или длинный череп, мало что дает физиогномисту для его исследований. Хотя и возможно, что более значительное развитие головного мозга приводит к формированию морщин и борозд на внутренней стороне костной черепной коробки, но его влияние на внешнюю, видимую форму черепа в смысле Галля мы принять не можем. Появление мощно развитых «лбов мыслителей» основывается чаще всего на рахите или гидроцефалии. Также и форма носа, которая может быть необычайно декоративной, не позволяет нам сделать никаких выводов о характере и личности человека. То же самое относится и к уху, чья форма может иметь большое значение для наследственно-биологического исследования, но физиогномисту не говорит ничего. Форма подбородка тоже, в той мере, в какой она обусловлена строением костей, не говорит нам ничего. Только лишь бросающийся в глаза дисбаланс между мозговой и лицевой частями черепной коробки, а прежде всего чрезмерная величина нижней половины головы, которая напоминает о неандертальцах, с известной осторожностью может приниматься в расчет.

В общем, первичная картина лица создается наследственностью, более или менее развитым жировым слоем и работой лицевых мышц. Видимые изменения выражения лица, которые появляются в течение жизни, чаще всего и в наибольшей степени обусловлены накоплением и исчезновением жира и мышечной работой.

Широко распространенная точка зрения, что само по себе глазное яблоко не имеет никакого значения для выражения лица, для нас неприемлемо. Даже *величина глазного яблока*, а прежде всего роговица и радужная оболочка решающим образом влияют на то впечатление, которое производит глаз. Полнота души и неземное выражение глаз большинства младенцев (рис. 51), которые могут привести в восхищение не только художника, но и любого мало-мальски восприимчивого к красоте человека, основаны на действительном факте чрезмерной величины глазного яблока. Роговица и радужка у младенца могут быть почти той же величины, что и у взрослого. Божественное впечатление от этих громадных младенческих глаз с большой вероятностью инспирировало художников Греции, когда они придавали изображениям Геры, Аполлона, Афине Палладе и др. эти огромные глаза. Этого же способа изображения придерживались при изготовлении бюстов художники позднейших веков, когда они хотели придать какому-то императору или императрице божественное выражение. Позднее это делали представители христианского искусства, например, византийские художники (рис. 57) или Микеланджело (у своего Давида, рис. 37).

Художники нового времени придерживаются фактической величины глазного яблока. У взрослых различия этой величины незначительны. Если же художник хочет изобразить глазное яблоко большим, он открывает глазницу как можно шире (рис. 6). Тогда создается впечатление больших глаз. Эта иллюзия определяет восприятие большинством людей человеческого глаза. Глаза воспринимаются как большие, когда широко открытые глазницы позволяют видеть большую часть глазных яблок. При прикрытых глазницах этого не происходит. Но в действительности глаза, чья величина существенно превосходила бы средние размеры, у взрослых практически не встречаются.

Другое воздействие на то впечатление, которое производит глаз, связано со значительными различиями давления внутри глаза. Глаз, глазное яблоко которого представляет собой тугой наполненный пузырь, производит гораздо более «молодое» впечатление, чем тот, у которого глазное яблоко вялое и как бы «осунувшееся». Сохраняющаяся молодое выражение глаз у стариков можно объяснить именно таким образом (рис. 60–63).

Ширина глазницы имеет решающее значения для производимого впечатления. Она может быть основана на наследственных признаках (рис. 5 и 6), и тогда она не имеет физиогномического значения. Но чаще она достигается в течение жизни, и тогда она может сказать многое о деятельности и характере человека. Широко открытая глазница не только делает глаза зрительно более большими и красивыми, но она говорит также о духовной энергии, внимательности, наблюдательности. Но только на этом основании нельзя всегда интерпретировать наполовину прикрытую глазницу как признак сонливости и равнодушия. Она может свидетельствовать об этом, если прикрытая глазница связана с ослаблением мышцы, поднимающей верхнее веко. Тогда формируется усталое выражение лица, которое часто можно встретить у стариков (рис. 69), но оно также нередко бывает и у молодых людей. Усталость в состоянии опьянения выражается подобным же образом. Но тут обычно добавляется тупой взгляд куда-то вдаль или неуверенно бегающие глаза, так что отличить глаза пьяного от усталого взгляда старика нетрудно. Обладает ли человек с повышенной чувствительностью специфическими глазами, с уверенностью сказать нельзя. Опущение верхнего века, которое часто трактуется таким образом, может быть связано и с усталостью (рис. 81). Наконец, полуприкрытые глаза можно встретить у высокомерных и надменных людей. От усталых глаз, при которых голова чаще бывает наклонена вперед, их легко отличить по прямой осанке (рис. 79).

Другой вид наполовину прикрытых глаз возникает благодаря активному сокращению мышцы, закрывающей глаз. Анатомически этот случай легко отличить от усталых глаз, потому что при сокращении мышцы, закрывающей глаз, формируются морщины на нижнем веке и во внешних углах глазницы («гусиные лапки»), и край нижнего века представляет собой более или менее прямую линию (рис. 77). Эти наполовину прикрытые глаза характерны для всех людей, которые привыкли работать на свежем воздухе, которые закрывают глаза для защиты их от ветра, дождя или солнца (рис. 76). Поэтому чаще всего такие глаза встречаются у многих крестьян, моряков или заядлых спортсменов. Однако

они могут сформироваться и у людей, работающих в закрытых помещениях, если они вынуждены защищаться от резкого света сварочной горелки или от жара пылающей расплавленной стали.

Глазница, далее, может быть наполовину прикрытой, если глаз очень световосприимчив или имеют место аномалии рефракции, напр., близорукость или другие глазные заболевания. Это очень часто встречается у ученых и исследователей. Наконец, глазница может быть полуприкрытой, если человек хочет выразить презрение или недоверие (рис. 77).

Дальнейшие изменения глазницы связаны с *направлением взгляда*. На это до сих пор как-то не обращали внимание. И, тем не менее, повод для исследований тут достаточный. В настоящее время у античных скульптур изначально нарисованные и раскрашенные глазные яблоки, вместе с радужкой, роговицей и зрачком, как правило, не сохранились. Но археолог должен знать, в каком направлении смотрит глаз. Я постарался показать, что по положению век можно, как правило, с определенной точностью установить направление взгляда, если предположить, что художник точно следовал природе (рис. 147). А для физиогномиста такие исследования имеют большое значение, потому что веки при постоянном повторении одних и тех положений принимают длительно сохраняющиеся формы, которые характерны для определенных профессий. Во влиянии профессии на форму век можно не сомневаться, во всяком случае, если человек предан своей профессии. У ограниченных, невежественных людей профессия не оказывает никакого влияния на остальное лицо. Для некоторых профессий, как, напр., для врача (рис. 97–102), священника (рис. 105), философа (рис. 108) я попытался показать воздействие профессии на направление взгляда и форму век.

Весьма большое впечатление производит прямой и открытый взгляд, такому человеку сразу хочется доверять (Вероккио, Дюрер, рис. 265, 279). Люди с беспокойно бегающими туда-сюда глазами, у которых, согласно Бисмарку, отсутствует постоянство зрачка, вызывают недоверие. Также и те люди, которые смотрят на своих современников обычно как бы со стороны, производят неблагоприятное впечатление (Лоренцо Великолепный, рис. 78). В твердости взгляда и широком раскрытии глазницы наилучшим образом проявляется духовная составляющая человека.

Большое значение для впечатления, которое производит глаз, имеет, наконец, *положение глазного яблока в глазнице*. Если жира за глазным яблоком в глазнице много — я называю его защитным жиром — то глазное яблоко выдавливается наружу и занимает поверхностное положение (рис. 116). Если же жира в глазнице мало, то глазное яблоко заваливается внутрь, и тогда мы говорим о глубоко посаженных глазах (рис. 118).

Точное различие поверхностного и глубокого положения глазного яблока, которое до недавнего времени было возможно только для глазного врача, теперь, вследствие предложенных мной простых методов стало возможно для каждого. Оно имеет большое значение для расовых исследований. Поскольку положение глазного яблока определяется в первую очередь наследственностью. Мы знаем, что у нордической расы глазное яблоко располагается в большинстве случаев

глубоко (рис. 27), у восточной расы (рис. 31) и у монголоидов (рис. 5), как правило, поверхностно. Однако положение глазного яблока может изменяться в течение жизни — глубоко посаженные глаза могут принимать поверхностное положение и наоборот. Поэтому для расовых исследований использовать данные о положении глазного яблока можно только в том случае, когда известно его расположение при рождении. Тот факт, что это расположение, как правило, определяется наследственностью, заставляет предположить, что для исследования характера человека и его души оно большого значения не имеет. Исключения составляют те случаи, когда глазное яблоко изменяет свое положение под влиянием тяжелых времен в жизни человека. Тогда глаза могут рассказать многое о жизненной судьбе. Дилетанты придают расположению глазного яблока далеко идущее значение. Поверхностно расположенный глаз должен свидетельствовать о легкомыслии, в то время как расположенный глубоко — о духовной значимости. В этом смысле глубоко посаженные глаза интерпретируются художниками и актерами (рис. 125).

Содержание жира в верхнем веке — я называю его покрывающим жиром — в значительной степени определяет пластическую картину глаза. Чтобы различать разнообразные формы глаза, оказалось необходимым выделить шесть групп: веко, напоминающее по форме кусочек персика, персиково-тарзальное веко, булавовидное веко, булавовидно-тарзальное веко, тарзальное веко и узкое верхнее веко. В этих значительно различающихся формах века выражается своеобразие личности; но применять их физиогностически следует с большой осторожностью (рис. 132–152).

Определенную роль в том впечатлении, которое производит глаз, играют *мышцы в области глаза*. Frontalis, лобная мышца, включается, когда глазница в напряженном внимании должна открыться шире, или если levator palp., мышца, поднимающее верхнее веко, ослабевает, напр., с возрастом. Если лобная мышца напрягается очень часто, возможно образование косых морщин на лбу (рис. 39). Физиогномическое значение этих морщин внимания не так велико, как обычно принято считать. Они наблюдаются и у просто тщеславных людей, так что делать по ним выводы об интеллигентности и живости духа следует с большой осторожностью.

Большее значение имеют вертикальные морщины у корня носа; их называют «морщинами мыслителя» (рис. 37). И, действительно, их наличие можно очень часто констатировать у людей умственного труда во второй половине жизни. Но часто их можно встретить и у представителей труда физического, которые всю жизнь занимались тяжелой физической работой. Поэтому нельзя интерпретировать их однозначно как признак особенно высокой интеллигентности, но только как результат тяжелой и напряженной работы. А была ли это работа духовная или физическая, для возникновения этих морщин безразлично. Но они всегда говорят о том, что человек знаком с серьезными сторонами жизни. Если же в области носа или рта имеются следы раздражительности или недовольства, то отчетливо выраженные бровные морщины еще усиливают это впечатление.

Совершенно однозначно трактуется небольшая косая морщина, которая нередко образуется у корня носа в результате деятельности procerus'a (мышца

гордецов). Я предложил для нее название «морщина борца», поскольку я находил ее только у тех людей, жизнь которых была наполнена жесткой борьбой. Ее можно обнаружить у многих великих полководцев, но также и у крестьян, которые вынуждены отвоевывать у скудной земли свое ежедневное пропитание, или у инструкторов по альпинизму, профессией которых стала борьба с коварством гор (рис. 77).

Большое значение *бровей* для выражения лица широкими кругами еще не признано. Об этом говорит дурная привычка удалять брови, полученные от природы, и рисовать на их месте такие, которые в действительности вообще не встречаются (рис. 170). Подробно мы исследовали возникновение т. н. бровей Лаокоона. При этом с помощью в том числе и фотографических снимков можно убедиться в самостоятельности действия медиальных частей *Frontalis'a*, которая до сих пор не признается анатомами.

Поскольку *форма рта* в значительно большей мере, чем область глаз, моделируется мышечной работой, функции отдельных мышц рта должны быть тщательно исследованы. При этом мы получаем новые сведения, прежде всего о *buccinator'e* и *gesti*, которым до сих пор уделялось недостаточно внимания. Мышцы рта порождают носогубную складку. Существующие относительно этой складки до сих пор взгляды мы считаем неудовлетворительными. Следует точно установить, какие мышцы формируют отдельные ее отрезки, и каково физиогностическое значение этих отдельных частей. Важным с физиогномической точки зрения оказалось и исследование морщины у уголков рта (рис. 186). В течение жизни форма рта претерпевает много изменений. Поэтому нужно исследовать все изменения формы рта от рождения до преклонного возраста.

Раньше всего форма рта начинает изменяться под влиянием бутылочки и соски. Красота многих ртов была испорчена соской (рис. 198). Я надеюсь, что борьба с соской будет вестись успешнее, так как матери уяснят для себя ее опасность для будущей красоты ребенка. Гигиенические соображения оказались в этой связи недостаточно эффективны.

Вслед за соской свое формирующее воздействие начинает оказывать работа *quadr. lab. infer.* и *mentalis'a*, мышц раздражительности. Она начинается уже на первых годах жизни и приводит к выпячиванию нижней губы (рис. 202). Если воспитание не начинается своевременно с этим бороться, то возможно формирование толстой, выпяченной нижней губы. Такая нижняя губа встречается и в жизни, и в искусстве исключительно часто. Борьба против приводящей к этому явлению бездумной привычки открывает для практической физиогномики богатое поле деятельности. Однако выпяченная нижняя губа может быть устранена и в более позднем возрасте, что я показал на примере портретов Гёте (рис. 302). Тяжелейшим и весьма кардинальным образом могут изменить форму рта и болезни, такие, как спондилит и скрофулез, а также затруднение носового дыхания (рис. 58). На втором году жизни воздействие ротовых мышц на форму рта усиливается. Начинается борьба между круговыми мышцами, которые закрывают и сужают ротовую щель, и мышцами у уголков рта, которые вытягивают ее в длину. Изначально у большинства детей — во всяком случае, у

тех, которых я имел возможность исследовать — расстояние между углами рта примерно то же, что и расстояние между внутренними углами глазниц. У небольшой части детей, преимущественно у девочек, это соотношение может сохраняться неизменным до 18-го или даже 20-го года жизни. Я вспоминаю о ртах Мадонны и рта Елены Седлмайера (рис. 238). Но у подавляющего большинства детей благодаря смеху и плачу рот очень скоро вытягивается в длину. Если судьба дарит маленьким гражданам мира радостное детство, то уголки рта благодаря интенсивной работе мышц смеха могут и в более поздние годы указывать вверх. Однако число таких людей, рот которых безошибочно указывает на их радостную натуру, невелико. У большинства людей более или менее рано перевешивает влияние мышцы отказа и разочарования, *buccinator*, и, позднее, мышцы страдания, *triangularis*. Правило заключается в том, что направленные в детстве вверх уголки рта с течением жизни все более вытягиваются наружу и вниз. Если есть желание изучить воздействие мышц страдания, достаточно однажды понаблюдать людей на улице. У большинства пожилых мужчин и женщин уголки рта направлены вниз. Когда мышцы, закрывающие рот, напряжены, уголки рта приближаются друг к другу, а губы, как правило, выдвигаются при этом вперед, как при поцелуе. Целуются в жизни не так часто, чтобы это как-то существенно повлияло на форму рта. Но совершенно подобная форма рта формируется при таком испытующем отношении. Есть люди, у которых это вошло в привычку складывать губы так в течение всего дня. Тогда эту черту они могут пронести через всю свою жизнь. Особенно часто я встречал такой оценивающий рот у художников (рис. 189). Поэтому эту форму рта можно обозначить как «рот художника». Если же губы выдвигаются вперед еще сильнее — в большинстве случаев рот при этом открывается и, вследствие действия *mentalis*'а, нижняя губа смещается вверх — то возникает угрожающее выражение. Часто при этом одновременно губы сильно вывернуты наружу, так что видна значительная часть красной ткани губ. Это может быть, конечно, наследственным признаком, но эта форма губ может сформироваться и вследствие черт ожесточения, которые очень близки и родственны выражению угрозы. Навязчивый рот демонстрирует черты ожесточения и отказа весьма отчетливо.

И, наоборот, губы могут втягиваться внутрь, так что видна только малая часть красной ткани губ. Это наблюдается прежде всего при выражении угрюмого отказа (рис. 263). Втягивание губ показывает, что человек не привык открыто выражать неприязнь или делает это нечасто; речь идет в большинстве случаев о вспыльчивых, но привыкших сдерживать себя людях, которые вынуждены молча сносить многие жизненные напасти (рис. 283).

Третью особенность, которая важна для того выражения, которое производит рот, представляет собой очертания губ. Если губы очерчены четко, то это говорит, если только это не связано с влиянием наследственности, об определенности и решительности речи. С этим же связаны в большинстве случаев узкие губы (рис. 259). Если же губы не очерчены четко, то часто это — признак неумения сдерживать себя. Как правило, губы в таких случаях толстые. Соответственно этому можно выделить две группы губ: толстые и грубые, с одной стороны, и резко очерченные

и узкие, с другой. На формирование этих губ оказывает влияние не только наследственность, но и, как я уже говорил, профессия и манера речи.

Темперамент, характер и жизненная судьба глубоко запечатлеваются в области рта и могут быть легко прочитаны знающим человеком. Рот скажет физиогномусту значительно больше, чем глаза. Глаза говорят о духовном напряжении или вялости, активности или усталости, духовной значимости или ограниченности, но о характере они говорят немного, кроме бровных морщин и морщины борца, которые показывают, что объект наблюдения не избежал столкновения с серьезными сторонами жизни.

С точки зрения физиогномики можно разделить людей на три группы: *радостные натуры, люди, умеющие хорошо владеть собой, или нетемпераментные люди, и люди, для которых характерна работа мышцы страдания, triangularis'a*. На примерах, взятых большей частью из истории, было показано различие этих групп.

Но, в заключение, возникает вопрос: что вообще можно прочесть по лицу человека? Когда в какой-нибудь компании случайно заходит речь о моих физиогномических работах, я часто сталкивался с тем, что дамы прикладывали руку к лицу и испуганно восклицали: «Да вы опасный человек, вас следует остерегаться». Мужчины были в большинстве случаев смелее, и многие из них, с которыми я только познакомился, вызываясь поворачивались ко мне и говорили: «Ну, теперь вы расскажете мне о моем происхождении, о том, какова моя профессия, какой у меня характер и т. д.». Такая постановка вопроса показывает, что эти люди не представляют себе границ физиогномики. Если перелистать альбом с фотографиями преступников, то найдется бесчисленное количество лиц, на которых никак не выражает себя преступная натура осужденных. Это объясняется по большей части тем, что эти люди рано овладели способностью к самообладанию или от природы не обладают ярким темпераментом. На таких лицах переживания почти или вообще не отражаются. И это справедливо не только в отношении преступников, но и в отношении всех людей. У радостной натуры или у человека с выраженной активностью *triangularis'a* его личность открывается опытному наблюдателю в течение нескольких минут. В случае человека, умеющего владеть собой или не темпераментного, требуется длительное наблюдение за ним, чтобы внести ясность. Но и для такого рода людей удастся сформировать определенное представление об их личности, если только есть возможность длительное время наблюдать, как они высказываются, хотя эти представления, может быть, не так глубоки, как для представителей двух других групп.

Другая граница физиогномики определяется тем, что мы сегодня не при каждом изменении выражения лица можем точно сказать, что является врожденным и что — благоприобретенным. Толстая нижняя губа, например, может быть проявлением недостатков характера, однако она может быть, как у Габсбургов, безобидной ошибкой природы. Однако такого рода источники ошибок большой роли не играют. Они не мешают тому, что, в общем, радостные и серьезные переживания, темперамент и характер, профессия, язык и болезни находят адекватное отражение на лице человека.

Третья граница физиогномики связана с тем, что духовная составляющая человека выражается отнюдь не в каждом лице. Я говорил о том, что она выражается преимущественно в твердом, ясном взгляде и широко открытых глазницах. Тот, кто смотрит на портрет Гёте кисти Штилера, даже если он ничего не знает о личности Гёте, неизбежно придет к выводу, что перед ним какой-то очень значительный человек. Это мировой мудрец, олимпиец, и это с кристальной ясностью видно на картине. Но есть многие очень заслуженные люди, духовная сущность которых никак не выражается на их изображениях. В качестве примера приведем Сократа. Если посмотреть на лица нашей духовной элиты, университетских профессоров, то найдется значительное число лиц, которые, как и лицо Гёте у Штилера, говорят о духовном значении; найдется также много лиц, по которым нельзя будет с уверенностью сказать, что это университетские профессора, точно так же, как у многих врачей не наблюдается ничего общего с Асклепием. Тем не менее, среди этих по видимости незначительных и не слишком характерных лиц можно найти очень заслуженных исследователей и прилежных практиков. Не у каждого мыслителя — лицо мыслителя. Этой констатацией я причинил боль многим своим коллегам, как и ранее своим маленьким сочинением о «лбах мыслителей» я возбудил много неудовольствия, поскольку обесценивание собственных высоких лбов мало кому понравится. Но, как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже».

Более всего разочаровывает физиогномистов лицо Александра Великого. Напрасно ищут они на этом лице следы богатых жизненных переживаний и признаки превосходящей всех личности. Правда, Александру было только 33 года, когда он умер, а обычно знаки жизненного пути отпечатываются на лице только в более позднем возрасте. Но я знаю многих мужчин, участников мировой войны, переживших тяжелые времена в Африке, и на их лицах эти переживания четко отпечатались уже к 30-му году жизни. Поэтому молодой возраст Александра вряд ли может быть причиной отсутствия соответствующих знаков; может быть, жизнь Александра, несмотря на всю содержащуюся в ней борьбу и заботы, не была такой уж тяжелой и полной лишений, как у наших участников войны. Во время самых тяжелых военных сражений он ввел в свой дом Роксану и одновременно пережил 10 000 греков с 10 000 персиянок. Можно подумать и о том, что скульпторы намеренно убрали с лица Александра те черты, которые запечатлелись на нем, поскольку они хотели изобразить его богоподобным мужем, великолепным героем. Но против этого говорит то, что они совершенно реалистично изображали кривошею, которой страдал Александр. Но, независимо от того, что было причиной, остается тот факт, что духовная значимость этого мирового завоевателя никак не выразилась в его бюстах.

Таким образом, источники ошибок существуют и в физиогномике, но они не настолько велики, чтобы существенно повредить практическому применению этой науки. Если наблюдать тысячу людей на улице или в каком-либо собрании, то лишь некоторое небольшое их число обладает духовным значением. И если мы не признаем этого относительно одного-другого человека и не оценим его по достоинству, беда невелика. Но большинство тех людей, кто на основании моих

исследований делает попытку самостоятельно толковать чужие лица, чаще всего сталкивается с разочарованиями. Я намеренно выбирал для обсуждения лица, на которых четко отразились личности этих людей. Как правило, моя задача облегчалась еще и тем, что картины были написаны хорошими художниками, в том числе Гансом Гольбейном, который, как никто другой, полностью схватывал всю личность человека и умел ее адекватно изобразить. Обычные же люди, которые становятся в основном объектами исследования моих последователей, не обладают, как правило, столь характерно выраженной личностью. На их лицах часто отражаются противоречащие друг другу черты веселья и серьезности, а часто на этих лицах — кроме молодости и возраста, праздности и работы — вообще ничего нет.

По такому пустому лицу ничего не смог бы сказать самый лучший физиогномист. Вообще, поверхностные люди не должны заниматься таким деликатным делом. Если, например, некто замечает у другого человека многочисленные морщины на лбу и затем на этом основании, немало не сомневаясь, делает вывод, что этот человек тщеславен, то он может допустить большую несправедливость. Или некто, заметив у молодой девушки исчезновение жира на внутреннем углу глазницы, делает отсюда вывод о пробуждении у нее чувств, это также может быть серьезным заблуждением. Как правило, отдельный физиогномический признак не может быть основанием для характеристики всей личности. Потому что отдельная черта, например, опущение верхнего века, может быть обусловлена различными причинами. Хороший физиогномист, как и врач, должен пытаться рассматривать лицо человека в целом, а не ограничиваться только одним признаком. При этом он должен учитывать изменение выражения лица во время речи, позу, положение головы, движение плеч и рук, а также и походку, поскольку во многом в этом может выразиться личность наблюдаемого человека.

Тот, кто занимается физиогномикой таким образом, получит много радости от этой молодой науки и извлечет из этих занятий много пользы. Никто не будет оспаривать тот факт, что хороший физиогномист должен хорошо знать людей, а в знании людей нуждается каждый, кто вынужден вместе с другими жить и работать.

То, что врач, археолог, теоретик искусства, художник и скульптор должны как можно больше понимать в физиогномике, само собой разумеется. Также можно было бы пожелать, чтобы актеры и актрисы театра и кино скорейшим образом сформировали правильные представления о значении форм и черт лица, чтобы чудовищные искажения внешности во время съемок, такие, как клоунские губы наших кинодив, их псевдосексуальность и невозможные брови исчезли с экрана. Если кто-то еще не вполне уяснил себе, что делает большинство кинодеятелей из естественного лица, тому я предлагаю сравнить изображения Сони Гени до и после Голливуда. Из ее природного очарования на ее «экранном» лице не осталось ничего.

Какую ценность может иметь физиогномика для правильного понимания исторической личности, можно судить, как я полагаю, на примерах Генриха VIII

(рис. 268) и Элеоноры Толедской (рис. 290). Но еще большее значение распространение научно обоснованных знаний может иметь для воспитания и облагораживания характера.

Тот, кто пытается правильно толковать линии лица, должен стараться преодолевать плохие качества характера, проявление которых он сумел разглядеть на собственном лице, или которые он наблюдает на лицах своих детей или доверенных его воспитанию учеников. Для мужчины я не считаю необходимым стремиться к тому, чтобы избежать любой морщины на лице. Если бы все мужчины характеризовались такой степенью самообладания, как, например, неизвестный на рис. 259, то мужское лицо стало бы очень скучным, а физиогномисты потеряли бы богатую область для своей работы. Ведь красота мужского лица основана на запечатлении на нем серьезных переживаний и ценных черт характера. Вспоминаются лица Демосфена, Роберта Майера, Людендорфа, Микеланджело. Умный и обладающий определенным весом в обществе мужчина придает мало значения красоте в общепринятом смысле слова.

К женским лицам предъявляются иные требования. С возрастом женское лицо точно так же покрывается морщинами, и оно может быть таким же интересным, представляя значительную личность, как и лица многих мужчин. Я ссылаюсь на рис. 288. Но большинство женщин хотят быть красивыми и оставаться красивыми, по меньшей мере, в молодости, которая раньше длилась до 25, а теперь уже почти до 50 лет. Я уже показывал, как часто привычка выпячивать нижнюю губу или такие черты характера, как злобность и своенравие, приводят к формированию морщин у уголков рта, что рано разрушают красоту самого прекрасного лица и приводят к преждевременному старению. Против этих изменений не помогают никакие паровые ванны и маски, а также никакие втирания специальных кремов. Поскольку тут есть только один метод терапии, которые состоят в том, что женщина все время должна стараться быть, а не казаться любезной! Та женщина, которая полагает, что она посредством напряженного самообладания и судорожного подавления недружественных душевных движений может сохранить свою красоту, пребывает в глубоком заблуждении. Такого рода самообладание очень скоро выразится в виде узких, поджатых губ. Каждая женщина должна задуматься о том, что женский шарм часто зависит буквально от нескольких квадратных миллиметров лица — что я показал на примере портрета Моны Лизы — и она не должна иметь никаких иллюзий насчет того, что у женщины даже малейшая черта отрицательных качеств характера неумолимо отпечатывается на лице, тогда как мужчина может скрыть, например, бородой гораздо более выраженные негативные черты своей личности.

Существует много женщин, которые в обществе демонстрируют очаровательную дружескую улыбку, но в собственном доме привыкли срывать свое дурное настроение на муже, детях и слугах. И это сейчас же отражается на их лицах. Каждый день формирует наше лицо! Если бы каждая женщина, которая хочет оставаться молодой и красивой, помнила бы об этом и использовала в этом смысле практическую физиогномику, то возможно был бы предотвращен распад многих браков. Каждая прогрессивно мыслящая женщина должна поставить себе в

пример ту японку, о которой рассказывает фрау Инагаки Сугимото в своей очаровательной книге «Дочь самурая». Когда в Японии девушка выходит замуж, то мать при расставании дочери с родительским домом дарит ей сумочку с зеркалом и говорит ей, что она должна мужественно вступить в свою новую жизнь, как если бы она была солдатом, вступающим в битву: «Смотри каждый день в это зеркало, потому что если рубцы корысти и высокомерия появляются на сердце, то они сейчас же в виде морщин отражаются на лице. Будь сильна, как сосна, будь гибка в кротком послушании, как бамбук. И никогда не теряй, подобно душистым цветам сливы под снегом, кроткой выдержки преданной женственности».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лицевые мышцы

Buccinator — мышца трубача, мышца отказа и разочарования, щечная мышца.

Corrugator supercilii — мышца, сморщивающая брови, мышца напряжения.

Frontalis — лобная мышца, вторая мышца внимания; медиальный пучок волокон — мышца патетической боли.

Levator palpebrae superioris — подъемник верхнего века — первая мышца внимания, мышца, поднимающая верхнее веко, леватор верхнего века.

Mentalis — подъемник нижней губы, мышца угрожающего выражения, подбородочная мышца.

Nasalis — мышца, опускающая вниз кончик носа и крылья носа, мышца носа.

Orbicularis oris — мышца, закрывающая рот, круговая мышца рта.

Orbicularis oculi — мышца, закрывающая веки, круговая мышца глаза.

Pars palpebralis — центральные волокна, окружающие глазницу, вековая часть.

Pars orbitalis — периферические волокна, располагающиеся на краю глазницы, глазничная часть.

Procerus — «мышца борца», мышца гордецов.

Quadratus labii inferioris — мышца, опускающая нижнюю губу, мышца раздражительности, квадратная мышца нижней губы.

Quadratus labii superioris — подъемник верхней губы, квадратная мышца верхней губы.

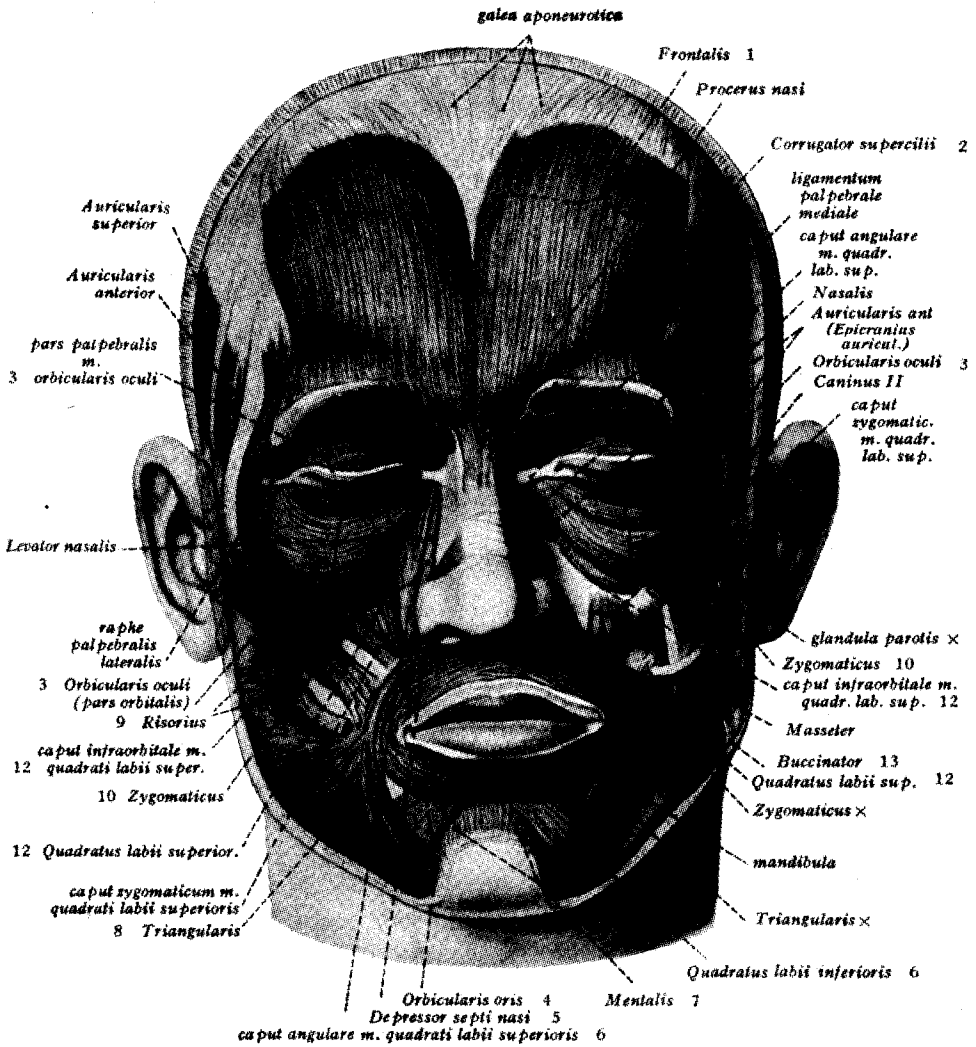
Caput angulare — подъемник крыльев носа, угловая головка (мышцы).

Risorius — слабая смеховая мышца, мышца смеха.

Triangularis — мышца страдания, треугольная мышца, мышца опускающая угол рта.

Zygomaticus — мощная смеховая мышца, она же скуловая мышца.

Лицевые мышцы. Итоговая таблица

Уровни, проходящие через голову

В интересах скорейшего взаимопонимания врачи используют обозначения, которые определенным образом соответствуют уровням, проходящим через тело. При этом исходят из позы прямостоящего человека. Вертикальный уровень, проходящий сверху вниз через оба уха, обозначают как **фронтальный**. То же наименование имеют и проходящие в том же направлении уровни сзади или спереди от ушей.

Саггитальные уровни протягиваются в вертикальном направлении спереди назад, от лица к затылку.

Трансверсальный уровень проходит через голову горизонтально.

В качестве **латерального** обозначают расположение, значительно отстоящее от средней линии вправо или влево, вблизи уха.

Медиально располагаются части, находящиеся вблизи средней линии, вблизи носа или подбородка.

Обозначения глаза

Bulbus — глазное яблоко.

Iris — голубая, серая или коричневая пигментированная радужная оболочка глаза.

Pupille — черное зрительное отверстие посередине радужной оболочки.

Tarsus — хрящевая пластинка в форме миртового листа, составляющая остов верхнего и нижнего века.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Элементы физиогномики	8
Работа лицевых мышц	10
Голова	14
Черепная коробка	14
Откуда берутся «лбы мыслителей»?	18
Нос	24
Мышцы носа	26
Ухо	32
Анатомия лба	34
Глаз	38
Мимическое выражение глазного яблока	43
Глазница	50
Изменения формы глазницы, обусловленные направлением взгляда	62
Положение глазного яблока в глазнице	76
Различные формы верхнего века	84
Верхнее веко при поверхностном расположении глаз	84
1. Веко, напоминающее по форме кусочек персика	86
2. Персиково-тарзальное веко	88
3. Булавовидное веко	89
4. Булавовидно-тарзальное веко	92
5. Тарзальное веко	92
6. Узкое верхнее веко	95
Нижнее веко поверхностно расположенных глаз	97
Глаза, расположенные на средней глубине	98
Глубоко посаженные глаза	98

Веко и возраст	99
Брови	101
Рот	110
Мышцы рта	110
Мышцы смеха	115
Назолабиальная морщина (носогубная складка)	119
Морщины у уголков рта	123
Совместная работа мышц рта	126
Оценивающий рот	126
Положение рта при поцелуе	128
Открытый рот	128
Воздействие мышц в уголках рта	129
Изменения рта в детстве и юности	132
Унаследованная форма губ	132
Мимика плача	137
Смех	138
Болезни	139
Форма рта в юношеском возрасте	144
Юношеский рот у мужчин	145
Юношеский рот у женщин	148
Греческий женский рот	156
Лицо в целом	158
1. Радостные натуры	158
2. Бесстрастные люди, владеющие собой	165
3. Лица, отмеченные страданием	178
Молодость и возраст	188
Заключение	203
Приложение.....	214
Лицевые мышцы	214
Лицевые мышцы. Итоговая таблица.	216
Уровни, проходящие через голову	217
Обозначения глаза	217

Науке под названием физиогномика уже много тысяч лет. Первыми физиогномистами были дикари, которые раскрашивали свои лица, чтобы напугать своих врагов. Египтяне пытались достичь физиогномического эффекта, изменяя форму черепа. Характерным примером являются хранящиеся в берлинском музее искусственно вытянутые черепа дочерей Аменофиса, датируемые 1350 г. до н. э. Первым письменным свидетельством о физиогномических изысканиях мы обязаны Аристотелю. Из приписываемой ему физиогномики мы узнаем, что и до него физиогномисты исследовали выражение «лиц» животных, чтобы раскрыть тайну человеческого лица. С угасанием древних культур прекратился и интерес к физиогномике. Только у Леонардо да Винчи мы находим возрастающее количество сообщений о его физиогномических наблюдениях. Очень подробными физиогномическими исследованиями занимался Микеланджело — о чем, без сомнения, свидетельствуют его картины, которые правдиво и даже натуралистично передают человеческие страсти и страдания — но он, к сожалению, не оставил никаких письменных свидетельств о своих физиогномических исследованиях. Книга известного немецкого ученого будет полезна практическим психологам, художникам, сотрудникам правоохранительных органов, а также всем тем, кто интересуется психологией.

9 785898 041472